

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 18 № 12 (157) декабрь 2023

В НОМЕРЕ:

Кокотов А. Н.

Конституция России и идеология

Артюхин Р. Е.

Бюджетно-правовое регулирование казначейского обслуживания исполнения бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований

Климов В. В.

Становление системы защиты прав потребителей: историко-правовой ракурс

LEX RUSSICA



- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)



- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.
Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).
Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».
Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.
Почтовый адрес: Рашпилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.

Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.

Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).

Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке.

Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.

Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.

Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина.

Почтовый адрес: Соборная ул., д. 23/25, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.

Почтовый адрес: ул. Зеромскиго, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: aprp.msai@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msai.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 10.01.2024
Объем 21,62 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна. Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции. Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenka, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).

Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.

Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.

Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.

Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.

Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Service and Labour Law of the Povolzhsky Institute of Government named after P.A. Stolypin.

Mailing address: Sobornaya ul., d. 23/25, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).

Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.

Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.



**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. FS77-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, 125993, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: aprp.msal@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

10.01.2024
Volume: 21.62 conventional printer's sheets, format 60x84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Содержание

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

- Кокотов А. Н. Конституция России и идеология 11

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Климов В. В. Становление системы защиты
прав потребителей: историко-правовой ракурс 24
- Шаталов Е. А. Договорные грамоты русских
великих и удельных князей XIV–XV вв.
как источник познания истории развития отечественного уголовного права 33

ТЕОРИЯ ПРАВА

- Филин А. Ю. Проблема государственного суверенитета
в контексте мир-системного анализа 41

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Артюхин Р. Е. Бюджетно-правовое регулирование
казначейского обслуживания исполнения бюджетов
субъектов Российской Федерации и муниципальных образований 52
- Омельченко А. Г. Валютное регулирование как инструмент
обеспечения государственного суверенитета
Российской Федерации в условиях глобальных вызовов 62
- Слатин Р. В. Правовое регулирование охраны окружающей среды:
соотношение финансового и экологического права 72

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Скучаев А. А. Овербукинг в авиаперевозках: проблемы и пути их решения 84

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Латынцев А. В. Предложения по дифференциации
уровня размера вознаграждения патентообладателей
в условиях ограничения их исключительных прав в сфере здравоохранения 93

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

- Черных Н. В. Трансформация труда как объекта общественных отношений
и распространение нетипичных форм занятости 104

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Палий В. В. Склонение, вербовка, вовлечение
как средства конструирования состава преступления 114
- Антонченко В. В. Кризис уголовной политики 123



УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Кулев А. Г. Уголовно-процессуальный статус следственной группы 137

Александров И. С. Судебный контроль
как самостоятельная функция судебной власти
и его место в досудебном производстве по уголовным делам 151

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Историческая криминология
как методологический подход к изучению проблем преступности 162

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

Макашева К. Н. Глобальные климатические изменения
и экологическая безопасность:
сравнительно-правовой анализ опыта России и Казахстана 178

Contents

STATE POWER AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

- Kokotov A. N.** The Constitution of Russia and Ideology 11

PAGES OF HISTORY

- Klimov V. V.** The Consumer Protection System Formation:
Historical and Legal Perspective 24

- Shatalov E. A.** Contract Charters of Russian Grand
and Appanage Princes of the 14th–15th Centuries
as a Source of Knowledge for the History of Russian Criminal Law Development 33

THEORY OF LAW

- Filin A. Yu.** The Problem of State Sovereignty
in the Context of World-System Analysis 41

FINANCIAL LAW

- Artyukhin R. E.** Budget Law Regulation of Treasury Services
for the Budgets Performance of Constituent Entities
of the Russian Federation and Municipal Entities 52

- Omelchenko A. G.** Currency Regulation as a Tool to Secure the State
Sovereignty of the Russian Federation in the context of Global Challenges 62

- Slatin R. V.** Legal Regulation of Environmental Protection:
Interrelations between Financial and Environmental Law 72

CIVIL AND FAMILY LAW

- Skuchaev A. A.** Overbooking in Air Transportation: Problems and Solutions 84

INTELLECTUAL PROPERTY LEGAL PROTECTION

- Latyntsev A. V.** Proposals for Differentiating Remuneration
for Patent Holders in the Context of Limiting their Exclusive Rights in Healthcare 93

LABOR RELATIONS AND SOCIAL SECURITY

- Chernykh N. V.** Transformation of Labor being an Object
of Social Relations and the Spread of Atypical Forms of Employment 104

CRIMINAL LAW

- Paliy V. V.** Inducement, Recruitment, Involvement
as a Means of Constructing a Crime 114

- Antonchenko V. V.** Criminal Policy Crisis 123



CRIMINAL PROCEDURE

Kulev A. G. Criminal Procedural Status of the Investigation Team 137

Aleksandrov I. S. Judicial Control as an Independent Function
of the Judiciary and its Place in Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases 151

CRIMINALISTICS AND CRIMINOLOGY FORENSIC EXAMINATION

Pudovochkin Yu. E., Babaev M. M. Historical Criminology
as a Methodological Approach to the Study of Crime Problems 162

ENERGY, ENVIRONMENTAL AND NATURAL RESOURCES LAW

Makasheva K. N. Global Climate Change and Environmental Safety:
Comparative Legal Analysis of the Experience of Russia and Kazakhstan 178

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.011-023

А. Н. Кокотов*

Конституция России и идеология

Аннотация. В статье исследуется идеологическая составляющая конституционного регулирования, исходя из понимания идеологии как части коллективного мировоззрения, нацеленной на выражение долговременных идеалов и интересов людей, связанных с устройством общества, его политико-государственной организацией. При этом конституционные положения об идеологическом и политическом многообразии служат основой для выделения во взаимодействии групповых (партийных) программ общенациональной идеологии, обобщенным выражением которой является национальная идея. Особый предмет анализа — положение ч. 2 ст. 13 Конституции РФ о том, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Данный запрет не может распространяться на конституционно закрепленные идеологемы как элементы общенациональной идеологии и уточняющее их регулирование. Указанный запрет является средством обеспечения идеологического многообразия. Конституционные идеологемы, в число которых входят, например, положения преамбулы, ст. 671 и 751, получают развитие в иных нормах Конституции, текущем законодательстве. Но главным направлением конкретизации таких идеологем является их ценностно-доктринальное освоение в официальных стратегиях, доктринах, концепциях. На этом уровне важна системная проработка цивилизационного вектора развития страны. Его значимым внутренним ориентиром может стать идея обустройства страны, всех сторон ее жизни.

Ключевые слова: конституция; идеология; идеалы; интересы; национально-государственная идеология; единство в многообразии; многонациональный народ; национальная идея; идеологическое многообразие; идеология прав человека; цивилизационное развитие; обустройство страны.

Для цитирования: Кокотов А. Н. Конституция России и идеология // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 12. — С. 11–23. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.011-023.

The Constitution of Russia and Ideology

Alexander N. Kokotov, Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court
of the Russian Federation
1, Senatskaya Sq., St. Petersburg, Russia, 190000
kokotov_an@mail.ru

Abstract. The paper examines an ideological element of constitutional regulation, based on the understanding of ideology as part of a collective worldview aimed at expressing long-term ideals and interests of people

© Кокотов А. Н., 2023

* Кокотов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ
Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000
kokotov_an@mail.ru

related to the structure of society, its political and state organization. At the same time, the constitutional provisions on ideological and political diversity serve as the basis for the identification of a national ideology in the interaction of group (party) programs, the generalized expression of which constitutes the national idea. The author subjects to detailed analysis the provision of Part 2 of Article 13 of the Constitution of the Russian Federation stating that no ideology can be established as state or mandatory one. This prohibition cannot apply to constitutionally fixed ideologemes as elements of a national ideology and their clarifying regulation. This prohibition is a means of securing ideological diversity. Constitutional ideologemes, which include, for example, the provisions of the Preamble, Articles 671 and 751, are being developed in other norms of the Constitution and current legislation. But the main direction of concretization of such ideologies is their value-doctrinal development in official strategies, doctrines, concepts. At this level, a systematic study of the civilizational vector of the country's development is important. The idea of arranging the country, all aspects of its life can serve as a significant internal guideline.

Keywords: constitution; ideology; ideals; interests; national-state ideology; unity in diversity; multinational people; national idea; ideological diversity; ideology of human rights; civilizational development; country development.

Cite as: Kokotov AN. The Constitution of Russia and Ideology. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(12):11-23. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.011-023.

Под идеологией в настоящей статье понимается набор идей, воззрений, концепций, доктрин, чувственно-художественных образов, сказаний, мифов, выражающих то, как должно быть устроено общество, прежде всего в части его политико-правовой организации, на каких ценностях оно должно основываться и какие его группы являются (могут быть) опорными для него. Идеология есть та часть коллективного мировоззрения, которая нацелена на понимание и выражение долговременных идеалов и интересов людей. Поэтому идеологические построения имеют, как правило, программный характер и предназначены для обоснования и направления действий разных политических сил по достижению и воспроизводству желательных для них ценностей и прежде всего — общественно-государственного устройства определенного вида и качества.

То обстоятельство, что идеалы и интересы разных групп населения зачастую не совпадают, ведет к появлению в обществе групповых (классовых, национальных, конфессиональных, других) идеологических программ, создающих основу для сотрудничества и противоборства указанных общественных групп. В их волевом взаимодействии складывается иерархия общественных ценностей и обеспечивающий ее политико-правовой механизм. Наличие послед-

него является важной предпосылкой для выделения в обществе таких воззрений, которые способны стать основой общенациональной (общегосударственной) идеологии.

Развитая национально-государственная идеология есть средство осознания народом самого себя, его социально-политического самоопределения. С ее помощью народ выражает и отстаивает вовеки свои запросы, постигает свое место в мире (наличное и желаемое). Идеология — это та культурно-мировоззренческая площадка, на которой происходит постановка народом (через отдельных акторов, взаимодействующих между собой на данной площадке) предельных вопросов бытия: кто мы в мировом пространстве; каково наше место в истории; в чем наше предназначение; чье дело мы продолжаем и что это за дело; кто наши союзники, попутчики, соперники и враги. Национально-государственная идеология служит вовлечению людей в великие дела и помогает разложить эту работу на значительное число поколений, обеспечивая преемственность усилий последних, с тем чтобы каждое поколение проходило свой отрезок пути, опираясь на сделанное до него и заботясь о том, что оно передаст потомкам. Ее сила не только и не столько в ее конституционном закреплении, сколько в улавливании и выражении в ней глубинных запросов и чаяний людей, действительных об-

щемировых и национальных закономерностей, а также и в ее способности доходить не только до сознания, но и до чувств людей¹.

Таким образом, в области идеологии, как и культурно-мировоззренческого пространства в целом, происходит соединение прошлого, настоящего и будущего страны и ее народа (народов). Кстати, данная линия отчетливо заложена в преамбуле Конституции России, ее статьях 67.1 и 75.1. Названные положения отражают социально-культурную и правовую связь разных поколений россиян, потомков с предками². Важным звеном межпоколенного взаимодействия является сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей³.

Именно в культурно-мировоззренческой области, включающей идеологический компонент, мы ищем то главное, что объединяет разные группы населения в череде людских поколений на общей земле, и одновременно то, что способно обеспечить естественное многообразие их особенностей. Девиз Европейского Союза — единство в многообразии. Согласно Европейской комиссии, этот девиз означает, что европейцы едины в совместной работе на благо мира и процветания и что множество различных культур, традиций и языков Европы являются положительным обстоятельством для этого континента.

Ровно эта же идея вытекает и из Конституции России. Помимо упомянутых выше конституционных положений, это также нормы о федеративном устройстве страны, в том числе о разграничении полномочий между федеральным центром и субъектами федерации, о местном самоуправлении как уровне власти, наиболее приближенном к гражданам, о свободе слова,

совести, вероисповедания и защите прав национальных меньшинств, коренных малочисленных народов. Особое значение в обеспечении единства страны в ее внутреннем многообразии имеют положения Конституции России о правовом характере нашего государства, верховенстве Конституции (ст. 1, 4, 15). Единство в многообразии — это и основа для взаимодействия разных идеологических подходов, в котором только и может сложиться подлинно общенациональная идеология.

Таким образом, идеология — это попытка народа осознать себя как целостную коллективную личность, в том числе посредством выработки действующими от его имени акторами доктринально-программных оснований коллективного ценностного выбора в духовно-культурной и государственно-политической области. Концентрированным проявлением названного осознания выступает национальная идея. Она представляет собой емкое и зачастую образное выражение главных ценностей и целей народа, страны, имеющих основание в истории и предполагающих свое осуществление в длительной перспективе посредством солидарных усилий многих поколений. Ее усеченный вариант может формулироваться как призыв, девиз, близкий к официальной символической.

К примеру, в Конституции Франции провозглашены ее девиз «Свобода, Равенство, Братство» и главный принцип — правление народа, народом и для народа (ст. 2 Конституции Франции). Девиз Швейцарии, являющийся историческим выражением смысла ее федеративной политики, — «Один за всех, все за одного». Подобный официальный девиз как подход к конституционному выражению национальной идеи в современной

¹ См.: Кокотов А. Н. Конституция России 1993 года как правовая основа выбора страной цивилизационного пути // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 5–6.

² См.: Гаджиев Г. А. Официальное толкование Конституции: сочетание онтологического и эпистемологического подходов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 1. С. 136–138.

³ См., например: Овчинников А. И. Идеология российской государственности в контексте модернизации: базовые ценности и приоритеты // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 1. С. 20–25; Бабурин С. Н. Конституционные принципы культуры России в современных условиях // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 15–21; Осавелюк А. М. Поправка к Конституции РФ об идеалах наших предков и вере в Бога как основа устойчивого развития России // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 10. С. 54–60.

России отсутствует. Но его обретение было бы полезным. Над этим надо работать.

Исходными идеолого-цивилизационными конструктами, отвечающими за идентичность народа, выражение им своего самосознания, субъектности, выступают этнонимы, наименования государств. Так, согласно ч. 2 ст. 1 Конституции наименования Российская Федерация и Россия равнозначны. В то же время первое наименование, используемое в настоящее время значительно более широко, чем второе, делает акцент на том, что Россия есть федеративное государство ряда коренных народов Евразии. При этом русский народ и иные российские народы, как государствообразующие для страны в целом и отдельных субъектов федерации, являются основными акторами евразийского пространства в пределах Российского государства.

Россия в качестве государства не тождественна государству русскому. Наименования Россия и тем более Российская Федерация, относясь к словесному ряду, выражающему русскую этничность, государствообразующую роль русского народа, призваны подчеркнуть наднациональный характер Российского государства. Россия — это государство россиян, а русские составляют их часть, хотя и самую большую. Россияне и есть та многонациональная общность, которая является носителем суверенитета и единственным источником власти в стране (ч. 1 ст. 3 Конституции России). Данное прочтение великолепно проступает в строках башкирского поэта Мустая Карима: «Не русский я, но россиянин... свою жизнью я гордиться вправе — нам с русскими одна судьба дана. Четыре века в подвигах и славе сплелись корнями наши племена». В Конституции данный подход выражен в ч. 1 ее статьи 68, гласящей, что государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации.

Конституционная формулировка о многонациональном народе России как нельзя точно указывает на главную цель укрепления гражданского общества в стране. Это сплочение сообщества россиян в единый, но многонациональный

народ. Не только русский народ и другие российские народы по отдельности, но и россияне в целом как многонациональная общность заинтересованы в осознании собственной истории, героики, символики, иных объединяющих людей ценностей.

Концептуальная основа обеспечения названного общероссийского единства — укрепление национальных, религиозных основ общественной жизни, помощь людям в обретении ими традиционных ценностей (патриотизм, хозяйственные, семейные, национальные, религиозные ценности) и вместе с тем — усиление межнационального, межрелигиозного (скажу более — вненационального, внерелигиозного) общения, выработка у людей стойкого чувства общероссийского единства. Два выделенных направления должны быть органично увязаны между собой, ни в коем случае не противопоставляться. Однако в настоящее время, как представляется, всё же в качестве более приоритетного следует выделить второе направление, позволяющее заложить крепкие, действительно общенародные скрепы российского суверенитета, общероссийской идентичности.

Та или иная идеология не только выражается в отдельных идеях, конструктах, их системах, но и объективируется в общественно-государственном строе и правовой системе страны. Не случайно применительно к Конституции мы выделяем, наряду с ее собственно правовым действием, также и ее политико-идеологическую направленность. Тут, конечно, есть еще вторая линия объективации — область чувств и эмоций, художественных образов. Это область, в которой те же идеи то воспринимаются как разумные, то приобретают чувственный окрас, мифическую образность, значение священных, выражающих нравственные требования ценностей. Вспомним шесть стрел К. Ататюрка как шесть основных направлений государственной идеологии Турции, выделившейся после крушения Османской империи. Некоторые деятели США, пытаясь обосновать американскую исключительность на мировой арене, сравнивают свою страну с библейским градом на холме.

Отечественный пример этого ряда — оценка старцем Филофеем Москвы, средневекового

Московского государства как третьего Рима, «а четвертому и не бывати». Эта идея утверждала, что Москва является преемницей Римской империи и Византии, что именно в нее переместился политический и религиозный центр православного мира после их падения. Данная идея сыграла свою роль в становлении Московского государства не только и не столько как государства национального, сколько как государства наднационального, которое по ходу своего развития превратилось в империю множества самобытных российских народов. Естественным магнитом, соединяющим воедино евразийские народы, выступал и выступает русский народ и русская культура. Но такую роль русский народ смог сыграть только в силу способности впитывать те ценности, культурные формы, которые свойственны другим евразийским народам.

Конституция, которая вбирает в себя две названные линии, предстает не только в качестве правового акта, но также и в качестве культурно-нравственного и политико-идеологического регулятора, к тому же взыскующего отношение к себе как к своеобразному «правовому Завету» или «правовой Библии». Только ведет она людей (способна вести) не к вере в Бога, как религиозные тексты, а к вере в справедливый земной порядок⁴. Этот порядок в его идеальном выражении и практических устремлениях к нему находится, как удачно выразился Г. А. Гаджиев, в совместном ведении права и морали⁵. А право в этом союзе представлено в первую очередь правом Конституции. Но это еще и область гражданской веры. Таким образом, Конституция в ее идеальном предназначении есть своеобразный канон гражданской или мирской (не религиозной) веры, предметом которой выступают названный порядок, его правовые, политико-идеологические и морально-нравственные основания.

Вместе с тем в оценке Конституции с названных позиций не стоит впадать в излишнюю бла-

гостность. Невооруженным глазом видно, что в современном российском обществе, наряду с благотворной гражданской верой в конституционные идеалы, соседствует гражданское безверие, апатия, опустошенность. Это те общественные проявления, которые заставляют искать пути их изжития, в том числе посредством совершенствования социально-экономических и общественно-государственных институтов.

Выше было показано, что идеология в значительной своей части является узкогрупповой, партийной. Она нацелена на приоритетное выражение запросов отдельных социальных групп и на отстаивание с этих позиций своего видения устройства государства и общества. К числу таких идеологических направлений относят либерализм, консерватизм, национализм, социализм, коммунизм, экологизм. На их основе формируется политический спектр. Одно из его упрощенных выражений сводится к разделению имеющихся в стране политико-идеологических сил на правых, левых и центристов.

Итак, идеологическое начало, отраженное в том числе и прежде всего в Конституции, имеет два среза, которые при этом нелегко разделить. Первый — это идеи, воззрения, убеждения, непосредственно составляющие конституционный порядок, образующие «тело» Конституции как писаной, так и живой (конституционализм), обосновывающие и выражающие данный порядок в программно-целевой плоскости и доктринально. Это и есть официальная конституционная идеология, претендующая на роль национально-государственной надпартийной идеологии. Ее невозможно изъять из Конституции и политико-правового пространства. Она составляет основу государственной идеологии. Последняя же присуща любому государству⁶.

Второй срез — это узкие партийные идеологии, программы. Они включены в конституционный порядок как средства выражения

⁴ См.: Синюков В. Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. Саратов : Полиграфист, 1994. С. 367 ; Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право. М. : Юрист, 2004. С. 82–88.

⁵ См.: Гаджиев Г. А. Конституционно-правовое концептуальное пространство // Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 2. С. 15.

⁶ Об этом см., например: Хабибулин А. Г., Рахимов Р. А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории // Государство и право. 1999. № 3. С. 11–20 ; Боброва Н. А. Конституционный строй

групповых (классовых, территориальных, иных) запросов, ценностей и как то, что через правотворческий процесс может стать частью действующего официального правопорядка, то есть войти в первый срез. К примеру, меньшинство зачастую делает свои идеи достоянием большинства, всего общества. Иногда это происходит и в форме навязывания большинству чуждых ему идей хорошо организованным меньшинством.

Так проявляет себя то, что П. Бурдые именвал символической властью, выступающей функцией символического капитала как нарабатанного соответствующими акторами в политических и иных сражениях престижа, репутации, общественного признания. В основе символической власти (назовем ее возможностью воздействовать на общественное сознание и, что более сложно, на коллективное бессознательное) находится экономический ресурс и ресурс массмедиа. Есть здесь, конечно, и еще один ресурс — умение видеть дальше и глубже других, зарабатывая символический капитал за счет явного концептуального превосходства над своими оппонентами. Пользуясь символической властью, названные акторы получают возможность конструировать реальность, устанавливая гносеологический порядок не только для себя, но и для других, всего общества. Этот порядок вначале пробивает себе дорогу в массовом сознании, а затем облекается в политико-правовые формы. Частью такого порядка выступает политико-идеологическая картина общества и мира. Благодаря эффекту мобилизации, усилен-

ному поддержкой массмедиа, символическая власть позволяет получить эквивалент того, что достигается силой (физической или экономической)⁷. Очевидно, что и государство должно опираться на возможности указанной власти, контролируя в конституционных рамках ее использование иными субъектами, в том числе на идеологическом поле.

С учетом сказанного легче понять смысл ч. 2 ст. 13 Конституции, гласящей, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Появление в Конституции данного положения было реакцией на «идеократию» советского государства, на превращение «научного коммунизма» в единственную официальную идеологию⁸. Однако, во-первых, эта норма не распространяется на идеологический срез действующей Конституции и конкретизирующие его акты. То есть на то, что получило конституционное закрепление в качестве общенациональной идеологии или ее элементов. Другое дело, что действительно надпартийный характер тех или иных идеологем не может автоматически выводиться из одного только факта их включения в текст Конституции. Он должен подтверждаться на практике во взаимодействии между собой и с властью основных групп гражданского общества.

Во-вторых, данный запрет может пониматься только в связке с ч. 1 ст. 13 Конституции, согласно которой в России признается идеологическое многообразие. Очевидно, что такое многообразие имеет смысл только как основа для складывания официальной национально-государ-

и конституционализм в России. Проблемы методологии, теории, практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 28 ; *Бутусова Н. В.* Государственная идеология и конституционная доктрина России // Юридические записки. Вып. 17. Воронеж, 2004. С. 30 ; *Бернацкий Г. Г.* Государственная идеология как основа конституционного строя // Юридическая наука как основа правового обеспечения инновационного развития России : сборник докладов III Междунар. науч.-практ. конференции (Кутафинские чтения) / отв. ред. В. И. Фадеев. М., 2012. С. 61–66 ; *Левакин И. В.* Идеология Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12. С. 2707 ; *Нарутто С. В.* Функции Конституции Российской Федерации // Там же. 2023. Т. 18. № 10. С. 64–65.

⁷ См.: *Бурдые П.* Социология социального пространства : пер. с фр. / отв. ред. Н. А. Шматко. М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. С. 16, 89, 91, 95.

⁸ Об этом см., например: *Кравец И. А.* Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). М. — Новосибирск, 2002. С. 138 ; *Мартышин О. В.* Конституция и идеология // Государство и право. 2013. № 12. С. 34.

ственной идеологии посредством конкуренции разных партийных идеологических программ в политико-государственной деятельности. Следовательно, те или иные программы (либерализм, консерватизм, коммунизм, экологизм) предназначены к тому, чтобы разными путями определять содержание правового регулирования, овладев умонастроениями соответствующих правотворцев, которые ориентируются на них в поиске законных и целесообразных решений. Однако при этом недопустимо наделение в Конституции и законодательстве отдельных партийных программ значением приоритетной основы государственной деятельности, чрезмерно ограничивающей или даже исключаяющей культивирование в государственной и общественной жизни не совпадающих с ними идеологических установок. Таким образом, запрет установления любой идеологии в качестве государственной или обязательной должен пониматься ограничительно как запрет идеологического монополизма и возможность изменять официальные идеологемы в рамках конституционного правотворчества. А идеологемы, которые содержатся в развивающих Конституцию актах, могут быть предметом конституционно-судебной проверки. При этом принцип идеологического многообразия распространяется не только на гражданское общество, но и на деятельность публично-властного аппарата, что наиболее значимо для работы представительных органов власти.

В-третьих, любые идеологемы, в том числе закрепленные конституционно, не могут применяться как обязывающие людей к определен-

ному идеологическому, мировоззренческому выбору. Недопустимо преследование инакомыслящих, навязывание людям идей, которые они обязаны под страхом уголовного или иного наказания разделять, изучать или даже пропагандировать⁹. В этой части дополнительного анализа через призму конституционных ценностей требует практика введения у нас вслед за западными странами юридической ответственности за отрицание гражданами тех или иных исторических фактов, явлений в их официальном прочтении.

В итоге содержащийся в ч. 2 ст. 13 Конституции запрет противостоит навязыванию обществу узкогрупповых идеологических воззрений как единственно допустимых; он помогает в государственной политике ориентироваться на здравый смысл, избегая идеологического монополизма. Последний нетерпим, как и экономический монополизм. Необходимыми средствами обеспечения идеологического многообразия, наряду с запретом установления любой идеологии в качестве государственной или обязательной, являются политические права и свободы граждан, свобода совести, преподавательской деятельности, свобода информации, запрет цензуры¹⁰.

Претворение в жизнь положений Конституции на всех направлениях (применение, исполнение, соблюдение, использование) предполагает при необходимости прямую или опосредованную опору на конституционную идеологию и конституционное мировоззрение в целом. Так, указанный аспект значим в деятельности

⁹ О разных подходах к пониманию положений ч. 1–3 ст. 13 Конституции России см., например: *Исаева К. М.* К вопросу о содержании конституционного принципа идеологического многообразия // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2012. № 4. С. 47–49; *Хуснутдинов А. И.* К вопросу о конституционном запрете официальной идеологии в условиях современного информационного общества и электронной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 4. С. 10–12; *Цалиев А. М.* О необходимости государственной идеологии в Российской Федерации // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 40; *Астафичев П. А.* Конституционный запрет на государственную или обязательную идеологию: к вопросу о доктринальном осмыслении и обосновании // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 12–18; *Кротов А. В.* Государственная идеология как обязательный признак конституционного государства // *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 8. С. 123–127.

¹⁰ См., например: *Исаева К. М.* К вопросу о конституционной идеологии в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 12. С. 29.

Конституционного Суда РФ, осуществляющего толкование Конституции, проверяемых им актов в широком культурно-историческом контексте¹¹.

Однако главным участком выявления идеологического вектора Конституции является ее ценностно-доктринальное освоение в рамках программно-директивного регулирования, складывающегося на стыке нормативной и индивидуальной конкретизации конституционного текста. Содержащиеся в Конституции России идеологические положения получают развитие в ряде стратегий, доктрин, концепций. Так, Указом Президента РФ от 21.07.2020 № 474 определены основные национальные цели развития России до 2030 г.¹² Если использовать упоминавшийся выше образ с шестью стрелами К. Ата-тюрка, то в названном документе мы можем увидеть пять «стрел» Президента России. Это: 1) сохранение населения, здоровье и благополучие людей; 2) создание возможностей для самореализации и развития талантов; 3) комфортная и безопасная среда для жизни; 4) достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; 5) цифровая трансформация. В стране запущен ряд национальных проектов, призванных названные цели конкретизировать и перевести в практическую плоскость.

Развивающие идеологическое содержание Конституции стратегии, доктрины, концепции и тому подобные акты, решая разные задачи, должны быть системно увязаны между собой. Не исключена и их «кодификация», ведущая к появлению между Конституцией и отдельными стратегиями, доктринами, концепциями акта, целостно выражающего национально-государственную идеологию страны. К примеру, в Казахстане таковым является Патриотический акт, принятый 26 апреля 2016 г. на XXIV сессии Ассамблеи народа Казахстана.

Какова главная точка роста, требующая своего выделения на этом уровне конкретизации Конституции? Прежде всего это системная проработка цивилизационного вектора развития

страны. Внешний срез данной проблематики — это ответ на вызовы обострившейся войны цивилизаций. Что касается внутреннего среза, то в обобщенном виде его выделяет конституционная цель обеспечения благополучия и процветания России (преамбула, нормы гл. 1 и 2 Конституции). Эта цель на века, тем более что она является тем идеалом, который удаляется от нас по мере приближения к нему. При этом данная цель предполагает ее несовпадающее выражение в разные исторические отрезки. В современной России она вполне может получить развитие в установке на обустройство страны.

Установка на обустройство способна стать при опоре на действующую Конституцию мощнейшим стимулом развития российской цивилизации, одним из канонов ее гражданской «религии», культурно-идеологической основой всех ее составляющих, включая экономику и право. Обустройство страны — это общее дело всех российских народов, а значит, надежное средство для обеспечения единства многонациональной страны.

Обустройство — тот концепт, который выражает естественную тягу людей к удобным условиям жизни, труда, общения с окружающим миром, а также тягу к созданию таких условий своими собственными усилиями. Вместе с тем он не ведет к «местечковости», изоляционизму, поскольку требует сохранения места страны во всемирной цивилизации, поиска ею направлений дальнейшего роста в рамках общемировых тенденций.

Обустройство страны — это в том числе преобразование наших населенных пунктов из «временных пристанищ», «походных лагерей» со слабой инфраструктурой в удобные для жительства и деятельности поселения. Пока подобная перестройка заметна только в крупных городах. При этом мы серьезно проигрываем тому же Западу на уровне сельских населенных пунктов, малых и средних городов (конечно, за исключением небольших поселков для состоятельных людей).

¹¹ Об этом см., например: *Бондарь Н. С., Баринов Э. Э.* Аксиология конституционного мировоззрения. Часть II. Ценностное измерение конституционного мировоззрения в координатах конституционного правосудия // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 3–10.

¹² СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

Данное пространство является нашей проблемной зоной и вместе с тем точкой экономического роста, если мы хотим цивилизационного прорыва. Нам нужна равновесность крупных городов, городских агломераций и одноэтажной, а лучше — двухэтажной России малых городов и сельских населенных пунктов. Сегодня в стране наблюдается явный перекося в пользу крупных и сверхкрупных городов, которые как «пылесосы» высасывают население и ресурсы из остальной России. В мегаполисах на поток поставлено строительство все новых и новых многотысячных районов из домов под тридцать этажей. Так выгоднее строительному бизнесу. И это в условиях обострившейся войны цивилизаций, на окоме которой забрезжила опасность ядерного конфликта с одной стороны США, их союзников и сателлитов, а с другой — Ирана, Китая и России. Так для чего чрезмерно раздуваются мегаполисы? Для того чтобы нашим геополитическим конкурентам легче было уничтожить подавляющую часть населения страны? Но и вне ядерного конфликта, если «вырвать» из таких городов надолго «стержень» электричества зимой или водную подпитку, то они станут непригодны для проживания.

Отсюда одно из направлений развития заключается в устранении хотя бы отчасти диспропорций между крупными и сверхкрупными городами и иными территориями страны. Пришло время нового движения на внутренние неосвоенные или плохо освоенные пространства. В известной мере это новый вариант аналогичной советской практики, однако предполагающий свое осуществление в постиндустриальном русле. Новое территориальное рассредоточение требует выхода части населения из крупных городов и возвращение их в том числе туда, откуда люди в свое время перебрались в города. Указанное рассредоточение предполагает восстановление заброшенных поселений и строительство новых. Вряд ли только акцент здесь должен делаться на строительстве новых крупных городов, что, конечно, не исключено. В приоритете создание современных высокотехнологичных сельско-городских поселений, поселков (экодережень и т.п.). Данные поселения требуют высокой степени автономизации, в

том числе в части обеспечения электричеством, иными ресурсами.

Много лет назад на одном научно-практическом мероприятии я услышал запавшее мне в душу выступление философа С. Попова, обратившего внимание на то, что советская власть тотально уничтожала на селе не только церкви, церковно-приходские школы, но и мельницы, иные предприятия первичной переработки сельскохозяйственной продукции. С его точки зрения, это делалось потому, что названные институты — основа автономии села. В ходе российской революции начала XX в., как и в рамках предшествовавших ей английской и французской революций, под разным идеологическим прикрытием решалась одна задача — резкое ослабление класса селян и насильственное переселение значительной их части в города. Как будто за всеми этими революциями стоял один и тот же интересант. Запрос сегодняшнего российского времени во многом прямо противоположен — восстановление автономии малых городов и сельских населенных пунктов.

В основе заявленного рассредоточения могут находиться только экономические стимулы, поддержка государства, но не административные меры. В настоящее время есть многое из того, что позволяет использовать в сельской местности достижения городской цивилизации. Тем более что ряд областей хозяйственной, иной деятельности стремительно перемещается из физического пространства в пространство виртуально-цифровое, расширяя перечень работ, которые могут выполняться удаленно. Другое дело, что для этого требуется устойчивая и хорошо защищенная от вредоносных факторов связь. Новое рассредоточение предполагает деятельное расширение сети транспортных артерий страны.

Надо полагать, что обустройство страны даст эффект, если будет вестись не только и не столько сверху, сколько снизу — с человека, семьи, поселения. Сказанное как раз и свидетельствует об особой роли в цивилизационном развитии страны местного самоуправления как власти, наиболее приближенной к жителям.

Обустройство — это и совершенствование правового механизма страны, прежде всего в

части обеспечения верховенства Конституции, приоритетной защиты прав и свобод людей, создания крепкого гражданского общества. Без этого невозможен цивилизационный прорыв; более того — без этого нам грозит выпадение из мировой истории (вслед за первым и вторым Римом).

Одна из главных проблем на этом направлении — серьезный конфликт ценностей общественной безопасности и прав человека. Этот конфликт ведет к росту объема запретительно-ограничительного регулирования. А что тут в опасной перспективе? Это безмерное расширение обязывающего типа регулирования, превращение правоведения во многом в запретоведение или обязанностеведение. Этой перспективе, не такой уж гипотетической, мы должны всячески препятствовать.

Укрепление гражданского общества требует демократизации политического механизма, гарантирования свободы слова, собраний, гласности, свободных выборов и подлинно многопартийной политической системы. На этом направлении важно продолжать запущенную в стране практику изменения природы многих публичных дел за счет их перевода из разряда полномочий в число государственных, муниципальных услуг или их делегирование от государства общественным институтам. Необходимо и широкое вовлечение граждан в работу органов публичной власти. Тут многое можно почерпнуть из соответствующей советской практики.

В настоящее время из правового пространства страны выбыл правозащитный ресурс Европейского Суда по правам человека. Он позволял поверять правоприменительную практику на основе Конвенции о защите прав человека и основных свобод, защищая права и свободы людей. Необходимо замещение (в той мере, в какой это возможно) данного функционала. Такая замена предполагает рассмотрение жалоб граждан на нарушение их конституционных прав и свобод ненормативными актами, решениями и действиями (бездействием) органов власти, иных субъектов. Опустела именно эта ниша. Ее

восполнение возможно только в процедурах конституционного судопроизводства. Решать эту задачу можно за счет расширения полномочий Конституционного Суда РФ или за счет децентрализации конституционного судопроизводства с наделением необходимыми полномочиями, к примеру, Президиума Верховного Суда РФ. Не исключено и создание в структуре Верховного Суда РФ особого конституционного присутствия.

Еще один вызов правам человека видят в подчинении человека роботам, искусственному интеллекту. Нет, нам сегодня угрожают не роботы, но роботизация человека, превращение человека регулярного (что для нас естественно) в человека роботизированного, субъектность которого тотально контролируется и подправляется. Как тут не вспомнить поэтическую строчку Андрея Вознесенского из поэмы «Оза»: «Все прогрессы реакционны, если рухнет человек».

Оказывается, что качественные рывки в рамках научно-технической революции, существенно расширяя технические и технологические возможности человечества, в то же время серьезно подрывают достигнутый уровень защиты прав людей, меняют силовое соотношение государства и общества, элиты и иных групп населения, разных цивилизаций. Почему? Потому что новые возможности (те же глобальные информационные сети) в первую очередь попадают в руки сильных мира сего с их особыми интересами. При этом вряд ли сами технические достижения надо оценивать как вызов правам человека. Однако важно установление справедливых условий их использования и применения.

Вот эта область и составляет постоянное поле борьбы за права человека, целью которой является защита достоинства человека, его естественной природы, данной ему свыше. Названная цель задана Конституцией России (ст. 2, 17, 18, 21, 45, 46, 75.1). Вообще, центральный элемент подлинно конституционной идеологии — это приоритетная защита прав и свобод людей. Надежным условием эффективного выполнения этой работы является сильное просвещенное государство¹³.

¹³ См.: Конституционное право России : учебник / отв. ред. А. Н. Кокотов и М. И. Кукушкин. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2010. Гл. 6. С. 118 (автор главы — В. В. Невинский).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Астафичев П. А. Конституционный запрет на государственную или обязательную идеологию: к вопросу о доктринальном осмыслении и обосновании // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 8. — С. 12–18.
2. Бабурин С. Н. Конституционные принципы культуры России в современных условиях // Конституционное и муниципальное право. — 2023. — № 2. — С. 15–21.
3. Бернацкий Г. Г. Государственная идеология как основа конституционного строя // Юридическая наука как основа правового обеспечения инновационного развития России : сборник докладов III Междунар. науч.-практ. конференции (Кутафинские чтения) / отв. ред. В. И. Фадеев. — М., 2012. — С. 61–66.
4. Боброва Н. А. Конституционный строй и конституционализм в России. Проблемы методологии, теории, практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2004. — 48 с.
5. Бондарь Н. С., Баринов Э. Э. Аксиология конституционного мировоззрения. Часть II. Ценностное измерение конституционного мировоззрения в координатах конституционного правосудия // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 2. — С. 3–10.
6. Бурдые П. Социология социального пространства : пер. с фр. / отв. ред. пер. Н. А. Шматко. — М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. — 288 с.
7. Бутусова Н. В. Государственная идеология и конституционная доктрина России // Юридические записки. — Вып. 17. — Воронеж, 2004. — С. 29–46.
8. Гаджиев Г. А. Конституционно-правовое концептуальное пространство // Журнал Высшей школы экономики. — 2012. — № 2. — С. 3–16.
9. Гаджиев Г. А. Официальное толкование Конституции: сочетание онтологического и эпистемологического подходов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2012. — № 1. — С. 130–154.
10. Исаева К. М. К вопросу о конституционной идеологии в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. — 2014. — № 12. — С. 29–31.
11. Исаева К. М. К вопросу о содержании конституционного принципа идеологического многообразия // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. — 2012. — № 4. — С. 47–49.
12. Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право. — М. : Юрист, 2004. — 192 с.
13. Кокотов А. Н. Конституция России 1993 года как правовая основа выбора страной цивилизационного пути // Конституционное и муниципальное право. — 2018. — № 12. — С. 5–9.
14. Конституционное право России : учебник / отв. ред. А. Н. Кокотов и М. И. Кукушкин. — 4-е изд., пер. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2010. — 544 с.
15. Кравец И. А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). — М. — Новосибирск, 2002. — 358 с.
16. Кротов А. В. Государственная идеология как обязательный признак конституционного государства // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 8. — С. 123–132.
17. Левакин И. В. Идеология Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 12. — С. 2707–2712.
18. Мартышин О. В. Конституция и идеология // Государство и право. — 2013. — № 12. — С. 34–44.
19. Нарутто С. В. Функции Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 10. — С. 61–69.
20. Овчинников А. И. Идеология российской государственности в контексте модернизации: базовые ценности и приоритеты // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2012. — № 1. — С. 20–25.
21. Осавелюк А. М. Поправка к Конституции РФ об идеалах наших предков и вере в Бога как основа устойчивого развития России // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 10. — С. 54–60.
22. Синюков В. Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. — Саратов : Полиграфист, 1994. — 495 с.

23. Хабибулин А. Г., Рахимов Р. А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории // Государство и право. — 1999. — № 3. — С. 11–20.
24. Хуснутдинов А. И. К вопросу о конституционном запрете официальной идеологии в условиях современного информационного общества и электронной демократии // Конституционное и муниципальное право. — 2016. — № 4. — С. 10–12.
25. Цалиев А. М. О необходимости государственной идеологии в Российской Федерации // Российская юстиция. — 2019. — № 5. — С. 40–43.

Материал поступил в редакцию 8 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Astafichev P. A. Konstitutsionnyy zapret na gosudarstvennuyu ili obyazatelnyuyu ideologiyu: k voprosu o doktrinalnom osmyslenii i obosnovanii // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2022. — № 8. — С. 12–18.
2. Baburin S. N. Konstitutsionnye printsipy kultury Rossii v sovremennykh usloviyakh // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2023. — № 2. — С. 15–21.
3. Bernatskiy G. G. Gosudarstvennaya ideologiya kak osnova konstitutsionnogo stroya // Yuridicheskaya nauka kak osnova pravovogo obespecheniya innovatsionnogo razvitiya Rossii: sbornik dokladov III Mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii (Kutafinskie chteniya) / otv. red. V. I. Fadeev. — M., 2012. — С. 61–66.
4. Bobrova N. A. Konstitutsionnyy stroy i konstitutsionalizm v Rossii. Problemy metodologii, teorii, praktiki: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2004. — 48 s.
5. Bondar N. S., Barinov E. E. Aksiologiya konstitutsionnogo mirovozzreniya. Chast II. Tsennostnoe izmerenie konstitutsionnogo mirovozzreniya v koordinatakh konstitutsionnogo pravosudiya // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2022. — № 2. — С. 3–10.
6. Burde P. Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva: per. s fr. / otv. red. per. N. A. Shmatko. — M.: In-t eksperiment. sotsiologii; SPb.: Aleteyya, 2007. — 288 s.
7. Butusova N. V. Gosudarstvennaya ideologiya i konstitutsionnaya doktrina Rossii // Yuridicheskie zapiski. — Vyp. 17. — Voronezh, 2004. — С. 29–46.
8. Gadzhiev G. A. Konstitutsionno-pravovoe kontseptualnoe prostranstvo // Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. — 2012. — № 2. — С. 3–16.
9. Gadzhiev G. A. Ofitsialnoe tolkovanie Konstitutsii: sochetanie ontologicheskogo i epistemologicheskogo podkhodov // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie. — 2012. — № 1. — С. 130–154.
10. Isaeva K. M. K voprosu o konstitutsionnoy ideologii v Rossiyskoy Federatsii // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2014. — № 12. — С. 29–31.
11. Isaeva K. M. K voprosu o sodержanii konstitutsionnogo printsipa ideologicheskogo mnogoobraziya // Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2012. — № 4. — С. 47–49.
12. Kokotov A. N. Doverie. Nedoverie. Pravo. — M.: Yurist, 2004. — 192 s.
13. Kokotov A. N. Konstitutsiya Rossii 1993 goda kak pravovaya osnova vybora strany tsivilizatsionnogo puti // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2018. — № 12. — С. 5–9.
14. Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnik / otv. red. A. N. Kokotov i M. I. Kukushkin. — 4-e izd., per. i dop. — M.: Norma: Infra-M, 2010. — 544 s.
15. Kravets I. A. Formirovanie rossiyskogo konstitutsionalizma (problemy teorii i praktiki). — M. — Novosibirsk, 2002. — 358 s.
16. Krotov A. V. Gosudarstvennaya ideologiya kak obyazatelnyy priznak konstitutsionnogo gosudarstva // Lex russica. — 2023. — T. 76. — № 8. — С. 123–132.

17. Levakin I. V. Ideologiya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2014. — № 12. — S. 2707–2712.
18. Martyshin O. V. Konstitutsiya i ideologiya // Gosudarstvo i pravo. — 2013. — № 12. — S. 34–44.
19. Narutto S. V. Funktsii Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2023. — Т. 18. — № 10. — S. 61–69.
20. Ovchinnikov A. I. Ideologiya rossiyskoy gosudarstvennosti v kontekste modernizatsii: bazovye tsennosti i priority // Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik. — 2012. — № 1. — S. 20–25.
21. Osavelyuk A. M. Popravka k Konstitutsii RF ob idealakh nashikh predkov i vere v Boga kak osnova ustoychivogo razvitiya Rossii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2023. — Т. 18. — № 10. — S. 54–60.
22. Sinyukov V. N. Rossiyskaya pravovaya sistema: vvedenie v obshchuyu teoriyu. — Saratov: Poligrafist, 1994. — 495 s.
23. Khabibulin A. G., Rakhimov R. A. Gosudarstvennaya ideologiya: k voprosu o pravomernosti kategorii // Gosudarstvo i pravo. — 1999. — № 3. — S. 11–20.
24. Khusnutdinov A. I. K voprosu o konstitutsionnom zaprete ofitsialnoy ideologii v usloviyakh sovremennogo informatsionnogo obshchestva i elektronnoy demokratii // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2016. — № 4. — S. 10–12.
25. Tsaliev A. M. O neobkhodimosti gosudarstvennoy ideologii v Rossiyskoy Federatsii // Rossiyskaya yustitsiya. — 2019. — № 5. — S. 40–43.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.024-032

В. В. Климов*

Становление системы защиты прав потребителей: историко-правовой ракурс

Аннотация. В статье рассматриваются историко-правовые аспекты становления системы защиты прав потребителей. На основе ряда положений Законов Хаммурапи и Законов Ману, Дигестов Юстиниана определены особенности защиты прав покупателей от недобросовестных действий продавца. С учетом проведенного анализа нормативных источников автор делает вывод о наборе разрозненных норм и механизмов и об отсутствии системы защиты прав потребителей. Ситуация стала постепенно меняться только на рубеже XIX–XX вв.: формируется специальное законодательство, а также государственные и общественные институты, обеспечивающие права потребителей. Обращаясь к положениям Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», автор констатирует отсутствие в его структуре специальных норм, направленных на защиту прав потребителей финансовых услуг, что представляется не вполне адекватным тем экономическим отношениям, которые складываются на финансовом рынке. По итогам исследования автор заключает, что в данный момент имеет место новый этап развития системы защиты прав потребителей, предполагающий как формирование узкопрофильного регулирования для потребителей в зависимости от того, в какой именно сфере они выступают в качестве таковых, так и создание специализированных институтов для защиты их прав.

Ключевые слова: потребитель; защита прав потребителей; консьюмеризм; финансовые услуги; финансовый рынок; система защиты прав потребителей; история; финансовый уполномоченный; финансовое право; регулирование финансового рынка.

Для цитирования: Климов В. В. Становление системы защиты прав потребителей: историко-правовой ракурс // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 12. — С. 24–32. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.024-032.

© Климов В. В., 2023

* *Климов Виктор Владимирович*, финансовый уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг в сферах страхования, кредитной кооперации, деятельности кредитных организаций, деятельности ломбардов и деятельности негосударственных пенсионных фондов; соискатель кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Старомонетный пер., д. 3, г. Москва, Россия, 119017
Sendmail1@yandex.ru

The Consumer Protection System Formation: Historical and Legal Perspective

Victor V. Klimov, Financial Commissioner for the rights of consumers of financial services in the field of insurance, credit cooperation, credit organizations, pawnbroker's shops and non-governmental pension funds; Postgraduate Student, Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
3, Staromonetny Lane, Moscow, Russia, 119017
Sendmail1@yandex.ru

Abstract. The paper examines historical and legal aspects of the formation of the consumer protection system. On the basis of a number of provisions of the Laws of Hammurabi and the Laws of Manu, the Digests of Justinian, the author defines the features of protection of the rights of buyers from unfair actions of the seller. Taking into account the analysis of regulatory sources, the author draws a conclusion regarding a set of unsystematic norms and mechanisms and the absence of a consumer protection system. The situation began to change gradually only at the turn of the 19th–20th centuries when special legislation and state and public institutions ensuring consumer rights were developed. Referring to the provisions of the Law of the Russian Federation dated 7 February 1992 No. 2300-1 «On Consumer Rights Protection», the author notes the absence in its structure of special norms aimed at protecting the rights of consumers of financial services, which does not seem quite adequate to the economic relations that are developing in the financial market. According to the results of the study, the author concludes that at the moment there is a new stage in the development of the consumer protection system, involving both the formation of narrow-profile regulation for consumers, depending on which sphere they act as such, and the creation of specialized institutions to protect their rights.

Keywords: consumer; consumer protection; consumerism; financial services; financial market; consumer protection system; history; financial commissioner; financial law; financial market regulation.

Cite as: Klimov VV. The Consumer Protection System Formation: Historical and Legal Perspective. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(12):24-32. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.024-032.

Становление системы защиты прав потребителей претерпело длительный этап эволюционного развития и в текущий период включает в себя нормативное регулирование защиты прав потребителей, а также специальные государственные и общественные институты, обеспечивающие реализацию такого регулирования. На данный момент такую систему действительно можно назвать совокупностью взаимосвязанных элементов, общей целью функционирования которых является защита прав потребителей.

Однако с древних времен и до недавнего времени институт защиты прав потребителей

не являлся системным образованием, а представлял собой набор разрозненных норм и механизмов, в рамках которых потребитель зачастую отождествлялся с покупателем по договору купли-продажи. Так, например, отдельные нормы о защите граждан-покупателей в ситуации некачественного оказания им услуг либо продажи некачественного товара нашли отражение в одном из первых правовых уложений, известных в истории, — Законах Хаммурапи, относимых примерно к 1750-х гг. до н. э.¹

В основном все содержащиеся в Законах Хаммурапи нормы предусматривали ответственность за ненадлежащее поведение про-

¹ В качестве примеров статей, предусматривающих эти механизмы, можно привести ст. 218–220, касающиеся вопросов некачественного оказания медицинских услуг человеку; ст. 225, определяющую последствия некачественного оказания медицинских услуг животному; ст. 229–234, связанные с некачественным выполнением строительных работ; ст. 278, устанавливающую последствия продажи больного раба (т.е. фактически некачественного товара).

давца, которая с позиции современного законодательства имеет характерные признаки уголовной ответственности. При этом объем такой ответственности определялся по принципу талиона, то есть практически совпадал с объемом причиненного вреда².

Однако некоторые из норм Законов Хаммурапи предусматривали, по существу, гражданско-правовую ответственность за ненадлежащее оказание услуг либо продажу некачественных товаров. Так, статья 278 Законов Хаммурапи определяла следующие правила: «Если человек купил раба или рабыню, и месяц не прошел, а на него обрушилась болезнь, то покупатель может вернуть его своему продавцу и получить серебро, которое он отвесил».

Аналогичные нормы имелись и в Законах Ману³ — древнеиндийском сборнике права, создание которого датируется II в. до н. э. — II в. н. э. К примеру, в них устанавливался запрет на продажу некачественного товара (ст. 203), последствием которой выступает право покупателя вернуть такой товар в течение 10 дней⁴, а также штраф за обман покупателя (ст. 287). Законами Ману, так же как и Законами Хаммурапи, предусматривалась ответственность за некачественное оказание медицинских услуг человеку (ст. 284), но в отличие от вавилонского источника права Законами Ману предполагалось применение штрафа, а не возможность лишения врача кисти руки.

Таким образом, приведенные источники хотя уже и отражали элементы комплексного регулирования защиты прав потребителей (покупателей), но регламентировали исключительно порядок реализации ими права на надлежащее качество товара (услуги) и последствия его нару-

шения продавцом. Прочие права потребителей (на получение информации, на свободный выбор и т.д.) во времена существования проанализированных источников, по всей видимости, отсутствовали.

Намного более подробно, нежели в приведенных актах, права покупателя и последствия их нарушения регламентировались в Дигестах Юстиниана (VI в. н. э.). Так, Дигестами устанавливалось, что размер ответственности продавца за продажу некачественного товара напрямую зависит от его умысла: если продавец знал о недостатках вещи, но сокрыл их, то он обязан был возместить весь ущерб, который покупатель понес в результате совершения такой сделки, а если продавец не знал о недостатках товара, то ответственность его ограничивалась лишь той суммой, на которую была бы уменьшена цена товара, если бы покупатель знал о таких недостатках (п. 13, титул I, книга 19)⁵.

С учетом изложенного надлежит заключить, что по вопросу об ответственности продавца за реализацию некачественного товара римское законодательство, в сравнении с вавилонским и древнеиндийским, значительно эволюционировало путем дифференциации ответственности продавца применительно к случаям, когда он не знал о недостатках товара на момент его продажи и когда он знал о них (в более древних источниках, как отмечалось ранее, продавец нес ответственность вне зависимости от того, знал ли он о недостатках товара на момент его продажи).

Заметим также, что согласно Дигестам Юстиниана покупатель имел право не только на надлежащее качество товара, но и на полную и достоверную информацию о нем. В частности,

² Хрестоматийный пример воплощения принципа талиона как раз содержится в одной из перечисленных выше норм: «Если строитель построил человеку дом и свою работу сделал непрочно, а дом, который он построил, рухнул и убил хозяина, то этот строитель должен быть казнен» (ст. 229). См.: Хрестоматия по истории Древнего Востока / пер. В. А. Якобсона в частичной обработке А. А. Немировского М., 1980. Т. 1. С. 152–177. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm>.

³ Хрестоматия по всеобщей истории государства и права : в 2 т. / под ред. К. И. Батыра, Е. В. Поликарповой. М., 1996. Т. 1. С. 25–55.

⁴ См.: ст. 222 Законов Ману, согласно которой «если кто-нибудь в этом мире, купив или продав что-либо, раскается в этом, он может отдать или получить эту вещь в течение десяти дней».

⁵ Аналогичное положение содержится в п. 45 титула I книги 18 Дигестов Юстиниана.

устанавливалось, что «похвала» продавцом товара (иначе говоря, рекламные заявления) не гарантировали качество товара (п. 37 титула III книги 4). В последней ситуации покупатель мог вернуть вещь продавцу и потребовать от него возврата стоимости такой вещи (п. 18 титула III книги 4). Однако продавец освобождался от ответственности за несоответствие реальности сказанного им при продаже в том случае, если о качестве товара в той части, в которой его «расхваливал» продавец, можно судить, взглянув на товар, а также если при заключении договора у покупателя была возможность осмотреть товар (п. 45 титула I книги 18)⁶.

Заметим, что более детальное регулирование имело для случаев продажи рабов, также являвшихся товаром: для таких ситуаций приводился перечень информации о товаре, предоставление которой при заключении договора являлось необходимым⁷. Если же такая информация не предоставлялась в ясном виде (даже и без умысла, что отличает данное регулирование от так называемого «общего» регулирования), то покупатель мог вернуть раба и получить обратно уплаченные за него денежные средства при наличии факта того, что раб болен, является беглецом и пр.

На приведенное регулирование отношений по купле-продаже рабов следует обратить особое внимание не только потому, что его наличие также подтверждает возникновение к периоду существования Дигестов Юстиниана у покупате-

ля права на достоверную информацию, но еще и потому, что данное регулирование позволяет констатировать наличие попытки законодательно уравновесить положение «слабой» стороны отношений — покупателя, не имеющего возможности обладать достаточной информацией о товаре, и «сильного» участника — продавца, который обязан ею обладать.

Так, из анализа содержащихся в титуле I книги 21 положений следует, что вышеперечисленные недостатки раба, информацию о которых обязан предоставить продавец, являются существенными, то есть такими, при наличии которых использование раба по назначению невозможно. Кроме того, что особенно важно, такие недостатки являются неочевидными (то есть выявить их при осмотре невозможно) — в противном случае вернуть раба не получится⁸.

Представляется, что именно этими двумя критериями — существенностью такой информации для покупателя и ее неочевидностью для него, но доступностью для продавца — руководствовались разработчики Дигестов, устанавливая обязанность продавца по информированию покупателя.

Таким образом, основополагающие права потребителей — право на качественный товар и достоверную информацию об этом товаре — были сформулированы еще в древнейших источниках права, содержание нормативного регулирования которых, по существу, имело «межотраслевой» характер.

⁶ См. там же: «Не обязывают продавца такие обещания, если вещь находится тут же, так что покупатель не может остаться о ней в неведении, например если кто-либо покупает человека (раба) с выколотыми глазами и спрашивает продавца путем стипуляции о здоровье этого человека (продавец путем стипуляции берет на себя ответственность за то, что раб здоров); ибо стипуляция рассматривается относящейся скорее к другим частям тела человека, чем к той, относительно которой он (покупатель) обманулся (не видел того, что мог видеть, — выколотые глаза)».

⁷ В частности, «лица, продающие рабов, должны сообщить покупателю, какая у кого болезнь или недостаток, кто был беглецом или бродягой или не освобожден от выдачи его головой; все такое должно быть ясно и правильно провозглашено, когда будут продаваться рабы» (п. 1 титула I книги 21).

⁸ См. также п. 14 титула I книги 21: «Если не было специальной оговорки об отсутствии ответственности за какую-либо болезнь, но болезнь такова, что она могла быть усмотрена всеми, например, был продан слепой человек (раб) или человек, имевший явный и опасный рубец на голове или на другой части тела, то, как говорит Цецилий, по этому поводу не возникает ответственности, как если бы ответственность за эту болезнь была сознательно исключена; ибо следует одобрить (взгляд), что эдикт эдилов относится к тем болезням и недостаткам, о которых кто-либо не знал или мог не знать».

Столь подробный анализ древних источников права, в частности Дигестов Юстиниана, необходим не только потому, что в истории имела место рецепция римского права, но и в связи с тем, что до произошедшего в XX в. «потребительского бума» в законодательстве различных стран фактически отсутствовали какие-либо новеллы, касающиеся защиты прав потребителей.

Длительное время происходило, во-первых, укрепление (детализация) вышеуказанных базовых прав потребителей — при том в основном это касалось права на качественный товар⁹, а во-вторых, постепенный отказ от уголовно-правовой ответственности за нарушение таких прав в пользу гражданско-правовой ответственности. На этом в вопросе основных тенденций многовекового формирования «потребительского» законодательства можно поставить точку: внедрения каких-либо новых правомочий потребителей в купе с формированием отдельной «потребительской» комплексной отрасли права не происходило.

Та же ситуация (то есть отсутствие какой-либо системы) наблюдалась и в развитии институтов контроля за соблюдением законодательства, касающегося прав потребителей-покупателей, что представляется логично вытекающим из отсутствия отрасли права, регулирующей отношения с участием таких лиц.

Иными словами, до формирования представления о «потребительстве» как о самостоятельном явлении, выразившемся в итоге в принятии отраслевых законов, государство не испытывало необходимости в создании специальных органов, осуществляющих контроль за соблюдением прав потребителей, а общество о такой необходимости «не сообщало».

При этом государство и общество все-таки осуществляли деятельность, направленную на обеспечение прав потребителей-покупателей, но эта деятельность преимущественно касалась контроля качества реализуемых товаров и услуг. Заметим также, что государство обеспечивало эти права через возможность судебного разрешения споров и обязательность судебных решений.

Так, еще в Древнем Риме существовал контроль за товарами на рынке, доказательством чего являются археологические находки — товары с маркировкой, содержащей сведения о происхождении товара либо его производителе, о его весе и пр., которая проставлялась на металлических пломбах. При этом исследователи утверждают, что контроль за торговлей в Древнем Риме, а следовательно, и за качеством реализуемых товаров и услуг, никогда не был системным, поскольку Римская империя не располагала необходимым «бюрократическим аппаратом». Контроль за качеством (не связанным с верностью мер и весов — применительно к товарам, соответственно) в те времена носил реактивный, а не проактивный характер: иными словами, государство контролировало торговлю «по жалобам потребителей»¹⁰.

Аналогичное положение дел имелось и в Древней Руси: еще с X в., согласно различным источникам¹¹, возникает контроль за верностью мер и весов при осуществлении торговли. Как отмечает В. В. Богдан, на начальном этапе меры и весы проверяла церковь, что способствовало укреплению ее авторитета и материального положения за счет пошлин от взвешивания¹². В дальнейшем полномочия по контролю за верностью мер и весов перешли к государству, которое в первой половине XIX столетия создало

⁹ В отечественном законодательстве закрепление перечисленных правомочий имело место в Русской Правде (XI в.), Новоторговом уставе (XVII в.) и др.

¹⁰ *Sancinoto J. E. Merchants in the Later Roman Empire* (2018). Publicly Accessible Penn Dissertations. 2703 // URL: <https://repository.upenn.edu/edissertations/2703>.

¹¹ Устав Великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых, Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных. Конец X — XII в.

¹² См.: *Богдан В. В. История становления законодательства о защите прав потребителей и практике его применения в России* // URL: <https://www.dissercat.com/content/istoriya-stanovleniya-zakonodatelstva-o-zashchite-prav-potrebitelei-i-praktiki-ego-primeneni/read>.

централизованное метрологическое учреждение — Депо образцовых мер и весов¹³.

При этом информация о каких-либо иных специализированных органах, контролирующих безопасность товаров и услуг, соблюдение права покупателя-потребителя на соответствующую действительности информацию о товарах и услугах, в доступных нам источниках отсутствует.

Как опять же отмечает В. В. Богдан, практическое применение имевшихся «потребительских норм можно наблюдать в отдельных упоминаниях случаев восстановления нарушенных прав потребителей-покупателей: так, например, в 1868 г. по прошению крестьянина К. Богданова проводилось дознание Курской губернской почтовой конторой о неполучении почтового перевода 25 руб., в результате которого проситель К. Богданов был удовлетворен»¹⁴. Данный пример подтверждает, что анализируемый контроль вплоть до конца XIX в. в России продолжал осуществляться именно «по жалобам потребителей».

Таким образом, тенденция к «реактивности» контроля соблюдения прав потребителей-покупателей сохранялась в мире до выделения «потребительского» законодательства в отдельную отрасль, поскольку до такого момента отношения с участием потребителей ничем не отличались от любых других отношений, контроль за которыми и до настоящего времени в некоторой степени носит «реактивный» характер¹⁵.

Ситуация как с «потребительским» законодательством, так и с контролем за его соблюдением в мире начала постепенно меняться на рубеже XIX–XX вв., что было обусловлено формированием «потребительства» как самостоя-

тельного явления, а также запросов общества на особую защиту прав потребителей.

Указанные перемены, в свою очередь, связаны с технологическим ростом производства и развитием соответствующих производственных и социальных отношений, обусловивших наступление уже упомянутого «потребительского бума». Иначе говоря, появление огромного количества «бытовых» товаров и услуг на рынке логично породило ряд проблем, связанных со злоупотреблениями производителей и продавцов таких товаров и услуг, что, соответственно, спровоцировало общество к самоорганизации в сфере защиты своих «потребительских» прав, необходимость которой со временем признало и государство.

Одной из первых общественных организаций по защите прав потребителей, существующих до сих пор, является Лига по защите прав потребителей, созданная в США в 1899 г. В сферу деятельности этой организации входит не только защита потребительских прав, но и защита интересов трудящихся — последнее обусловлено в том числе тем, что лиги защиты прав потребителей исторически создавались по образу и подобию профсоюзов, что, кстати, обуславливало и изначальный способ борьбы потребительских союзов со злоупотреблениями производителей и продавцов — бойкотирование каких-либо товаров и услуг с целью снижения цен на них либо повышения их качества (по аналогии с забастовками трудящихся)¹⁶.

Очень быстро многочисленные союзы по защите прав потребителей создаются по всему миру. Вот некоторые из них:

— 1936 г. — Союз потребителей США (Consumers union)¹⁷;

¹³ См. подробнее: *Хабибуллин Т. М.* Основные этапы развития метрологической службы в России // Символ науки. 2016. № 2-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-etapy-razvitiya-metrologicheskoy-sluzhby-v-rossii>.

¹⁴ См.: *Богдан В. В.* Указ. соч.

¹⁵ Вместе с тем заметим, что разрешительные методы контроля и надзора в настоящее время весьма распространены и создают проблемы своей избыточностью. В этой связи предпринимаются меры, направленные на сокращение лицензируемых видов деятельности, уменьшение числа плановых проверок, количества согласований и пр.

¹⁶ *Rao H.* Caveat Emptor: The Construction of Nonprofit Consumer Watchdog Organizations // *American Journal of Sociology.* 1998. 103(4). P. 912–961.

¹⁷ URL: <https://www.consumerreports.org/>.

— 1939 г. — Служба потребительского обслуживания граждан Великобритании (Citizens Advice service)¹⁸;

— 1947 г. — Ассоциация потребителей Канады (CAC)¹⁹;

— 1954 г. — Нидерландский союз потребителей (Consumentenbond)²⁰;

— 1959 г. — Австралийская организация потребителей (CHOICE)²¹.

Перечисленные общественные организации по защите прав потребителей стали активными участниками деятельности в области законодательства, связанного с защитой прав потребителей.

В частности, Лига по защите прав потребителей США принимала активное участие в продвижении Закона о контроле за мясной продукцией (The Meat Inspection Act of 1906²²), а также Закона о чистых продуктах питания и лекарствах (The Pure Food and Drug Act of 1906²³).

Кроме того, в 1960 г. была создана и Международная организация потребителей (Consumers International²⁴), представлявшая собой объединение национальных союзов и ассоциаций по защите прав потребителей и функционировавшая как площадка для обмена опытом.

Таким образом, ко второй половине XX в. развитие социальных отношений, законодательства и общественных институтов в сфере консьюмеризма привело к тому, что в обществе в целом созрела объективная потребность в признании самостоятельности интересов и прав потребителей и обеспечении их особой защиты. Такая потребность, в свою очередь, сформировала публичный интерес к созданию государством отдельного регулирования отношений с участием потребителей.

Именно поэтому в 1962 г. Джон Кеннеди выступил с речью, в которой впервые от лица государства обратил внимание на проблему защиты прав потребителя, сформулировал понятие «потребитель», обозначил основные потребительские права, а также механизмы их защиты, которые позже легли в основу ряда нормативных актов в сфере защиты прав потребителей, принятых различными странами. Впоследствии его речь получила наименование «Билль о правах потребителей», а к дате ее произнесения (15 марта) приурочено празднование Всемирного дня защиты прав потребителей.

Принятый в 1962 г. в США Билль о правах потребителей установил, что потребительская общественность имеет целый ряд прав, среди которых право на качество и безопасность, право на достоверную информацию, право выбора, право возмещения ущерба, а также право быть услышанным. Этот акт ознаменовал признание защиты прав потребителя публичным интересом де-юре и положил начало осмыслению нового явления в общественных отношениях, которое несколько лет спустя французским философом Жаном Бодрийяром было названо «обществом потребления»²⁵.

В итоге следует констатировать, что именно во второй половине XX в. в различных государствах начала формироваться как система защиты прав потребителей с присущим ей проактивным режимом функционирования, так и отдельная комплексная отрасль права — потребительская, что ознаменовалось в первую очередь принятием нормативных актов, посвященных исключительно защите прав потребителей.

¹⁸ URL: <https://www.citizensadvice.org.uk/>.

¹⁹ URL: <http://www.consumer.ca/en/>.

²⁰ URL: <https://www.consumentenbond.nl/>.

²¹ URL: <https://www.choice.com.au/>.

²² Закон запрещал продажу фальсифицированного или неправильно маркированного скота и продуктов его переработки в качестве пищевых продуктов и устанавливал требования к забою и переработке скота.

²³ Закон запрещал продажу фальсифицированных продуктов питания и лекарств с неправильной маркировкой и заложил основу для первого в стране агентства по защите прав потребителей — Управления по контролю за продуктами и лекарствами (FDA).

²⁴ URL: <https://www.consumersinternational.org/>.

²⁵ См.: Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структура. М. : АСТ, 2020.

Так, к примеру, в Советском Союзе первый Закон «О защите прав потребителей» был принят в 1991 г. В нем были определены права потребителей на государственную защиту своих интересов, надлежащее качество и безопасность продукции, судебную защиту прав, а также право на объединение в общественные организации потребителей. Однако в связи с распадом СССР в декабре 1991 г. закон не вступил в силу. Но уже в феврале 1992 г. в Российской Федерации был принят действующий до настоящего времени Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», в значительной мере основанный на тексте закона СССР.

К настоящему моменту уже становится очевидным, что Закон РФ «О защите прав потребителей», определяя общие подходы и принципы к защите прав потребителей, а также основополагающие для всех видов товарного рынка механизмы защиты, не учитывает некоторые особенности защиты прав потребителей на финансовом рынке, порождаемые сложностью

продуктов и спецификой денег как товара, что предопределяет ряд проблем²⁶ и создает предпосылки к его дальнейшему развитию.

Финансовый рынок как сложная система экономико-правовых отношений с участием регулятора, финансовых организаций, потребителей, иных субъектов порождает необходимость специального регулирования отношений с участием потребителей финансовых услуг в контексте защиты их прав и создания адекватной системы такой защиты, за развитием которой мы можем наблюдать в том числе на примере создания специальных институтов защиты прав потребителей финансовых услуг²⁷.

В этой связи следует заключить, что в данный момент имеет место новый этап развития системы защиты прав потребителей, предполагающий как формирование узкопрофильного регулирования для потребителей в зависимости от того, в какой именно сфере они выступают в качестве таковых, так и создание специализированных институтов для защиты их прав.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Богдан В. В.* История становления законодательства о защите прав потребителей и практике его применения в России // URL: <https://www.disserscat.com/content/istoriya-stanovleniya-zakonodatelstva-o-zashchite-prav-potrebitelei-i-praktiki-ego-primeneni/read>.
2. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления: его мифы и структура. — М.: АСТ, 2020.
3. *Климов В. В.* Институт финансового уполномоченного — новый механизм обеспечения баланса частных и публичных интересов в финансовой сфере // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 5. — С. 35–41.
4. *Хабидуллин Т. М.* Основные этапы развития метрологической службы в России // Символ науки. — 2016. — № 2-1.
5. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права : в 2 т. Т. 1 / под ред. К. И. Батыра, Е. В. Поликарповой. — М., 1996.
6. Хрестоматия по истории Древнего Востока. Т. 1 / пер. В. А. Якобсона в частичной обработке А. А. Немировского. — М., 1980.
7. *Sancinoto J. E.* Merchants in the Later Roman Empire (2018). Publicly Accessible Penn Dissertations. 2703 // URL: <https://repository.upenn.edu/edissertations/2703>.

Материал поступил в редакцию 3 мая 2023 г.

²⁶ См.: *Климов В. В.* Институт финансового уполномоченного — новый механизм обеспечения баланса частных и публичных интересов в финансовой сфере // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 5. С. 35–41.

²⁷ См., например: Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг».

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bogdan V. V. Istoriya stanovleniya zakonodatelstva o zashchite prav potrebiteley i praktike ego primeneniya v Rossii // URL: <https://www.dissercat.com/content/istoriya-stanovleniya-zakonodatelstva-o-zashchite-prav-potrebitelei-i-praktiki-ego-primeneni/read>.
2. Bodriyyar Zh. Obshchestvo potrebleniya: ego mify i struktura. — M.: AST, 2020.
3. Klimov V. V. Institut finansovogo upolnomochennogo — novyy mekhanizm obespecheniya balansa chastnykh i publichnykh interesov v finansovoy sfere // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2020. — T. 15. — № 5. — S. 35–41.
4. Khabibullin T. M. Osnovnye etapy razvitiya metrologicheskoy sluzhby v Rossii // Simvol nauki. — 2016. — № 2-1.
5. Khrestomatiya po vseobshchey istorii gosudarstva i prava: v 2 t. T. 1 / pod red. K. I. Batyra, E. V. Polikarpovoy. — M., 1996.
6. Khrestomatiya po istorii Drevnego Vostoka. T. 1 / per. V. A. Yakobsona v chastichnoy obrabotke A. A. Nemirovskogo. — M., 1980.
7. Sancinoto J. E. Merchants in the Later Roman Empire (2018). Publicly Accessible Penn Dissertations. 2703 // URL: <https://repository.upenn.edu/edissertations/2703>.

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.033-040

Е. А. Шаталов*

Договорные грамоты русских великих и удельных князей XIV–XV вв. как источник познания истории развития отечественного уголовного права

Аннотация. В статье рассматривается ценность докончальных грамот русских великих и удельных князей XIV–XV вв. для отечественной историко-юридической науки. В период феодальной раздробленности эти грамоты были одними из важнейших источников уголовного права средневековой Руси. Именно в них законодательно закреплялись фундаментальные уголовно-правовые термины, основные составы преступлений: «свада», «рубж», «вывод» и т.д., до сих пор не получившие надлежащей научной оценки и освещения. Проблема их слабой изученности порождает в современной науке истории отечественного государства и права заблуждения о том, что преступное деяние вплоть до разработки Судебника 1497 г. в русском законодательстве было обозначено только термином «обида».

В статье автор заостряет внимание и на закономерностях развития княжеской правотворческой деятельности под влиянием норм канонического права, что было характерной особенностью средневековой Руси, где не существовало деления общественных отношений на «светские» и «церковные», как это принято утверждать и рассматривать в науке, поскольку княжеское право, в том числе в вопросах преступления и наказания, всецело отражало духовно-религиозные ценности общества и не должно было им противоречить, а административная деятельность князей была повсеместно подчинена церковным канонам.

Ключевые слова: грамота; право средневековой Руси и его источники; история отечественного уголовного права; история государства и права; историко-юридическая наука и источники ее познания; княжеская власть в период феодальной раздробленности; формирование централизованного государства на Руси; проблемы истории отечественного государства и права; преступление и наказание в русском средневековом законодательстве.

Для цитирования: Шаталов Е. А. Договорные грамоты русских великих и удельных князей XIV–XV вв. как источник познания истории развития отечественного уголовного права // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 12. — С. 33–40. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.033-040.

© Шаталов Е. А., 2023

* Шаталов Евгений Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Нижегородская ул., д. 6, г. Новосибирск, Россия, 630102
penalize@rambler.ru

Contract Charters of Russian Grand and Appanage Princes of the 14th–15th Centuries as a Source of Knowledge for the History of Russian Criminal Law Development

Evgeniy A. Shatalov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory and History of the State and Law, Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
6, Nizhegorodskaya St, Novosibirsk, Russia, 630102
penalize@rambler.ru

Abstract. The paper examines the value of the contract charters of the Russian Grand and Appanage Princes of the 14th–15th centuries for the national historical and legal science. During the period of feudal fragmentation, the charters formed one of the most important sources of criminal law in medieval Russia. It was the charters that enshrined the fundamental criminal law terms and elucidated the main elements of crimes, namely: «svada», «rubezh», «vyvod», etc., which have not yet been studied and described properly. The problem of their poor academic coverage gives rise to misconceptions in modern science of the history of the Russian state and law that a criminal act, up to the development of the Judicial Code in 1497, was designated in Russian legislation only by the term «obida [offense]».

The author focuses on the patterns of development of princely law-making activity under the influence of the norms of canon law, which was a characteristic feature of medieval Russia, where there was no division of public relations into «secular» and «ecclesiastical», as it is customary to assert and consider in scholarship, since princely law, also in matters of crime and punishment fully reflected the spiritual and religious values of society and should not contradict them, and the administrative activities of the princes were everywhere subordinated to church canons.

Keywords: charter; medieval Russian law and its sources; history of domestic criminal law; history of the state and law; historical and legal science and sources of its academic coverage; princely power during the period of feudal fragmentation; formation of a centralized state in Russia; problems of the history of the domestic state and law; crime and punishment in Russian medieval legislation.

Cite as: Shatalov EA. Contract Charters of Russian Grand and Appanage Princes of the 14th–15th Centuries as a Source of Knowledge for the History of Russian Criminal Law Development. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(12):33-40. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.033-040.

Один из выдающихся отечественных ученых-юристов Ф. В. Тарановский особо заострял внимание на том, что исследование конкретного периода в истории права должно начинаться с установления схемы его источников, выяснения их взаимоотношения, относительной силы, объема действия каждого из них¹.

Эти тезисы с методологической стороны вполне оправданны, поскольку созвучны с принципом всесторонности научного исследования, который, несомненно, должен являться некоторым базисом любого изыскания, претендующего на статус научного. Однако то, на чем настаивал вышеуказанный историк-юрист, вряд ли в полной мере стало руководящим прави-

лом для современных исследователей в области истории права и государства.

Даже скорее наоборот — отечественная историко-юридическая наука тенденциозно снизошла до тематического собирательства отдельных исторических фактов и выборочного, фрагментарного, а порой сугубо одномерного освещения материала.

Нередко в научной литературе, в том числе в монографических исследованиях по истории отечественного уголовного права, посвященных периоду Средневековья, из числа памятников в основном выделяются и популяризируются только наиболее крупные — ссудные грамоты, судебники и иные примеры комплексной систематизации законодательства. Многочисленные

¹ Тарановский Ф. В. История русского права / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2004. С. 2.

же грамоты князей, содержащие свидетельства «живого» права, активно применявшегося в регламентации достаточно широкого круга общественных отношений в период феодальной раздробленности, незаслуженно обойдены вниманием.

Об этом факте также писал Ф. В. Тарановский, подчеркивая, что договор являлся важнейшим источником права в период феодальной раздробленности, а не Русская Правда, как принято считать, но информация о них, указывает автор, к сожалению, наукой обычно замалчивается².

На особую значимость договорных грамот и их осмысления в рамках изучения истории русского права обращал внимание М. А. Дьяконов, акцентируя внимание на том, что они представляют собой богатейший материал о правовом положении княжеской власти, судопроизводстве, истоках для формирования последующего законодательства³.

По своей юридической природе dokonчальная (договорная) грамота — это нормативный договор, который заключался только между субъектами, наделенными политической властью, — великими и удельными князьями⁴, закреплял правовые нормы, регулировавшие многочисленные общественные отношения на территориях (вотчинах), находившихся под юрисдикцией договаривающихся сторон, как в эпоху феодальной раздробленности на Руси, так и в начальный период централизации государственной власти. Главным образом грамоты регламентировали порядок управления уделом, сбор пошлин и, конечно же, осуществление правосудия — одной из важнейших функций княжеской власти⁵.

Акцентируем внимание на том факте, что принципиально значимые для рассмотрения судебных дел нормы уголовного и процессуального права впервые в истории отечественного

законодательства получили свою формализацию именно в текстах dokonчальных грамот. При этом они иногда были сходны по содержанию, а порой существенным образом отличались от норм, закрепленных в последующих великокняжеских сводах законов и уставных грамотах.

Но их важность для науки не исчерпывается только этим фактом. Правовые предписания судебных актов и других законодательных актов, на изучение которых делают ставку современные историки права, не все и не всегда воплощались в жизнь, особенно на местах, где существовали свои обычаи и порядки⁶. Исполнение же норм договорных грамот контролировали лично монархи, поскольку исполнение взятых на себя обязательств для них было делом чести и, конечно же, обязательством перед богом, поскольку заключение грамот в обязательном порядке сопровождалось произнесением клятвы, целованием креста и иных христианских реликвий.

Несомненно, в этой части данные документы представляют огромную ценность для отечественной историко-юридической науки, хотя бы потому, что они содержат многочисленные понятия, указание на составы преступлений и наказания, выработанные длительной юридической практикой.

С точки зрения юридико-технических аспектов грамоты существенно отличаются от всех других нормативных документов, издаваемых в то время, поскольку имеют свою более или менее строго установленную структуру, набор правовых терминов, шаблонных фраз, юридических формул, которыми оперирует тот или иной князь, стилистику, порядок заверения, вступления в силу и т.д.

Главная ценность и информативность этих источников для науки истории государства и права

² Тарановский Ф. В. Указ. соч. С. 8–9.

³ Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. Изд. 2-е. СПб., 1908. С. 204–205.

⁴ Сергеевич В. И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М., 1867. С. 124.

⁵ См.: Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. С. 280–288.

⁶ См.: Шаталов Е. А. Основные проблемные аспекты научного исследования Судебника 1497 года: критический анализ // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 1. С. 22–26.

состоит еще и в том, что, заключая договор, князья фиксировали в них реально действовавшие на их территории обычаи, традиции, правила судопроизводства и не обходили вниманием вопросы привлечения к ответственности и наказания виновных лиц за действия, которые порицались княжеской властью и обществом.

Неприемлемая форма поведения в обществе и одновременно противоправное деяние первоначально в грамотах, как и в Русской Правде, обозначаются термином «обида», однако в более поздних их вариантах иногда встречается термин «обидное дело»⁷. «...А не обидити...» — довольно часто подобное наставление закрепляется во многих редакциях докончальных грамот.

Постепенно, с развитием и совершенствованием договорной практики, в многочисленных грамотах к концу XIV в. наравне с термином «обида» появляются и другие понятия, обозначающие проступки, причиняющие вред общественным отношениям, например: «хитрость», «лихо», «ослушанья» и даже «пакость»⁸, которые законодатель порицает и в тексте документов противопоставляет другим словам, с противоположным значением, таким как «добро», «любовь» и «правда», которые с большой долей вероятности имели каноническую основу.

В данном случае можно провести аналогию с более ранними грамотами духовных лиц, где содержались похожие термины, используемые в том же контексте. В грамоте митрополита

Алексия на Червонный Яр 1360 г., адресованной достаточно широкому кругу лиц: боярам, баскакам, духовенству и мирянам, содержится воззвание о необходимости воздержания от совершения краж, грабежей и других преступлений, и здесь же мы видим наставление о том, чтобы все выше перечисленные субъекты имели «...любовь и мир друг к другу, правду...»⁹.

В докончальных грамотах содержатся нормы, которые предусматривают ответственность за преступления против как великокняжеской власти, так и власти удельных князей. В науке встречаются мнения о том, что подобные виды преступлений, посягающие на институты публичной власти, были впервые законодательно закреплены только в Псковской судной грамоте. Однако данные утверждения являются глубоко ошибочными.

Такой состав преступления, как «свада»¹⁰, упоминается в докончальной грамоте великого князя Семена Ивановича с князьями Иваном Ивановичем и Андреем Ивановичем заключенной между ними приблизительно в 1350–1351 гг. В ней было сказано, что если кто-либо умышленно предпримет действия для того, чтобы внести ссору, поссорить с целью порушить возникший между договаривающимися сторонами союз, то виновный должен быть подвергнут «по исправе», то есть суду смертной казни¹¹.

В этой же грамоте упоминается и такой состав преступления, как измена — крамола,

⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М. — Л., 1950. С. 63.

⁸ Этот термин содержится как в канонических источниках, так и в договорных грамотах князей того времени, означает одно и то же — деяние, причиняющее существенный вред. В Лаврентьевской летописи по этому поводу есть следующее выражение: «...велику пакость створиша, села пожгоша...». В Послании Белозерского монастыря игумена Кирилла Великому князю Василию Дмитриевичу (1399–1402 гг.) содержится порицание всякой преступной деятельности: «...не творить всемъ людемъ пакость...». Этот же термин встречается и в докончании великого князя Василия Васильевича с королем польским и великим князем литовским Казимиром (1449 г.) и в Послании Митрополита Ионы (1454 г.): «...въ вотчинъ сына нашего Великого князя, пакостни какие не было...» См.: Акты Исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1841. Т. 1. С. 22, 104; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 162; Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археологической комиссией. СПб., 1846. Т. 1: Лаврентьевская и Троицкая летописи С. 149.

⁹ Акты Исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. С. 3.

¹⁰ Свада — ссора. См.: Материалы для терминологического словаря древней России / сост. Г. Е. Кочин; под ред. акад. Б. Д. Грекова. М., Л., 1937. С. 313.

¹¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 11.

который гораздо позже будет закреплен в Судебнике Ивана III 1497 г.¹² Переход бояр и слуг от одного сюзерена к другому без согласия таковых отныне расценивался как измена и подлежал наказанию — лишению чина, титула, а также ответственность наравне с осужденным несли его дети и его супруга, которые лишались имущества и покровительства со стороны княжеской власти, а порой и жизни¹³.

В докончальной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем (около 1367 г.) была предусмотрена ответственность за неисполнение распоряжений князей со стороны подвластных им бояр, слуг, воевод, которые должны были служить своим феодалам, как подчеркивалось в грамоте, «без ослушания»; виновных предписывалось, как за измену, наказывать смертной казнью¹⁴.

Здесь особо следует сказать, что это один из ярких и ранних в истории примеров закрепления в российском законодательстве ответственности за нарушение воли монарха в области служебных отношений и назначения смертной казни, еще до появления на Руси кодифицированного законодательства.

В грамотах упоминаются и некоторые имущественные преступления. Так, в договорной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича с великим князем тверским Михаилом Александровичем речь идет о грабежах «...или что еси пограбил, или что у людей поимано...». При этом упоминаются простые виды грабежа (хищение имущества у людей) и отдельно в качестве квалифицированных видов выделяются хищение товара из повозок и лады. Законо-

датель не определяет меры наказания за эти деяния, поясняя, что все похищенное имущество должно быть возвращено потерпевшим через суд или через целование¹⁵.

В другой договорной грамоте, заключенной между великим князем Василием Дмитриевичем и великим князем рязанским Федором Олеговичем (1402 г.), виновных в совершении любого вида грабежа надлежало наказывать погребом¹⁶. В последующих договорных грамотах совершение грабежа, вероятно, влечет за собой наказание в виде лишения свободы в погреб.

По поводу значения термина «погреб» применительно к русскому праву в науке нет единого мнения. М. Ф. Владимирский-Буданов пишет, что термин «погреб» означает не наказание, а то, что виновное лицо, совершившее грабеж, освобождается от обязательства вернуть потерпевшей стороне похищенные вещи¹⁷.

Однако этим термином обозначен и вид наказания, который был известен и более ранним памятникам права. Например, подобная мера государственного принуждения упоминается еще в Договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г., где идет речь о недопустимости заключения должника именно в погреб (тюрьму)¹⁸.

В контексте характеристики имущественных преступлений следует особо остановиться и на договорной грамоте великого князя Юрия Дмитриевича с великим рязанским князем Иваном Федоровичем (1434 г.), где наравне с уже известными составами преступления, характерными для русского средневекового права: кража — татьба, разбой, и один из видов убийств — душегубство, законодательно закрепляется еще

¹² Судебники Иоанна III и Иоанна IV 1497 года и 1555 (1550) года / Текст с указ. напеч. проф. М. Клочковым. Харьков, 1915. С. 2.

¹³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 12.

¹⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 21.

¹⁵ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 26.

¹⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 54.

¹⁷ Хрестоматия по истории русского права / сост. М. Ф. Владимирский-Буданов. Вып. 2. Киев-СПб., 1887. С. 13.

¹⁸ О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом заключенном в 1270 году. Рассуждение магистра государственного права Ивана Андреевского, представленное в юридический факультет Императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1855. С. 27.

два: «наездъ»¹⁹, который помещен в один ряд с разбоем, татьбой, и «рубезж», «...а рубезжника выдати по исправе» — подчеркивается в данном документе²⁰.

Рубезж как наказуемое деяние восходит к судебной, договорной практике Смоленского княжества, где он фрагментарно и в довольно казуистичной форме получил свое законодательное закрепление. В грамоте князя Федора Ростиславича о свободной торговле с Ригой 1284 г. говорится о том, что «гости»-иностранцы в землях, подпадающих под юрисдикцию договаривающихся сторон, могут свободно, без каких-либо ограничений передвигаться по их территории и никто не имеет права чинить им препятствие, «...а роубъжа не дъйти, ни намъ съебе в Смоленьске, ни вамъ в себе в Ризь...»²¹.

Данный состав правонарушения довольно часто упоминается и в последующих княжеских грамотах, заключаемых на иных территориях Руси, к примеру в договоре великого князя Василия Васильевича с князем Галицким Дмитрием Юрьевичем (1436 г.) и с великим князем рязанским (1447 г.)²², что, по нашему мнению, указывает на достаточно высокую степень общественной опасности и частоту совершения этого преступления.

В справочной литературе, посвященной изучению древнерусского языка, существует многообразие подходов к объяснению семантики термина «рубезж». В словаре И. И. Срезневского рубезж означает «насилие, насильственный захват, а также самовольную расправу». Но здесь же автор, апеллируя к докончальным грамотам,

поясняет, что «рубезжник» — это лицо, которое противоправно, самовольно ставит препятствия проходу или проезду по той или иной территории²³. Отсюда можно предположить, что данное преступление главным образом посягало именно на свободу личности, свободу передвижения и дополнительно, при квалифицированном виде преступления, это могли быть здоровье человека и иные блага.

Упоминание об одном из квалифицированных видов рубезжа содержится в докончальной грамоте великого князя Ивана Васильевича с великим князем рязанским Иваном Васильевичем (1483 г.). Этим документом устанавливался особый запрет на совершение подобных деяний именно в отношении отдельных представителей верхушки феодального общества — князей и их детей: «...Рязанские за тот рубезж на нашу сторону... не вступати...», «...А вывода и рубезжа не замышляти»²⁴.

Вывод — еще один состав преступления, который законодательно закрепляется в означенной выше и в последующих редакциях княжеских грамот. Данный состав был известен судебной и договорной практике Северо-Западной Руси и конкретно Новгорода еще в XIII в.

«...Княже, людей не выводите въ свою волость, ни изъ иной волости Новгородьской» — подобное наставление зафиксировано в договорной грамоте Новгорода с великим князем тверским Ярославом Ярославичем (1270 г.)²⁵.

Объективная сторона этого преступления состояла в совершении противоправного захвата территорий и принудительного переселе-

¹⁹ Квалификация грабежа, состоявшая в открытом истреблении чужого имущества. Данный состав преступления позже будет закреплен в ст. 10 Новгородской судной грамоты // *Исаев М. А.* Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М., 2001. С. 63.

²⁰ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 83.

²¹ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2. С. 6.

²² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 94, 145.

²³ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1902. Т. 3. С. 179–181.

²⁴ *Срезневский И. И.* Указ. соч. С. 285–286.

²⁵ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1. С. 3.

ния проживавшего на ней населения²⁶. Де-юре первоначально запрет на совершение таких действий распространялся главным образом на князей, которые, видимо пользуясь своим положением и властью, вопреки местным порядкам и обычаям расширяли сферу своего влияния и размеры собственных уделов. Однако в грамотах князей XV в. данное деяние под угрозой ответственности запрещено совершать всем членам общества, без какого-либо исключения.

Об этом упоминается в докончании великого князя Ивана Васильевича с великим князем тверским Михаилом Борисовичем (1462–1464 гг.). В данном документе в категоричной форме указано: «А кто учинит рубеж или вывод и рубежника и выводщика по исправе выдати»²⁷. В документах не указана санкция за подобные деяния, а содержится лишь указание, что виновных лиц необходимо выдать на суд, общий суд, состоявший из представителей договаривающихся сторон.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, договорные грамоты являются уникальными документами, отражающими традиции, уклад жизни общества той эпохи, важнейшими научными источниками, позволяющими историку-юристу разглядеть отдельные стороны юридического быта средневекового общества, сформировать представление о карательной политике, претворяемой в жизнь на отдельных территориях Руси.

Во-вторых, именно грамоты являлись важнейшими источниками уголовного права в период феодальной раздробленности Руси, когда в условиях междоусобиц, серьезных противоречий и конкуренции, а тем более политической зависимости от Золотой Орды, установление единых для русских княжеств охранительных норм было абсолютно невозможно.

В-третьих, посредством грамот предпринимаются первые попытки законодательного закрепления уголовно-правовой терминологии, видов наиболее опасных для феодального строя деяний и мер ответственности за их совершение, выработанных в том числе княжеской судебной практикой.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акты Исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. — СПб. : Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1841. — 613 с.
2. *Беляев И. Д.* Лекции по истории русского законодательства. — М. : Типо-лит. С. А. Петровского и Н. П. Панина, 1879. — 730 с.
3. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. — М. — Л. : Издательство Академии наук СССР, 1950. — 597 с.
4. *Дьяконов М.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. — Изд. 2-е. — СПб. : Тип. А. Г. Розена, 1908. — 527 с.
5. *Исаев М. А.* Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. — М. : Спарк, 2001. — 119 с.
6. Материалы для терминологического словаря древней России / сост. Г. Е. Кочин ; под ред. акад. Б. Д. Грекова. — М., Л., 1937. — 487 с.
7. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Т. 1 : Лаврентьевская и Троицкая летописи. — СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1846. — 297 с.
8. Рассуждение магистра государственного права Ивана Андреевского, представленное в юридический факультет Императорского С.-Петербургского университета. — СПб., 1855. — 106 с.
9. *Сергеевич В. И.* Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. — М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1867. — 426 с.

²⁶ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1989. Т. 2. С. 238.

²⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 204.

10. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / гл. ред. Р. И. Аванесов. — Т. 2. — М., 1989. — 494 с.
11. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел : в 5 ч. — М. : Тип. Н. С. Всеволожского, 1813–1894.
12. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т. 3. — СПб. : Издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1893–1902. — 1018 с.
13. Судебники Иоанна III и Иоанна IV 1497 года и 1555 (1550) года / Текст с указ. напеч. проф. М. Ключковым. — Харьков : Издание Историко-филологического факультета Императорского Харьковского университета, 1915. — 51 с.
14. *Тарановский Ф. В.* История русского права / под ред. и с предисловием В. А. Томсинова. — М. : Зерцало, 2004. — 272 с.
15. Хрестоматия по истории русского права / сост. М. Ф. Владимирский-Буданов. — Вып. 2. — Киев — СПб. : Тип. С. В. Кульженко, 1887. — 248 с.
16. *Шаталов Е. А.* Основные проблемные аспекты научного исследования Судебника 1497 года: критический анализ // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — № 1.

Материал поступил в редакцию 6 мая 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Akty Istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu. T. 1. — SPb.: Tip. Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1841. — 613 s.
2. Belyaev I. D. Lektsii po istorii russkogo zakonodatelstva. — M.: Tipo-lit. S. A. Petrovskogo i N. P. Panina, 1879. — 730 s.
3. Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udelnykh knyazey XIV–XVI vv. — M. — L.: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1950. — 597 s.
4. Dyakonov M. Ocherki obshchestvennogo i gosudarstvennogo stroya Drevney Rusi. — Izd. 2-e. — SPb.: Tip. A. G. Rozena, 1908. — 527 s.
5. Isaev M. A. Tolkovyy slovar drevnerusskikh yuridicheskikh terminov: ot dogovorov s Vizantiey do ustavnykh gramot Moskovskogo gosudarstva. — M.: Spark, 2001. — 119 s.
6. Materialy dlya terminologicheskogo slovarya drevney Rossii / sost. G. E. Kochin; pod red. akad. B. D. Grekova. — M., L., 1937. — 487 s.
7. Polnoe sobranie russkikh letopisey, izdannoe po vysochayshemu poveleniyu Arkheograficheskoyu komissiey. T. 1: Lavrentevskaya i Troitskaya letopisi. — SPb.: Tip. Eduarda Pratsa, 1846. — 297 s.
8. Rassuzhdenie magistra gosudarstvennogo prava Ivana Andreevskogo, predstavlennoe v yuridicheskiy fakultet Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta. — SPb., 1855. — 106 s.
9. Sergeevich V. I. Veche i knyaz. Russkoe gosudarstvennoe ustroystvo i upravlenie vo vremena knyazey Ryurikovichyey. — M.: Tip. A. I. Mamontova, 1867. — 426 s.
10. Slovar drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.): v 10 t. / gl. red. R. I. Avanesov. — Т. 2. — М., 1989. — 494 с.
11. Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del: v 5 ch. — M.: Tip. N. S. Vsevolzhskogo, 1813–1894.
12. Sreznevskiy I. I. Materialy dlya slovarya drevne-russkogo yazyka po pismennym pamyatnikam. T. 3. — SPb.: Izdanie Otd-niya rus. yaz. i slovesnosti Imperatorskoy akad. nauk, 1893–1902. — 1018 s.
13. Sudebniki Ioanna III i Ioanna IV 1497 goda i 1555 (1550) goda / Tekst s ukaz. napech. prof. M. Klochkovym. — Kharkov: Izdanie Istoriko-filologicheskogo fakulteta Imperatorskogo Kharkovskogo universiteta, 1915. — 51 s.
14. Taranovskiy F. V. Istoriya russkogo prava / pod red. i s predisloviem V. A. Tomsinova. — M.: Zertsalo, 2004. — 272 s.
15. Khrestomatiya po istorii russkogo prava / sost. M. F. Vladimirskiy-Budanov. — Vyp. 2. — Kiev — SPb.: Tip. S. V. Kulzhenko, 1887. — 248 s.
16. Shatalov E. A. Osnovnye problemnye aspekty nauchnogo issledovaniya Sudebnika 1497 goda: kriticheskii analiz // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2023. — № 1.

Проблема государственного суверенитета в контексте мир-системного анализа

Аннотация. В статье на основании анализа научной литературы, нормативных актов и программных документов Российской Федерации рассматривается проблема суверенитета современного государства. Автор анализирует современное состояние теории суверенитета в контексте одной из наиболее перспективных доктрин международных отношений — теории мир-системного анализа. Предлагается учитывать теоретическое и методологическое значение данной концепции при разработке практических мер реализации суверенитета Российской Федерации в политической, экономической и технологической отраслях. Автором обосновывается актуальность данной теории для обеспечения реального суверенитета современного государства в условиях трансформирующегося миропорядка с учетом вызовов, требующих незамедлительного реагирования и контроля. Рассматриваются современные модели реализации суверенитета государства в контексте занимаемого им места в мир-системе, а также выделяются показатели оценки суверенитета современного государства, а именно: самообеспечение, устойчивость к влиянию внешних факторов и контроль государства над внутренними активами. Обосновывается принципиальная важность учета методологии мир-системного подхода в реализации стратегии экономической безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: современное государство; суверенитет; мир-системный анализ; экономика; политика; независимость; самостоятельность; безопасность; стратегия; гегемония; автаркия; производство; центр-периферия.

Для цитирования: Филин А. Ю. Проблема государственного суверенитета в контексте мир-системного анализа // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 12. — С. 41–51. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.041-051.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (Центр компетенций «Техноправо»).

The Problem of State Sovereignty in the Context of World-System Analysis

Andrey Yu. Filin, Cand. Sci. (Law), Lecturer, Department of Theory of the State and Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya St, Moscow, Russia, 125993
filin.pravo@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of research literature, regulations and policy documents of the Russian Federation, the paper examines the problem of sovereignty of the modern state. The author analyzes the current state of the

© Филин А. Ю., 2023

* *Филин Андрей Юрьевич*, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
filin.pravo@yandex.ru

theory of sovereignty in the context of one of the most promising doctrines of international relations — the theory of world-system analysis. The author suggests taking into account the theoretical and methodological significance of this concept when developing practical measures to implement the sovereignty of the Russian Federation in the political, economic and technological sectors. The author substantiates the relevance of this theory to ensure the real sovereignty of a modern state in a transforming world order, taking into account the challenges that require immediate response and control. The paper elucidates modern models of implementation of state sovereignty in the context of its place in the world system and focuses on indicators for assessing the sovereignty of a modern state, namely: self-sufficiency, resistance to the influence of external factors and state control over internal assets. The author substantiates the fundamental importance of taking into account the methodology of the world-system approach in the implementation of the economic security strategy of the Russian Federation.

Keywords: modern state; sovereignty; world-system analysis; economy; politics; independence; independence; security; strategy; hegemony; autarchy; production; center-periphery.

Cite as: Filin AYu. The Problem of State Sovereignty in the Context of World-System Analysis. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(12):41-51. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.041-051.

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program («Techno-Law» Center of Competence).

Согласно ст. 1 Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств от 26.12.1933 основополагающими критериями, позволяющими сделать вывод о том, что то или иное политическое образование является государством — субъектом международного права, выступают население, территория, правительство и способность к вступлению в международные отношения¹. Как видим, суверенитет среди обязательных признаков государства в данной конвенции не рассматривается.

С одной стороны, подобный подход обусловлен господствующими в юридической науке представлениями о суверенитете как об априорном свойстве государства, юридической аксиоме, в которой заключается содержание государства как особой корпорации, осуществляющей властные притязания в рамках своего сообщества в монопольном порядке. Родоначальником такого подхода традиционно считается Георг Еллинек, который отмечал, что при-

знак суверенитета не определяет содержание тех границ, которые государство само себе ставит, как и самого процесса установления этих границ². В этом смысле суверенитет есть «лишь юридическая способность выступать в качестве независимого (опять же, именно юридически независимого) субъекта и считаться носителем верховной власти»³.

Однако в современных условиях оставление без внимания суверенитета как критерия международной правосубъектности государства видится в том числе одним из вариантов нормативного закрепления так называемого размывания суверенитета в условиях глобализации, которое Ульрих Бек охарактеризовал как «игру с нулевой суммой, где кто-то должен отречься от чего-то, что дает какие-то полномочия наднациональному институту»⁴.

Действительно, сложно не согласиться с тем, что классическая концепция суверенитета, характеризующаяся верховенством, независимо-

¹ Convention on Rights and Duties of States adopted by the Seventh International Conference of American States // United Nations Treaty Collection. URL: <https://treaties.un.org/pages/showDetails.aspx?objid=0800000280166aef> (дата обращения: 15.05.2023).

² См.: Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2004. С. 464–467.

³ Лексин И. В. Концепции государственного суверенитета: действительное и мнимое многообразие // Суверенитет государства в современном мире. Актуальные вопросы научного и общественно-политического дискурса: сборник статей. М.: Аргамак-медиа, 2018. С. 47.

⁴ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М., 2001. С. 197.

стью, единством и неотчуждаемостью⁵, в современных условиях может опровергаться практикой политико-правовой организации. В этом смысле суверенными не являются, например, государства Европейского Союза, поскольку их суверенитет частично отчужден в пользу наднациональной корпорации, а также некоторые страны Латинской Америки, организованная преступность в которых на постоянной основе посягает на верховенство государственной власти, тем самым обеспечивая своеобразный и вместе с тем устойчивый общественный порядок. Единство суверенитета на современном этапе также подвергается сомнению, в связи с чем в науке и практике принято говорить об отдельных сферах или разновидностях суверенитета: экономической, политической, информационной, научной, военной и пр. Независимость же как свойство суверенитета в условиях существующих экономических связей и транснациональной рыночной экономики едва ли представляется возможной в принципе.

В этой связи в науке оформились два противоположных подхода к осмыслению концепции суверенитета современного государства, которые можно условно охарактеризовать как нигилистический — отрицание суверенитета либо утверждение утраты актуальности данного свойства государства, и реалистический — рассмотрение суверенитета как оценочной категории, характеризующей реальную возможность государства самостоятельно определять направления своей политики и развиваться, избегая навязывания чужой воли со стороны властных структур иных государств. Первый подход господствовал в отечественной науке после распада Советского Союза и сохранял актуальность вплоть до 2020-х гг., второй получил свое развитие сравнительно недавно, что во

многом объясняется экономической рецессией 2008 г., следствием которой стали продолжающийся по сей день спад мировой экономики и постепенная утрата оптимизма относительно возможности мирного сосуществования и развития государств в условиях капиталистического мироустройства.

Указанное также объясняет распространение в политико-правовой науке концепции деглобализации — очередного цикла развития мировой экономики, который характеризуется снижением интенсивности международных экономических связей, ростом протекционистских тенденций и усилением политической напряженности в мире вследствие усиления эксплуатации периферии мировой экономики ее центром, вызвавшей углубление глобального неравенства, торможение научно-технического прогресса и финансиализацию мировой экономики⁶.

При этом некоторые авторы связывают процессы деглобализации не только с ослаблением международных экономических связей, но и с восстановлением национальными государствами «утраченного суверенитета»⁷ и производственного потенциала⁸.

Действительно, актуальная обстановка наглядно демонстрирует необходимость принятия мер по обеспечению государственного суверенитета, реиндустриализации и адаптации к изменившимся политэкономическим реалиям. От указанных действий зависит стабильность национальной экономики, благосостояние граждан и в конечном счете существование государства как такового.

Вместе с тем анализ научных трудов и программных документов показывает, что указанные меры в большинстве своем сводятся к стимулированию научных исследований, инвестициям

⁵ Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Эксмо, 2019. С. 47.

⁶ Комолов О. О. Деглобализация в контексте мировой экономической стагнации // ЭВР. 2018. № 4 (58). С. 50.

⁷ Сапир Ж. Деглобализация уже в пути: новый мир и возрождение демократии // Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/degloalizatsiya-uzhe-v-puti/> (дата обращения: 15.05.2023).

⁸ Лапина Н. Ю. Стоит ли мир на пороге деглобализации // Независимая газета. 2020. URL: https://www.ng.ru/ideas/2020-05-11/7_7857_world.html (дата обращения: 15.05.2023).

в новые технологии и инновации, совершенствованию системы образования и повышению предложения на рынке труда в сфере информационных технологий, борьбе с коррупцией и т.д. Комплексное осмысление содержания суверенитета России с учетом ее места на политической карте мира и характера экономических связей господства-подчинения широкого развития до настоящего времени не получило.

В этом смысле необходимо обратить внимание на тот факт, что проблема деглобализации тесно связана с концепцией мир-системного анализа, разработанной американским политологом Иммануилом Валлерстайном, которая, в свою очередь, является производной по отношению к теории экономических циклов, описанных советским экономистом Н. Д. Кондратьевым.

Валлерстайн выступал противником цивилизационного подхода к осмыслению проблемы экономического неравенства тех или иных государств и на основе принципов материалистической диалектики и методологии исторической обусловленности социального поведения людей стремился представить такую теорию, которая смогла бы наиболее полно объяснить закономерности функционирования и развития капиталистических отношений и гегемонии одних государств над другими.

В работе «Мир-система модерна» Валлерстайн объясняет существование современной капиталистической системы мироустройства перераспределением ресурсов в сфере мировой торговли, предпосылками которого стали великие географические открытия, неравномерное общественное развитие и научно-технический прогресс, который позволил одним государствам обогащаться за счет вывоза капиталов из других⁹.

В результате сложились два основных полюса мировой экономики — центр и периферия. Развивая предложенную Карлом Марксом теорию

прибавочной стоимости, Валлерстайн проецирует проблему классового антагонизма на взаимоотношения государств центра и периферии.

Согласно данной концепции капиталистическая мир-система строится на непримиримом противоречии основных интересов субъектов международных экономических отношений, в рамках которых прибавочная стоимость, производимая пролетариатом в государствах периферии мировой экономики, разделяется между буржуазией, находящейся в центре системы. Таким образом, стабильность системы обеспечивается богатством центра, полученным за счет отъема прибавочной стоимости у государств периферии, что в обязательном порядке сопряжено с усилением экономического неравенства, замедлением технического прогресса, навязанным отставанием периферии и финансиализацией экономики центра мир-системы.

Между названными полюсами мир-системы, однако, располагается так называемая полупериферия, или страны модернизации «второй волны», которые выполняют амортизационные функции и нередко являются источником различных инновационных изменений¹⁰. При этом положение полупериферийных государств позволяет, с одной стороны, обогащаться за счет прибавочного продукта собственной периферии, а с другой — требует отчуждать прибавочную стоимость за рубеж, что в большинстве случаев определяет «компрадорскую» направленность властных элит, что означает ее посреднический характер между иностранным капиталом и национальным рынком. Такие элиты обеспечивают свое существование за счет обмена отечественных дешевых ресурсов на иностранные товары для последующей реализации на своей территории, в связи с чем тесно связаны с иностранным капиталом и поддерживают его в ущерб национальным интересам¹¹.

⁹ См.: Валлерстайн И. Мир-система модерна / пер. с англ. Н. Проценко. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. Т. 4 : Триумф центристского либерализма, 1789–1914.

¹⁰ Кошкарева С. Г. Мир-системный подход к всемирной истории // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2019. № 2 (34). С. 9.

¹¹ См.: Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд., испр. и доп. М. : Советская энциклопедия, 1989. С. 622.

Капиталистический этап исторического развития в контексте мир-системного анализа характеризуется поэтапной сменой циклов доминирования в производственной, торговой и финансовой сферах: гегемонией Голландии в период с XVII по XIX в., Великобритании — в XIX–XX вв. и Соединенных Штатов Америки со второй половины XX в. по наше время¹². При этом стабильность системы обеспечивается принципом диалектического единства и борьбы суверенного центра и десуверенной периферии. В этом смысле десуверенитизация, ставшая следствием процессов глобализации XX–XXI вв., не является новым для мировой истории явлением, а подобные тенденции в отношениях между государствами уходят корнями в эпоху Нового времени и напрямую связаны с циклами гегемонии, в результате которых менялось соотношение основных сил центра-периферии. Фактически само возникновение капиталистической системы мироустройства, по Валлерстайну, обусловлено усилением влияния суверенных государств, обогащавшихся за счет эксплуатации периферии. Аналогичные процессы имели место в период колониализма и продолжились в эпоху постколониализма и глобализации. Таким образом, деглобализация является лишь одним из проявлений очередного кондратьевского цикла, связанного с ослаблением гегемонии одних государств и приходом им на смену других.

Полагаем, что указанный подход имеет принципиальное методологическое значение при определении основ суверенитета Российской Федерации. В этом смысле необходимо учитывать, что Российская Федерация является правопреемницей Советского Союза, который на протяжении второй половины XX в. фактически существовал автономно от капиталистической мир-системы, развивая политические и социально-экономические связи внутри социалистических республик, а также взаимодействуя преимущественно с другими государствами социалистического блока, которые можно весьма условно отнести к странам периферийного типа.

Таким образом, советское государство обеспечивало свое развитие, не встраиваясь в систему отношений экономической гегемонии центра над периферией.

Тем не менее ввиду как объективных, так и субъективных факторов к концу XX в. советское государство всё же стало частью мир-системы, социалистический блок распался, и неолиберальная экономическая модель стала господствующей парадигмой мирового порядка. В Российской Федерации были проведены масштабные рыночные реформы, ликвидирована плановая экономика, произошли деиндустриализация и приватизация капитала. Указанные процессы продолжались и после экономического кризиса 2008 г., вплоть до приобретения в 2012 г. членства России во Всемирной торговой организации. Несмотря на это, Российская Федерация продолжает оставаться полупериферией мир-системы. Лишь политические потрясения 2022 г. заставили всерьез задуматься об уязвимости национальной экономики, в значительной степени зависящей от сбыта природных ресурсов на рынки государств центра мировой экономики.

В этой связи основным внешнеполитическим принципом была провозглашена «многополярность», то есть стремление государств полупериферии объединиться с целью создания весомой альтернативы центру мир-системы. Данный процесс, безусловно, является объективным следствием развития капитализма и совпадает с очередным экономическим циклом, однако для оценки эффективности мер, направленных на обеспечение экономической безопасности Российской Федерации, необходимо принимать во внимание структуру ее экономики и место России в системе международных экономических связей в условиях трансформации мирового порядка.

Так, еще в 1998 г. В. В. Путин в статье «Минерально-сырьевые ресурсы в стратегии развития российской экономики» обращал внимание на ключевую роль российского минерально-сырьевого комплекса во всех сферах жизнедеятельно-

¹² Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. С. 99.

сти государства, поскольку он в том числе вносит весомый вклад в формирование доходной части бюджета страны; обеспечивает более 50 % валового внутреннего продукта; обеспечивает 70 % экспортных поступлений в бюджет государства; составляет основу оборонного могущества страны. Из указанного следует вывод о том, что стратегическим фактором экономического роста России должна стать структурная перестройка национальной экономики на основе имеющихся минерально-сырьевых ресурсов с целью существенного повышения ее эффективности и преодоления «планово-распределительной системы и полной изоляции от мирового рынка», определивших «низкий уровень эффективности работы обрабатывающей промышленности, неконкурентоспособность большей части ее продукции на мировом рынке и, как следствие, снижение объемов производства и ликвидацию многих предприятий данного сектора экономики»¹³.

При этом, несмотря на изменения геополитической конъюнктуры, о кардинальных изменениях в структуре национальной экономики говорить не приходится. Напротив, минерально-сырьевой комплекс остается ключевым стратегическим фактором экономической стабильности. Так, по оценкам экономистов, за 2022 г. экспорт ресурсов из России в Китай увеличился почти на 50 %¹⁴, а В. В. Путин в статье «Россия и Китай — партнерство, устремленное в будущее» для китайской газеты «Жэньминь Жибао» вновь указал на важность сырьевого экспорта для экономики России и в качестве основных направлений двустороннего сотрудничества России и Китая, отметив строительство газопровода «Сила Сибири» и существенно возросшие объемы поставок отечественной нефти и угля¹⁵.

Ведущий аналитический журнал нефтегазовой отрасли России и сопредельных стран «Нефть и капитал» также отмечает существенное возращание экспорта российских нефтепродуктов в Китай по значительно сниженным ценам, что позволило Китаю с апреля 2022 г. по январь 2023 г. сэкономить более \$5,5 млрд¹⁶.

Таким образом, закрытие для Российской Федерации доступа к западным сырьевым рынкам рискует привести лишь к смене ориентации на Восток — в сторону государств, у которых имеются реальные шансы не столько создать альтернативу отношениям центра-периферии, сколько в условиях утраты позиций Запада встроиться в существующую структуру гегемонии, в том числе за счет прибавочной стоимости, отчуждаемой из России.

В указанных условиях теория мир-системного анализа имеет определяющее значение для выявления критериев экономической безопасности России в рамках ее полупериферийного положения в структуре мирового хозяйства, которые позволяют минимизировать распространение гегемонии на национальную экономику Российской Федерации и снизить ее зависимость от других стран, а также для типологизации существующих моделей суверенитета с учетом места государств в мировой экономике.

В этом смысле основными показателями, определяющими суверенитет современного государства, являются самообеспечение, устойчивость к влиянию внешних факторов и контроль государства над внутренними активами. Каждый из представленных показателей характеризуется набором конкретных экономических критериев, позволяющих оценить их количественный и качественный уровень на конкретном этапе развития.

¹³ Путин В. В. Минерально-сырьевые ресурсы в стратегии развития российской экономики // Записки Горного института. 1999. № 1. С. 4–6.

¹⁴ Рекорды российской экономики — 2022 // Открытый журнал. URL: <https://journal.open-broker.ru/research/rekordy-gossijskoj-ekonomiki/> (дата обращения: 15.05.2023).

¹⁵ Путин В. В. Россия и Китай — партнерство, устремленное в будущее // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70743> (дата обращения: 15.05.2023).

¹⁶ Нефть, уголь, СПГ: в Reuters подсчитали, сколько КНР сэкономит на углеводородах РФ // URL: <https://oilcapital.ru/news/2023-03-22/neft-ugol-spg-v-reuters-podschitali-skolko-knr-sekonomila-na-uglevodorodah-rf-2882762> (дата обращения: 15.05.2023).

Так, самообеспечение, то есть возможность государства располагать жизненно важными ресурсами для удовлетворения основных потребностей его сообщества, определяется наличием собственной продовольственной базы, подконтрольного государству военно-промышленного комплекса (ВПК), технологической инфраструктурой, отвечающей требованиям самодостаточности, конкурентоспособности, специфицированности. В то время как Российской Федерации во многом удалось преодолеть провалы продовольственной безопасности, с которыми страна столкнулась в 1990-е гг., исследователи тем не менее отмечают, что страна до сих пор не вышла на приемлемый уровень потребления своими гражданами основных продуктов питания, а высокая импортная зависимость страны по отдельным видам продовольствия существенно снижает продовольственную безопасность Российской Федерации и в значительной степени ущемляет ее национальные интересы¹⁷. ВПК в условиях рыночной экономики и недостаточного контроля со стороны государства на протяжении многих десятилетий также демонстрирует свою неэффективность, а увеличение объемов финансирования не сопровождается организационно-экономическими мерами по повышению эффективности его работы¹⁸. Приходится констатировать также крайне неудовлетворительное состояние российской технологической инфраструктуры и практики и, как следствие, признать фактическое отсутствие технологического суверенитета Российской Федерации¹⁹.

Устойчивость к влиянию внешних факторов характеризуется способностью государства противостоять экономическим санкциям, чрезвычайным ситуациям и кризисным явлениям на

международных рынках, требует переориентации экономики на внутреннее потребление. Другими словами, чем более закрытой является экономика страны, тем менее серьезным будет воздействие изменений в международном спросе или предложении товаров и услуг в результате санкций по сравнению с открытой экономикой со значительной долей экспорта и импорта в валовый внутренний продукт (ВВП). В этом смысле оценка уровня устойчивости национальной экономики к влиянию внешних факторов может производиться на основании экспортной и импортной квоты, а также эластичности экспорта и импорта к ВВП²⁰. Следует отметить, что именно благодаря закрытости экономик развивающихся стран и низкой доле их участия в мировой торговле наблюдалась их относительная устойчивость к мировой экономической рецессии 2008 г.

Экономическая устойчивость к внешним потрясениям определяется также наличием иностранных валютных резервов, необходимых для покрытия расходов на импорт в случае необходимости переустройства экономических связей и преодоления импортной блокады путем мобилизации собственного производства, а также поиска новых поставщиков в третьих странах. Принято считать, что таких резервов должно минимально хватать на три месяца²¹. Вместе с тем проблема суверенитета Российской Федерации в данном случае осложняется, с одной стороны, утратой значительного числа активов, замороженных на счетах зарубежных банков, а с другой — сложностью в использовании иных валют в качестве иностранных резервов, поскольку национальные валюты государств периферии мир-системы в значительной степени не могут

¹⁷ Абакарова Р. Ш. Основы продовольственной безопасности России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 311.

¹⁸ Ковбаса Н. А. Проблемы оборонно-промышленного комплекса России в условиях рыночной экономики // ТДР. 2010. № 11. С. 45.

¹⁹ Данилин А. Б. Будущее России: суверенитет, качество жизни, модернизация. М. : Современные тетради, 2019. С. 135.

²⁰ Резникова Н. С. Вопросы открытости российской экономики и привлечение иностранных инвестиций // Вестник ИЭ РАН. 2015. № 5. С. 98–108.

²¹ Малкина Н. Ю. Анализ динамики объемов и структуры золотовалютных резервов государств: в поисках экономической стратегии // Экономика России: тенденции и перспективы. 2008. № 5. С. 2–16.

быть использованы для обеспечения потребностей импорта технологий и потребительских товаров²².

Контроль государства над внутренними активами определяется прежде всего наличием ресурсной материально-технической базы и реальной возможностью извлекать прибыль из их использования. В этом смысле показательным критерием оценки эффективности контроля государства над внутренними активами является коэффициент износа основных фондов по отдельным отраслям национального хозяйства, который отражает текущее состояние активов, подлежащих использованию для производства товаров, оказания рыночных и нерыночных услуг, для управленческих нужд либо для предоставления другим организациям за плату во временное владение и пользование или во временное пользование. Так, на 2022 г. степень износа основных фондов в сфере сельского хозяйства составила 43,9 %; в сфере добычи полезных ископаемых — 60,9 %; в сфере обрабатывающих производств — 52,2 %²³. Названные основные фонды существенным образом задействованы в реализации экономической безопасности Российской Федерации, в связи с чем высокая степень их износа создает существенные риски для обеспечения ее суверенитета.

Полагаем, что приведенные показатели имеют основополагающее значение при определении основных направлений развития национальной экономики и реализации стратегии экономической безопасности Российской Федерации с учетом занимаемого ею места в современной мир-системе. С учетом данных критериев на основе методологии мир-системного анализа можно выявить три основные модели реализации суверенитета, которые в той или иной степени присущи всем современным госу-

дарствам. Условно их можно охарактеризовать как гегемонию, автаркию и модель ограниченного суверенитета.

Гегемония предполагает доминирование государств в производственной, торговой и финансовой сферах за счет ресурсов государств периферии с опорой преимущественно на военную силу. Такие государства имеют развитый и зачастую реакционный финансовый капитал и обеспечивают свое господство посредством экономической зависимости ограниченно суверенных государств от их промышленного и оборонного потенциала. Посредством такой зависимости осуществляется перенос из господствующих регионов мира на периферию дисциплинарной модели организации труда и всего общества, который, с одной стороны, частично приближает периферию к ведущим странам, а с другой — изолирует ее в своеобразном гетто²⁴. Гегемоны также отвечают за «экспорт войны» в другие страны мира, а собственную энергию приберегают для разрушения друг друга посредством более направленных действий²⁵.

Другой моделью реализации суверенитета современного государства является автаркия — режим экономического самообеспечения государства за счет полного или значительного цикла производства основных технологий и товаров народного потребления. Она характерна преимущественно для стран периферии, которые по определенным причинам исключены из системы международных коммерческих связей и вынуждены существовать в условиях ограниченного внешнего товарооборота. Такие страны, находясь на периферии мир-системы, фактически исключены из нее, поскольку преимущественно сами создают, распределяют и присваивают прибавочную стоимость. Автаркиям свойственна высокая вовлеченность государ-

²² Russia Says It Has Billions of Indian Rupees That It Can't Use // URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-05-05/russia-says-it-has-billions-of-indian-rupees-that-it-can-t-use> (дата обращения: 16.05.2023).

²³ Основные фонды и другие нефинансовые активы // Портал Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14304> (дата обращения: 16.05.2023).

²⁴ Хардт М., Негри А. Империя : пер. с англ. / под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. М. : Праксис, 2004. С. 237–238.

²⁵ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / пер. с англ. Т. Б. Менской. М. : Территория будущего, 2009. С. 111.

ства в экономическую и культурную политику, а также значительная доля государственного капитала в хозяйственной деятельности, который носит исключительно национально ориентированный характер.

Наконец, последней выступает модель ограниченного суверенитета — традиционная для периферии политическая организация зависимого государства, которая предполагает фрагментарно суверенное правление. Ограниченно суверенные государства самостоятельны в сферах государственного управления, не оказывающих существенного влияния на устоявшуюся структуру экономических связей мир-системы, тогда как в остальном их внутренняя и внешняя политика и прямо или косвенно определяется странами центра. При этом содержание ограниченного суверенитета может различаться в зависимости от того, находится ли государство на периферии мир-системы или же отчуждает центру прибавочную стоимость, приобретенную в том числе посредством экономической эксплуатации собственной периферии.

Изложенные обстоятельства определяют исключительное значение теории мир-системного анализа как основы методологии обеспечения суверенитета Российской Федерации. В этом смысле для целей стратегического планирования мероприятий по реализации экономической безопасности Российской Федерации мир-системный анализ позволяет:

а) определить место Российской Федерации в структуре экономических отношений центра-периферии современной мир-системы на основе существующих моделей реализации суверенитета;

б) выявить показатели оценки суверенитета государства с целью минимизации иностранного влияния на национальную экономику;

в) прогнозировать закономерности дальнейшего развития мир-системы в рамках нового цикла гегемонии.

Указанное способствует выработке эффективных мер практического характера и постановке реалистичных задач по развитию экономики в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абакарова Р. Ш.* Основы продовольственной безопасности России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2014. — № 4. — С. 311–313.
2. *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. — М., 2001. — 303 с.
3. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. — СПб. : Университетская книга, 2001. — 414 с.
4. *Валлерстайн И.* Мир-система модерна : пер. с англ. Н. Проценко. Т. 4 : Триумф центристского либерализма, 1789–1914. — М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. — 496 с.
5. *Данилин А. Б.* Будущее России: суверенитет, качество жизни, модернизация. — М. : Современные тетради, 2019. — 304 с.
6. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. — 750 с.
7. *Ковбаса Н. А.* Проблемы оборонно-промышленного комплекса России в условиях рыночной экономики // ТДР. — 2010. — № 11. — С. 45–48.
8. *Комолов О. О.* Деглобализация в контексте мировой экономической стагнации // ЭВР. — 2018. — № 4 (58). — С. 50–60.
9. *Кошкарева С. Г.* Мир-системный подход к всемирной истории // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. — 2019. — № 2 (34). — С. 7–10.
10. *Лапина Н. Ю.* Стоит ли мир на пороге деглобализации // Независимая газета. — 2020. — URL: https://www.ng.ru/ideas/2020-05-11/7_7857_world.html (дата обращения: 15.05.2023).
11. *Лексин И. В.* Концепции государственного суверенитета: действительное и мнимое многообразие // Суверенитет государства в современном мире. Актуальные вопросы научного и общественно-политического дискурса : сборник статей. — М. : Аргмак-медиа, 2018. — С. 37–73.

12. Малкина Н. Ю. Анализ динамики объемов и структуры золотовалютных резервов государств: в поисках экономической стратегии // Экономика России: тенденции и перспективы — 2008. — № 5. — С. 2–16.
13. Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Эксмо, 2019. — 510 с.
14. Путин В. В. Минерально-сырьевые ресурсы в стратегии развития российской экономики // Записки Горного института. — 1999. — № 1. — С. 3–9.
15. Путин В. В. Россия и Китай — партнерство, устремленное в будущее // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70743> (дата обращения: 15.05.2023).
16. Резникова Н. С. Вопросы открытости российской экономики и привлечение иностранных инвестиций // Вестник ИЭ РАН. — 2015. — № 5. — С. 98–108.
17. Сапир Ж. Деглобализация уже в пути: новый мир и возрождение демократии // Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2019. — URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/deglobalizatsiya-uzhe-v-puti/> (дата обращения: 15.05.2023).
18. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. — 4-е изд., испр. и доп. — М. : Советская энциклопедия, 1989. — 1633 с.
19. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / пер. с англ. Т. Б. Менской. — М. : Территория будущего, 2009. — 358 с.
20. Хардт М., Негри А. Империя : пер. с англ. / под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. — М. : Праксис, 2004. — 434 с.

Материал поступил в редакцию 24 мая 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abakarova R. Sh. Osnovy prodovolstvennoy bezopasnosti Rossii // Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. — 2014. — № 4. — S. 311–313.
2. Bek U. Chto takoe globalizatsiya? Oshibki globalizma — otvety na globalizatsiyu. — M., 2001. — 303 s.
3. Vallersteyn I. Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire. — SPb.: Universitetskaya kniga, 2001. — 414 s.
4. Vallersteyn I. Mir-sistema moderna: per. s angl. N. Protsenko. T. 4: Triumf tsentristskogo liberalizma, 1789–1914. — M.: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2016. — 496 s.
5. Danilin A. B. Budushchee Rossii: suverenitet, kachestvo zhizni, modernizatsiya. — M.: Sovremennye tetradi, 2019. — 304 s.
6. Ellinek G. Obshchee uchenie o gosudarstve. — SPb.: Yuridicheskiy tsentr-Press, 2004. — 750 s.
7. Kovbasa N. A. Problemy oboronno-promyshlennogo kompleksa Rossii v usloviyakh rynochnoy ekonomiki // TDR. — 2010. — № 11. — S. 45–48.
8. Komolov O. O. Deglobalizatsiya v kontekste mirovoy ekonomicheskoy stagnatsii // EVR. — 2018. — № 4 (58). — S. 50–60.
9. Koshkareva S. G. Mir-sistemnyy podkhod k vseмирной istorii // Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauki. — 2019. — № 2 (34). — S. 7–10.
10. Lapina N. Yu. Stoit li mir na poroge deglobalizatsii // Nezavisimaya gazeta. — 2020. — URL: https://www.ng.ru/ideas/2020-05-11/7_7857_world.html (дата обращения: 15.05.2023).
11. Laksin I. V. Kontseptsii gosudarstvennogo suvereniteta: deystvitelnoe i mnimoe mnogoobrazie // Suverenitet gosudarstva v sovremennom mire. Aktualnye voprosy nauchnogo i obshchestvenno-politicheskogo diskursa: sbornik statey. — M.: Argamak-media, 2018. — S. 37–73.
12. Malkina N. Yu. Analiz dinamiki obemov i struktury zolotovalyutnykh rezervov gosudarstv: v poiskakh ekonomicheskoy strategii // Ekonomika Rossii: tendentsii i perspektivy — 2008. — № 5. — S. 2–16.

13. Morozova L. A. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnyk. — 5-e izd., pererab. i dop. — M.: Eksmo, 2019. — 510 s.
14. Putin V. V. Mineralno-syrevye resursy v strategii razvitiya rossiyskoy ekonomiki // Zapiski Gornogo instituta. — 1999. — № 1. — S. 3–9.
15. Putin V. V. Rossiya i Kitay — partnerstvo, ustremlyennoe v budushchee // Ofitsialnyy sayt Prezidenta Rossii. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70743> (data obrashcheniya: 15.05.2023).
16. Reznikova N. S. Voprosy otkrytosti rossiyskoy ekonomiki i privlechenie inostrannykh investitsiy // Vestnik IE RAN. — 2015. — № 5. — S. 98–108.
17. Sapir Zh. Deglobalizatsiya uzhe v puti: novyy mir i vozrozhdenie demokratii // Mezhdunarodnyy diskussionnyy klub «Valday», 2019. — URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/deglobalizatsiya-uzhe-v-puti/> (data obrashcheniya: 15.05.2023).
18. Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar / gl. red. A. M. Prokhorov. — 4-e izd., ispr. i dop. — M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1989. — 1633 s.
19. Tilli Ch. Prinuzhdenie, kapital i evropeyskie gosudarstva. 990–1992 gg. / per. s angl. T. B. Menskoy. — M.: Territoriya budushchego, 2009. — 358 s.
20. Khardt M., Negri A. Imperiya: per. s angl. / pod red. G. V. Kamenskoy, M. S. Fetisova. — M.: Praxis, 2004. — 434 s.

Бюджетно-правовое регулирование казначейского обслуживания исполнения бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований

Аннотация. В 2021 г. вступили в силу новые положения бюджетного законодательства, касающиеся казначейского обслуживания исполнения бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Благодаря возникновению системы казначейских платежей, полноценное обслуживание единого счета бюджета стало осуществляться не Банком России, а именно Казначейством в системе казначейских платежей. Таким образом, функция по осуществлению кассового обслуживания бюджетов бюджетной системы Российской Федерации претерпела содержательную трансформацию и обрела новое название — казначейское обслуживание бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. При этом были изменены подходы к установлению вариантов исполнения бюджетов Казначейством России в части осуществления отдельных функций финансовых органов субъектов Российской Федерации (муниципальных образований) по организации исполнения бюджетов.

В статье рассматриваются способы, которыми были решены бюджетно-правовые задачи, возникшие при введении казначейского обслуживания исполнения бюджетов субъектов Российской Федерации (муниципальных образований).

Ключевые слова: казначейское обслуживание; казначейские платежи; казначейский счет; лицевой счет; система казначейских платежей; Казначейство России; казначейское обслуживание субъектов Российской Федерации; казначейское обслуживание муниципальных образований; бюджетное право; бюджетное законодательство.

Для цитирования: Артюхин Р. Е. Бюджетно-правовое регулирование казначейского обслуживания исполнения бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 12. — С. 52–61. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.052-061.

© Артюхин Р. Е., 2023

* Артюхин Роман Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
budgetlaw@mail.ru

Budget Law Regulation of Treasury Services for the Budgets Performance of Constituent Entities of the Russian Federation and Municipal Entities

Roman E. Artyukhin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya St, Moscow, Russia, 125993
budgetlaw@mail.ru

Abstract. In 2021, new provisions of the budget legislation concerning treasury services for the execution of budgets of the constituent entities of the Russian Federation and municipal entities came into force. Due to the emergence of the treasury payments system, full-fledged servicing of the single budget account was carried out not by the Bank of Russia, but by the Treasury in the treasury payments system. Thus, the function of providing cash services to the budgets of the budgetary system of the Russian Federation has undergone a substantial transformation and has acquired a new name — treasury service of the budgets of the budgetary system of the Russian Federation. At the same time, approaches to the establishment of budget execution options by the Treasury of Russia have been changed in terms of implementation of certain functions of the financial bodies of the constituent entities of the Russian Federation (municipal entities) for the budget performance.

The paper examines the ways how the budgetary and legal tasks that arose during the introduction of treasury services for the execution of budgets of the constituent entities of the Russian Federation (municipal entities) were solved.

Keywords: treasury services; treasury payments; treasury account; personal account; treasury payment system; Treasury of Russia; treasury services of subjects of the Russian Federation; treasury services of municipalities; budget law; budget legislation.

Cite as: Artyukhin RE. Budget Law Regulation of Treasury Services for the Budgets Performance of Constituent Entities of the Russian Federation and Municipal Entities. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(12):52-61. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.052-061.

С 1 января 2021 г. вступили в силу изменения в Бюджетный кодекс Российской Федерации¹, в соответствии с которыми для всех бюджетов бюджетной системы был осуществлен переход на казначейское обслуживание в рамках новой системы казначейских платежей.

Казначейское обслуживание исполнения бюджетов возникло на основе существовавшего с 2006 г. правового института «кассовое обслуживание исполнения бюджетов». Благодаря созданию системы казначейских платежей значительно изменилось содержание ранее существовавшего правового института — он наполнился новыми правовыми нормами. Претерпели трансформацию и сами отношения, связанные с зачислением платежей в бюджеты бюджетной системы и осуществлением плате-

жей из них с использованием единых счетов бюджетов.

Для рассмотрения содержания возникшего с 2021 г. нового института казначейского обслуживания выделим существенные признаки предшествовавшего ему кассового обслуживания исполнения бюджетов, ранее установленные статьей 215.1 БК РФ.

Кассовое обслуживание исполнения бюджета в соответствии со ст. 215.1 БК РФ означало открытие Казначейством России в Банке России единого счета каждого бюджета, через который осуществлялись все кассовые операции по исполнению соответствующего бюджета. Отдельно в указанной статье подчеркивалось, что «все кассовые операции по исполнению бюджетов осуществляются Федеральным казначейством».

¹ Федеральный закон от 27.12.2019 № 479-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части казначейского обслуживания и системы казначейских платежей».

Исходя из указанного определения при кассовом обслуживании исполнения всех бюджетов бюджетной системы Российской Федерации:

а) единый счет бюджета каждого субъекта Российской Федерации и муниципального образования открывался в Банке России²;

б) единый счет каждого бюджета открывался Казначейству России, а не финансовому органу;

в) Казначейство России вело учет операций по поступлениям и выплатам средств с единых счетов каждого бюджета по кодам бюджетной классификации Российской Федерации³.

Для кассового обслуживания была характерна множественность открытых счетов и, как следствие, избыточные транзакции и затраты на осуществление платежей между ними с использованием платежной системы Банка России.

Содержание понятия «казначейское обслуживание исполнения бюджета» раскрывается на основе более общего понятия «казначейское обслуживание», которое стало объединять не только обслуживание исполнения бюджетов, но и средств по учету и распределению поступлений, средств временного распоряжения, средств автономных бюджетных учреждений, средств получателей из бюджета, средств участников казначейского сопровождения. По своему содержанию казначейское обслуживание вышло за рамки только лишь исполнения бюджетов и относится ко всем иным видам средств, находящихся в пользовании публично-правовых образований.

Под казначейским обслуживанием понимается «проведение Федеральным казначейством в системе казначейских платежей операций участников системы казначейских платежей с денежными средствами с их отражением на соответствующих казначейских счетах»⁴. Характеристика собственно казначейского обслуживания исполнения бюджетов содержится в

нормах ст. 242.14 и 242.15, включенных в новую главу 24.3 «Казначейское обслуживание», а также в новой редакции ст. 215.1 БК РФ.

Анализ норм указанных статей позволяет выделить два содержательных отличия казначейского обслуживания от кассового обслуживания исполнения бюджетов.

Во-первых, единый счет бюджета теперь подлежит открытию не в Банке России, а в Казначействе России (ст. 215.1 и 242.14 БК РФ).

Единый счет бюджета с момента принятия в 1998 г. Бюджетного кодекса РФ остается основным элементом принципа единства кассы, предусматривающего зачисление всех поступлений и осуществление всех выплат из бюджета исключительно через его единый счет. Под единым счетом для бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований подразумевался один счет, который подлежал открытию исключительно в Банке России. Таким образом, единый счет бюджета был по своей правовой природе банковским счетом.

С введением казначейского обслуживания исполнения бюджета единый счет бюджета перестал быть банковским и в связи с открытием в Казначействе России обрел новый статус казначейского счета. Это новое бюджетно-правовое понятие — казначейский счет — потребовалось зафиксировать в БК РФ.

Казначейский счет, как определено статьей 6 БК РФ, является открываемым на балансе Казначейства в системе казначейских платежей счетом, предназначенным для осуществления и отражения операций с денежными средствами. Казначейский счет во многом, как отмечалось исследователями, аналогичен банковскому счету⁵. Принципиальное различие между банковским и казначейским счетом заключается в том, что правовой режим банковского счета регулируется нормами гражданского и банков-

² В случае отсутствия учреждений Банка России на соответствующей территории или невозможности выполнения ими этих функций — в кредитной организации (п. 2 ст. 156 БК РФ).

³ См.: приказ Казначейства России от 25.08.2005 № 12н «Об утверждении Общего порядка кассового обслуживания исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации».

⁴ Ст. 6 БК РФ.

⁵ *Артюхин Р. Е.* Бюджетно-правовое регулирование системы казначейских платежей // *Финансовое право.* 2022. № 12. С. 2–6.

ского права, в отношении же казначейского счета действуют нормы бюджетного права.

Законодатель при установлении правового режима функционирования казначейского счета указывает, что на казначейском счете отражаются именно денежные средства. Такой акцент в правовом регулировании означает, что наряду с гражданско-правовым регулированием совершения операций с денежными средствами на банковских счетах появился новый бюджетно-правовой механизм совершения операций с денежными средствами на казначейских счетах. Так, пункт 5 ст. 214 БК РФ устанавливает ограничение по распоряжению казначейским счетом в «пределах остатка денежных средств», а пункт 2 ст. 242.15 определяет, что прямые участники системы казначейских платежей «распоряжаются денежными средствами на едином счете» в соответствии с положениями БК РФ.

В силу новых правовых предписаний, сформировавших систему казначейских платежей, в Банке России счета всех бюджетов бюджетной системы Российской Федерации были закрыты и открыты в Казначействе России. Произошло содержательное изменение правоотношений между Банком России и Казначейством России с одной стороны и Казначейством и финансовыми органами — с другой, преобразовавшее кассовое обслуживание Казначейством в казначейское обслуживание.

Подчеркнем, что изменение правового регулирования открытия единого счета бюджета в качестве казначейского счета, а не банковского счета стало возможным исключительно благодаря нормам гл. 24.2 БК РФ о системе казначейских платежей — принципиально новой модели кассового устройства государства.

Этой главой кодекс сформировал систему казначейских платежей как совершенно новый институт бюджетного права⁶ и определил ее как «совокупность участников и оператора системы казначейских платежей, взаимодействующих по правилам организации и функционирования системы казначейских платежей». Как объект правового регулирования система казначейских платежей является новым уровнем развития кассового устройства бюджетной системы государства, которому предшествовали этапы кассового обслуживания исполнения бюджетов в современной России, а в советский период истории России — кассовое исполнение государственного бюджета СССР Госбанком СССР⁷.

Второе важное отличие казначейского обслуживания исполнения бюджета от кассового обслуживания заключается в открытии единого счета бюджета именно финансовому органу соответствующего публично-правового образования, а не Казначейству России. Это изменение устранило видимое противоречие, которое в 2006 г. было предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ⁸.

При прежней модели, когда единые счета бюджетов открывались в Банке России, в правоотношениях с финансовыми органами участвовали как Казначейство России, так и Банк России, который вел единые счета бюджетов и наряду с Казначейством также выполнял функции «кассира» бюджета. В связи с этим термин «кассовое обслуживание исполнения бюджета» точно отражал правовую сущность механизма обслуживания со стороны Казначейства единых счетов бюджетов, открываемых в Банке России. В настоящее время в рамках механизма казначейского обслуживания исполнения бюджета

⁶ См.: *Артюхин Р. Е.* Бюджетно-правовое регулирование системы казначейских платежей ; *Ситник А. А.* Система казначейских платежей в национальной платежной системе // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2021. № 9. С. 145–157 ; *Комягин Д. Л.* Принцип единства кассы: опыт сравнительно-правового исследования // *Ежегодник Центра публично-правовых исследований*. 2006. Т. 1.

⁷ *Артюхин Р. Е.* Кассовое устройство и бюджетно-правовой принцип единства кассы // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2022. № 8. С. 95–101.

⁸ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2006 № 10-п «По делу о проверке конституционности положений частей четвертой, пятой и шестой статьи 215.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации» // *Российская газета*. 21.12.2006. № 287.

финансовые органы публично-правовых образований взаимодействуют только с Казначейством.

Казначейское обслуживание исполнения бюджетов представляет собой, таким образом, проведение Казначейством России в системе казначейских платежей операций администраторов бюджетных средств, финансовых органов и органов управления государственным внебюджетным фондом с денежными средствами с их отражением на единых счетах бюджетов, открытых в Казначействе России.

Открытие единого счета бюджета финансовому органу соответствующего публично-правового образования является в новой модели юридически полностью обоснованным, поскольку денежные средства на едином счете бюджета принадлежат публично-правовому образованию, от имени которого выступает соответствующий финансовый орган.

В рамках прежней модели открытие единого счета бюджета субъекта или муниципального образования как банковского счета на имя Казначейства означало, на наш взгляд, выполнение последним своего рода агентской функции от имени публично-правового образования. Казначейство выполняло полномочия по владению счетом в ограниченном режиме, только с точки зрения функции обеспечения прозрачности учета всех кассовых поступлений и выплат с единого счета бюджета и формирования оперативной отчетности об исполнении всех бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Публично-правовые образования, как и ранее, когда единый счет бюджета открывался на имя Казначейства, полностью распоряжаются своими денежными средствами на едином счете бюджета, но установление статьей 242.15 БК РФ требования об открытии единого счета бюджета именно финансовому органу субъекта Российской Федерации (муниципального образования) восстанавливает более очевидную правовую модель, когда счетом распоряжается тот, кто является его владельцем.

Казначейское обслуживание исполнения бюджетов предполагает как общие для всех

видов казначейского обслуживания права и обязанности сторон, связанные с проведением операций по казначейскому счету как счету учета денежных средств, так и специальные, связанные с особенностями правового статуса сторон правоотношений.

Основное общее ограничение, налагаемое на финансовые органы при распоряжении средствами на казначейских счетах, характерное также для банковских счетов, заключается в осуществлении платежей со счета в пределах остатка денежных средств на соответствующем казначейском счете⁹.

Механизм открытия финансовому органу единого счета бюджета в Казначействе аналогичен соответствующему механизму в отношении банковских счетов. При открытии счета осуществляется проверка бюджетной правоспособности финансового органа, для этого требуется предъявление в Казначейство заявления на открытие казначейского счета, а также карточки образцов подписей должностных лиц клиента, имеющих право подписи распоряжений и иных документов при совершении операций по казначейскому счету, которая подписывается руководителем и главным бухгалтером финансового органа¹⁰. В заявлении на открытие счета должна содержаться ссылка на код по сводному реестру участников бюджетного процесса, а также юридических лиц, не являющихся участниками бюджетного процесса. Такая ссылка на сводный реестр дает возможность не проводить повторно проверки соответствующего публично-правового образования и его финансового органа на бюджетную правоспособность, поскольку все соответствующие процедуры были пройдены при включении финансового органа в указанный сводный реестр. Сам юридический факт включения в сводный реестр порождает право финансового органа и обязанность Казначейства на открытие единого счета соответствующего бюджета.

Если вопросы открытия и ведения казначейских счетов соответствующим финансовым органам в целом сходны с аналогичными вопросами

⁹ П. 5 ст. 242.14 БК РФ.

¹⁰ П. 15 приказа Казначейства России от 01.04.2020 № 15н «О Порядке открытия казначейских счетов».

при открытии и ведении банковских счетов, то особенности организации исполнения бюджета и бюджетно-правового статуса финансовых органов привели к появлению специальных инструментов бюджетно-правового регулирования распоряжения средствами на казначейском счете и представления дополнительной отчетности по операциям на казначейских счетах.

При казначейском обслуживании исполнения бюджетов публично-правовых образований через их единые счета подлежат решению две правовые задачи, не характерные для обычных банковских счетов:

1) установление порядка пользования средствами на счете при множественности лиц на стороне публично-правового образования;

2) необходимость обеспечить расходование средств в соответствии с законом (решением) о бюджете.

Согласно требованиям гражданского законодательства именно владелец банковского счета распоряжается средствами на нем, если иное не установлено договором¹¹. Первой неординарной задачей является необходимость обеспечения распоряжения средствами единого счета бюджета участниками бюджетного процесса, которые не являются владельцами счета.

Подчеркнем, что счет бюджета субъектов Российской Федерации и муниципальных образований действительно единый в значении «единственный», а государственных органов и казенных учреждений, выступающих от имени публично-правового образования, значительное количество. Так, например, количество получателей средств бюджета города Москвы составляет 302, а в Республике Башкортостан — 194.

Несмотря на то что единый счет бюджета открывается в Казначействе соответствующему финансовому органу и он, таким образом, выступает владельцем единого счета бюджета, финансовый орган в соответствии с Бюджетным кодексом не исполняет бюджет. Непосредственное исполнение бюджета в части расходов осуществляют получатели бюджетных средств, которые принимают бюджетные и денежные обязательства, и именно они осуществляют соб-

ственно кассовый расход из бюджета (кассовое перечисление), проведение которого и означает, что бюджет исполнен.

Таким образом, потребовалось создание организационно-правового механизма, при котором распоряжение денежными средствами на едином счете бюджета осуществляется исключительно в соответствии с документами на осуществление платежа, который формируется получателями бюджетных средств. При этом ни финансовый орган, ни обслуживающее его Казначейство не вправе вносить какие-либо изменения в юридически значимые распоряжения о перечислении средств из бюджета, сформированные получателями бюджетных средств.

Учитывая множественность лиц, выступающих от имени практически каждого публично-правового образования, Бюджетный кодекс РФ определил особый механизм распоряжения денежными средствами на едином счете соответствующего бюджета.

В пункте 2 ст. 242.15 БК РФ перечислены все участники бюджетного процесса соответствующего уровня, которые вправе распоряжаться денежными средствами на едином счете соответствующего бюджета. Ключевой частью указанной нормы после перечисления всех субъектов правоотношений по распоряжению денежными средствами является указание на то, что все они должны являться «прямыми участниками системы казначейских платежей». Таким образом, при казначейском обслуживании право распоряжения средствами единого счета может принадлежать финансовому органу, если он является прямым участником системы казначейских платежей, или не принадлежать, если прямым участником системы казначейских платежей является не он, а другие участники бюджетного процесса, например получатели средств бюджета субъекта Российской Федерации (муниципального образования).

Каким же образом участнику бюджетного процесса, не являющемуся финансовым органом, обрести статус прямого участника системы казначейских платежей для распоряжения средствами единого счета? Для ответа на этот

¹¹ Ст. 845 ГК РФ.

вопрос следует обратиться к новой главе Бюджетного кодекса — 24.2 «Система казначейских платежей», введенной одновременно с гл. 24.3 «Казначейское обслуживание».

Статья 242.8 БК РФ предусматривает прямое и косвенное участие в системе казначейских платежей, при этом в п. 2 содержится различие в правовом регулировании статуса прямого участника в зависимости от вида бюджета.

Для бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований пункт 2 ст. 242.8 устанавливает, что финансовые органы являются прямыми участниками системы казначейских платежей. При этом получатели средств субъекта Российской Федерации и муниципальных образований определены как косвенные участники системы казначейских платежей. Это означает, что указанные получатели в «базовом» варианте не могут распоряжаться денежными средствами на едином счете их бюджета, и такое право остается исключительной прерогативой соответствующего финансового органа.

Несмотря на то что косвенные участники не распоряжаются денежными средствами на едином счете бюджета, для них БК РФ предусмотрел механизм доступа к средствам единого счета бюджета через прямых участников. Согласно п. 2 ст. 242.9 косвенный участник может совершить платеж по единому счету бюджета путем представления соответствующего распоряжения прямому участнику системы казначейских платежей. Прямой участник, в свою очередь, должен удостоверить в праве косвенного участника представлять распоряжение на совершение платежа (п. 2 ст. 242.10 БК РФ).

Таким образом, Бюджетный кодекс, наряду с правом прямого распоряжения средствами единого счета бюджета, предусмотрел своего рода «косвенное участие в осуществлении операций по лицевым счетам»¹² и тем самым право «косвенного» распоряжения денежными средствами единого счета бюджета. Подобная правовая конструкция позволяет учитывать такую особенность исполнения бюджетов, как множественность лиц на стороне публично-правовых образований.

¹² П. 1 ст. 242.8 БК РФ.

Одновременно пункт 4 ст. 242.8 БК РФ предусмотрел возможность наделения получателей средств субъекта Российской Федерации (муниципального образования) статусом прямого участника системы казначейских платежей и, соответственно, правом распоряжаться денежными средствами на едином счете бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации (муниципального образования). Таким основанием Бюджетный кодекс в указанной статье определяет единственный случай — передачу Федеральному казначейству отдельных функций соответствующего финансового органа в соответствии со ст. 220.2 БК РФ.

Статья 220.2 БК РФ, в свою очередь, определяя перечень функций финансовых органов, которые могут исполняться Казначейством, в п. 5 прямо указывает, что в этом случае возникают и подлежат установлению «особенности казначейского обслуживания».

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что для субъектов Российской Федерации и муниципальных образований Бюджетный кодекс предусмотрел два варианта казначейского обслуживания в зависимости от определения субъектов правоотношений, которые вправе распоряжаться средствами на едином счете бюджета:

1) базовый вариант — финансовый орган является владельцем единого счета бюджета и прямым участником системы казначейских платежей, он распоряжается денежными средствами на едином счете, получатели средств соответствующего бюджета являются не прямыми, а косвенными участниками системы казначейских платежей и денежными средствами на едином счете распоряжаются «косвенно», через финансовый орган;

2) вариант с передачей органу Федерального казначейства отдельных функций финансового органа по организации исполнения бюджета — финансовый орган хотя и остается владельцем единого счета бюджета, но прямыми участниками системы казначейских платежей, имеющими право на распоряжение денежными средствами единого счета бюджета, ста-

новятся получатели средств соответствующего бюджета.

Основанием для второго варианта казначейского обслуживания, согласно БК РФ, является обращение высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации (местной администрации). На наш взгляд, передача отдельных полномочий финансовых органов Казначейству и наделение тем самым получателей средств бюджета субъекта Российской Федерации (муниципального образования) правом непосредственного распоряжения средствами единого счета бюджета является свидетельством гибкого подхода к организации казначейского обслуживания в условиях федеративной бюджетной системы России исходя из удобства и возможностей публично-правовых образований по организации казначейского исполнения собственных бюджетов.

Второй задачей, помимо доступа к единому счету бюджета всех администраторов бюджетных средств, подлежащей решению при казначейском обслуживании исполнения бюджета, является необходимость соблюдения установленных бюджетным законодательством требований к использованию бюджетных средств. Указанные требования можно разделить на две части — требования, которые должны выполняться при всех вариантах казначейского обслуживания, и требования, связанные с передачей Казначейству отдельных полномочий финансовых органов.

При ведении казначейского счета финансового органа без открытия лицевых счетов участникам бюджетного процесса финансовому органу также открывается отдельный лицевой счет, на котором отражается информация по исполнению бюджета¹³. Необходимость открытия наряду с казначейским счетом еще и лицевого счета обусловлена тем, что при казначейском обслуживании подлежит формированию не только платежная, но и бюджетная информация — по доходам, расходам и источникам финанси-

рования дефицита бюджета в соответствии с кодами бюджетной классификации Российской Федерации. Таким образом, казначейский счет, как счет учета денежных средств, отражает только информацию об остатках и оборотах с указанием необходимых платежных данных, а лицевой счет — бюджетную информацию¹⁴.

Для осуществления казначейских платежей из бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов при базовом варианте казначейского обслуживания (без передачи органу Федерального казначейства отдельных функций финансового органа по организации исполнения бюджета) в территориальный орган представляются распоряжения финансового органа о совершении казначейских платежей. В этом случае проверяется наличие свободных остатков средств на едином счете бюджета для исполнения этого распоряжения и соответствие указанных в распоряжении о совершении платежей кодов бюджетной классификации расходов, действующих в текущем году на момент соответствующего распоряжения.

Вторая модель казначейского обслуживания, с передачей Казначейству отдельных полномочий финансовых органов, требует организации исполнения переданных полномочий. Перечень передаваемых полномочий установлен статьей 220.2 БК РФ, именно их исполнение органом Казначейства потребовало «установления особенностей казначейского обслуживания»¹⁵.

Очевидно, что не все перечисленные в ст. 220.2 отдельные функции финансовых органов относятся к организации исполнения бюджета, здесь упомянуты также функции, связанные со средствами, поступающими во временное распоряжение администраторов средств бюджета субъекта Российской Федерации (местного бюджета), с проведением и санкционированием операций автономных (бюджетных) учреждений, получателей средств из бюджета и участников казначейского сопровождения.

Отметим при этом, что только функции, связанные с исполнением бюджета, следует рас-

¹³ Приказ Казначейства России от 14.05.2020 № 21н «О Порядке казначейского обслуживания».

¹⁴ Приказ Казначейства России от 01.04.2020 № 15н «О Порядке открытия казначейских счетов».

¹⁵ П. 5 ст. 220.2 БК РФ.

сма тривать как влияющие на особенности казначейского обслуживания его исполнения. К таким функциям из перечисленных статьей 220.2 следует отнести функции финансового органа:

- по открытию и ведению лицевых счетов;
- доведению бюджетных данных;
- учету бюджетных денежных обязательств получателей средств бюджета;
- санкционированию операций.

Соответственно, реализация второго варианта казначейского обслуживания предусматривает осуществление Казначейством России этих полномочий финансовых органов. Помимо проверок на общий остаток средств и на соответствие кодам классификации осуществляется проверка соответствия кодов видов расходов текстовому назначению платежа, не превышения суммы распоряжений над суммой остатков бюджетных средств по соответствующему коду классификации на лицевом счете получателя средств, соответствия порядку санкционирования оплаты денежных обязательств, установленных финансовыми органами. Кроме того, если формирование документа осуществляется в единой информационной системе по закупкам, то единая информационная система автоматически проверяет не превышение суммы распоряжений о совершении казначейского платежа над суммой, указанной в документе о приемке (или этапе в случае авансового платежа), информация о которых размещена в реестре контрактов.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что контрольные процедуры, проводимые Казначейством при двух вариантах казначейского обслуживания исполнения бюджетов, частично соответствуют процедурам,

которые осуществляются в банках (в отношении остатка средств на счетах), а частично имеют особый, исключительно бюджетно-правовой характер (углубленные проверки по кодам классификации, по наличию лимитов, по остаткам на счетах).

Таким образом, две основные задачи, возникшие при реализации казначейского обслуживания исполнения бюджетов, решены бюджетно-правовыми методами:

1. Множественность лиц на стороне публично-правового образования потребовала создать особый механизм распоряжения денежными средствами на едином счете соответствующего бюджета. Способом решения стало введение прямого и косвенного распоряжения денежными средствами единого счета бюджета.

2. Необходимость обеспечения расходования средств в соответствии с бюджетным законодательством потребовала разработки двух вариантов казначейского обслуживания субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, каждый из которых предусматривает соответствующий комплекс проверочных процедур. Федеративное устройство государства и самостоятельность осуществления своих полномочий дали публично-правовым образованиям возможность на основе норм БК РФ выбрать наиболее приемлемое для них решение по осуществлению казначейского обслуживания.

Созданная модель казначейского обслуживания исполнения бюджетов позволяет при соблюдении принципа единства бюджетной системы учитывать особенности субъектов Российской Федерации и многочисленных муниципальных образований.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Артюхин Р. Е.* Бюджетно-правовое регулирование системы казначейских платежей // Финансовое право. — 2022. — № 12. — С. 2–6.
2. *Артюхин Р. Е.* Кассовое устройство и бюджетно-правовой принцип единства кассы // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2022. — № 8. — С. 95–101.
3. *Комягин Д. Л.* Принцип единства кассы: опыт сравнительно-правового исследования // Ежегодник Центра публично-правовых исследований. — 2006. — Т. 1.
4. *Ситник А. А.* Система казначейских платежей в национальной платежной системе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 9. — С. 145–157.

Материал поступил в редакцию 25 мая 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Artyukhin R. E. Byudzhethno-pravovoe regulirovanie sistemy kaznacheyskikh platezhey // Finansovoe pravo. — 2022. — № 12. — S. 2–6.
2. Artyukhin R. E. Kassovoe ustroystvo i byudzhethno-pravovoy printsip edinstva kassy // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2022. — № 8. — S. 95–101.
3. Komyagin D. L. Printsip edinstva kassy: opyt sravnitelno-pravovogo issledovaniya // Ezhegodnik Tsentra publichno-pravovykh issledovaniy. — 2006. — T. 1.
4. Sitnik A. A. Sistema kaznacheyskikh platezhey v natsionalnoy platezhnoy sisteme // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2021. — № 9. — S. 145–157.

Валютное регулирование как инструмент обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации в условиях глобальных вызовов

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов трансформации валютного регулирования Российской Федерации в условиях противодействия международным финансовым санкциям, введенным в отношении нашей страны со стороны США и иных недружественных государств и международных организаций. По итогам исследования определены основные задачи валютного регулирования на современном этапе исторического развития, доказано, что положения федеральных законов от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах», от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» и от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств», на основе которых установлены валютные ограничения, в соответствующей части можно отнести к валютному законодательству. Отмечено, что на сегодняшний день ведущую роль в правовом регулировании валютных отношений стали играть подзаконные нормативные правовые акты (в первую очередь Президента РФ). Сделан вывод о необходимости поиска баланса публичных и частных интересов в процессе регулирования валютных отношений. Обоснована необходимость принятия нового основного закона, закрепляющего основы валютного регулирования и валютного контроля.

Ключевые слова: валютное регулирование; валютный контроль; международные санкции; противодействие санкциям; валютная политика; валюта; рубль; валютный режим; валютные ограничения; органы валютного регулирования; экономические меры.

Для цитирования: Омельченко А. Г. Валютное регулирование как инструмент обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации в условиях глобальных вызовов // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 12. — С. 62–71. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.062-071.

© Омельченко А. Г., 2023

* Омельченко Андрей Геннадьевич, соискатель кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
Lab.kfp@msal.ru

Currency Regulation as a Tool to Secure the State Sovereignty of the Russian Federation in the context of Global Challenges

Andrey G. Omelchenko, Postgraduate Student, Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya St, Moscow, Russia, 125993
Lab.kfp@msal.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of the transformation of the currency regulation of the Russian Federation in the context of countering international financial sanctions imposed on Russia by the United States and other unfriendly states and international organizations. Based on the results of the study, the paper identifies the main tasks of currency regulation at the present stage of historical development. It is proved that the provisions of federal laws No. 281-FZ dated 130 December 2006 «On Special Economic Measures and Coercive Measures», No. 390-FZ dated 28 December 2010 «On Security» and No. 127-FZ dated 6 April 2018 «On Measures of influence (Counteraction) the unfriendly actions of the United States of America and other foreign states», on the basis of which currency restrictions are established, can be attributed to currency legislation within their relevant parts. It is noted that to date, subordinate regulatory legal acts (primarily of the President of the Russian Federation) have begun to play a leading role in the legal regulation of currency relations. It is concluded that it is necessary to find a balance between public and private interests in the process of regulating currency relations. The author substantiates the necessity of adopting a new basic law consolidating the foundations of currency regulation and currency control.

Keywords: currency regulation; currency control; international sanctions; countering sanctions; monetary policy; currency; ruble; currency regime; currency restrictions; currency regulatory authorities; economic measures.

Cite as: Omelchenko AG. Currency Regulation as a Tool to Secure the State Sovereignty of the Russian Federation in the context of Global Challenges. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(12):62-71. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.062-071.

Введение

Суверенитет государства — основа его существования. Выдающийся российский конституционалист О. Е. Кутафин определял суверенитет как «свойство государства самостоятельно и независимо от власти других государств осуществлять свои функции на своей территории и за ее пределами, в международном общении»¹. При этом защита государственного суверенитета может происходить разными способами, чаще всего в их числе выделяют военные, дипломатические, законодательные и иные². Между тем в последнее время, в связи с известными собы-

тиями, интерес правовой науки всё больше приобретают вопросы финансово-правовых форм (способов, инструментов) защиты государственного суверенитета, проблемы определения природы и сущности финансового суверенитета как составной части суверенитета государства.

Так, председатель Банка России Э. Набиуллина определила финансовый суверенитет как устойчивость финансовой системы к «внешним шокам», а в качестве одного из элементов такого суверенитета она видит проведение независимой денежно-кредитной политики³. Заметим, что в указанном определении раскрывается лишь одна из составных частей расма-

¹ Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2023. С. 165.

² Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Указ. соч. С. 171.

³ Глава ЦБ перечислила критерии финансового суверенитета России // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5941603> (дата обращения: 01.05.2023).

триваемой категории — внешняя, притом что финансовый суверенитет, помимо всего прочего, заключается еще и в праве и возможности государства проводить независимую внутреннюю финансовую политику. Тем не менее следует согласиться с тем, что вопросы проведения независимой денежно-кредитной политики в настоящее время приобрели первостепенный характер — именно сфера денежного обращения Российской Федерации стала основным объектом санкционного давления со стороны США и иных недружественных государств. В целях противодействия санкционной политике стран коллективного Запада Российской Федерацией был предпринят ряд мер, наибольший резонанс из которых, как представляется, имели меры, направленные на ужесточение валютного регулирования.

Валютное регулирование: понятие и содержание

По мнению Н. М. Артемова, валютное регулирование можно определить с позиции:

— широкого подхода — как механизм, с помощью которого государство может влиять на объективные экономические процессы;

— узкого подхода — как способ реализации валютной политики государства, режим государственного регулирования порядка внешних расчетов, операций с валютой на внутреннем рынке, с золотом и других сходных процессов⁴.

И. В. Хаменушко, в свою очередь, определяя валютное регулирование с точки зрения широкого подхода, ставит знак равенства между рассматриваемой категорией и валютной политикой⁵. В качестве же основной цели валютного регулирования автор справедливо указывает защиту национальной валюты Российской Федерации⁶.

Полагаем, что валютное регулирование можно определить как комплекс мер правового, экономического и иного характера, направленных на защиту российской валюты (рубля) и обеспечение устойчивости денежного обращения Российской Федерации в целом. Собственно правовая составляющая валютного регулирования заключается в закреплении правил совершения валютных операций между резидентами и/или нерезидентами; определении особенностей учета и отчетности в отношении валютных операций; установлении ограничений по проведению валютных операций (валютных ограничений); проведении контроля со стороны органов и агентов валютного контроля, направленного на определение полноты выполнения возложенных на резидентов и нерезидентов обязательств в отношении государства, а также применении к лицам, допустившим нарушения в рассматриваемой области, мер принуждения.

Нужно отметить, что долгие годы валютное регулирование во многом расценивалось как пережиток переходной экономики. Например, в 2018 г. Центр стратегических разработок, возглавляемый на тот момент бывшим министром финансов РФ А. Кудриным, выступил с предложением полностью отказаться от валютного регулирования и валютного контроля⁷. Действительно, на протяжении практически 30 лет законодатель последовательно отказывался от валютных ограничений и иным образом упрощал порядок проведения валютных операций. Например, с начала 2000-х гг. из числа валютных ценностей были исключены драгоценные металлы, отменена обязательная продажа валютной выручки, произошел отказ от паспорта сделки в пользу постановки контракта на учет в уполномоченном банке и т.д. Данный процесс принято именовать либерализацией. Вместе с тем И. В. Хаменушко абсолютно обос-

⁴ Артемов Н. М. Валютное регулирование в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 13–14.

⁵ Хаменушко И. В. Валютное регулирование в Российской Федерации: правила, контроль, ответственность : учебно-практическое пособие. М. : Норма, 2013. С. 43.

⁶ Хаменушко И. В. Указ. соч. С. 38.

⁷ ЦСР предложил отменить валютный контроль // URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2018/03/14/753443-tssr-valyutnii> (дата обращения: 01.05.2023).

нованно указывает на то, что «в неблагоприятные периоды экономического спада наблюдается обратная тенденция»⁸. Сказанное в полной мере характерно для текущего этапа развития валютного законодательства.

Начиная с февраля 2022 г. США и иные недружественные страны ввели в отношении России более 15 тыс. различных санкций⁹. В том числе был установлен запрет на поставку в Россию наличной валюты (долларов и евро), заморожена значительная часть золотовалютных резервов нашей страны, несколько системно значимых банков России были отключены от международной системы передачи финансовых сообщений SWIFT, ряд российских организаций включили в так называемый Список особо обозначенных лиц (Specially Designated Nationals And Blocked Persons List), наложен запрет на осуществление платежей в долларах США по выплатам со счетов, связанных с российским правительством, и т.д.¹⁰

В ответ на попытку дестабилизации национальной финансовой системы Россия ужесточила валютный режим, введя новые ограничения, связанные в первую очередь с движением капитала.

Валютный режим

В соответствии с определением, приводимым в Словаре современного русского литературного языка, режим означает точно установленный распорядок жизни, занятий, деятельности¹¹. В свою очередь, под правовым режимом Г. С. Беляева предлагает понимать «специфическое средство правового регулирования, объединяющее в себе правовой инструментарий в комплексе и направленное на достижение соответствующих правовых целей и планируемый оптимальный социально значимый результат»¹². В науке предлагаются и другие сходные определения правового режима¹³.

К особенностям правовых режимов можно отнести то, что они:

- 1) имеют определенную цель — она заключается в регулировании той или иной группы общественных отношений для достижения определенных результатов. В связи с этим в зависимости от обстоятельств для регулирования группы отношений может требоваться несколько правовых режимов;
- 2) устанавливаются нормативными правовыми актами (в первую очередь законодатель-

⁸ Хаменушко И. В. Указ. соч. С. 58.

⁹ Russia Sanctions Dashboard // URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (дата обращения: 01.05.2023).

¹⁰ См. подробнее: Артёмов Н. М., Ситник А. А. Противодействие антироссийским санкциям в платежной и валютной сферах // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 6 (139). С. 48–62; Шангараев Р. Н., Гришкина А. В. Вызовы и угрозы национальной платежной системы России в контексте деглобализации // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 11 (87). С. 3867–3874; Долгиева М. М., Долгиев М. М. Правовой режим международных санкций и цифровой рубль // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 3 (258). С. 59–65.

¹¹ Словарь современного русского литературного языка. Т. 12 / под ред. В. П. Фелицына и И. Н. Шмелевой. М. — Л. : Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 1133.

¹² Беляева Г. С. Правовой режим // URL: <https://bigenc.ru/c/pravovoi-rezhim-1cb9b6> (дата обращения: 01.05.2023).

¹³ А. В. Малько и А. Ю. Саломатин указывают на то, что «правовой режим — это особый порядок правового регулирования, выражающийся в определенном сочетании юридических средств и создающий желаемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права» (Теория государства и права : учеб. пособие / А. В. Малько, А. Ю. Саломатин, А. Г. Лисицина-Светланова. 3-е изд. М. : РИОР, Инфра-М, 2018. С. 176). Сходным образом Н. Е. Таева определяет режим правового регулирования как «порядок правового регулирования, выраженный в особом сочетании и взаимодействии юридических средств, с помощью которых создается желаемое социальное состояние путем осуществления целенаправленного нормативно-организацион-

ством) — правовые нормы определяют конкретные жизненные обстоятельства, с наличием которых связано введение или отмена того или иного правового режима; субъекты и объекты, на которых правовые режимы распространяются; пространственные и временные границы правовых режимов, правовые средства обеспечения функционирования правовых режимов;

3) тесно связан с правовой процедурой — правовой режим «всегда требует создания и закрепления в нормах права специальных процедур, способствующих реализации субъектами своих прав и исполнения ими своих обязанностей»¹⁴;

4) являются особым порядком правового регулирования — представляют собой сочетание определенным образом связанных и взаимообусловленных юридических средств, направленных на достижение единой цели¹⁵.

Правовые режимы могут быть классифицированы по различным основаниям. Так, в зависимости от защищаемого интереса правовые режимы могут быть разделены:

- 1) на частноправовые режимы;
- 2) публично-правовые режимы.

Как отмечает Н. Е. Таева, публичные режимы правового регулирования могут устанавливаться и в частных отраслях. В качестве примера автор приводит лицензирование отдельных видов предпринимательской деятельности¹⁶.

Далее, в зависимости от отраслевой принадлежности норм, которые устанавливают режим,

можно выделить финансово-правовые, административно-правовые, конституционно-правовые, гражданско-правовые и иные режимы. Следует отметить, что в науке финансового права были предложены разные определения финансово-правового режима¹⁷.

В зависимости от направленности и условий установления правовые режимы могут быть подразделены:

1) на общий правовой режим — предлагает стандартный подход к регулированию общественных отношений. Такой режим закрепляет ординарную модель правового регулирования общественных отношений в обычных условиях их функционирования;

2) специальный правовой режим — представляет собой особый набор юридических средств, меняющих подход к правовому регулированию, принятый в рамках общего правового режима. Специальные правовые режимы имеют отличную или более специфическую цель правового регулирования, они распространяются на отдельных субъектов, действуют при особых условиях, в пределах определенной территории и т.д. Таким образом, специальный правовой режим устанавливает «особенности, изъятия, исключения из общего режима»¹⁸.

Специальные правовые режимы по времени действия могут быть классифицированы:

1) на постоянно действующие — не имеют временных рамок;

ного воздействия на общественные отношения» (Таева Н. Е. Режим правового регулирования // URL: <https://bigenc.ru/c/rezhim-pravovogo-regulirovaniia-e7b55c> (дата обращения: 01.05.2023)).

¹⁴ Таева Н. Е. Указ. соч.

¹⁵ А. В. Малько и А. Ю. Саломатин также отмечают, что правовые режимы создают конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов отдельных субъектов права (Теория государства и права : учеб. пособие. С. 176).

¹⁶ Таева Н. Е. Указ. соч.

¹⁷ Например, К. В. Андриевский определяет финансово-правовой режим как особую «разновидность социального режима, установленного в правовой форме, функционирование которого предполагает целевое воздействие на объект режимного регулирования посредством задействования совокупности норм материального и процессуального права и неукоснительного исполнения предусмотренных в этих нормах предписаний, что последовательно гарантирует определенное поведение субъектов в целях достижения желаемого социального состояния на основе учета интересов субъектов режимного регулирования и соблюдения баланса этих интересов» (Андриевский К. В. Финансово-правовые режимы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 10).

¹⁸ Таева Н. Е. Указ. соч.

2) вѐременные — устанавливаются на определенный срок или на период, в течение которого будут существовать те или иные обстоятельства.

Специальные правовые режимы в зависимости от направленности применяемых правовых средств подразделяются¹⁹:

1) на льготные правовые режимы — связаны с предоставлением преимуществ определенным субъектам правоотношений;

2) ограничивающие (запретительные) правовые режимы — вводят дополнительные обязанности и запреты, не характерные для общего правового режима.

Кроме того, в науке предлагается выделять экстраординарный правовой режим. Он вводится в условиях чрезвычайных или иных непредвиденных обстоятельств и действует в течение времени, пока такие обстоятельства не будут устранены и (или) до истечения срока, на который указанный правовой режим был введен. Следует отметить, что А. А. Мохов выделяет экстраординарные правовые режимы (ЭПР) в качестве самостоятельного правового режима наравне с общим и специальным²⁰. Вместе с тем нам представляется возможным согласиться с позицией ученых, которые рассматривают экстраординарный правовой режим как вид специальных правовых режимов²¹, поскольку он обладает всеми признаками последнего. В то же время выделение экстраординарного режима среди прочих специальных правовых режимов обуславливается целым рядом факторов, глав-

ным из которых служат «существенные ограничения и запреты»²². С. М. Зырянов в числе особенностей содержания ЭПР выделяет «чрезмерность предусматриваемых ими мер в обычных условиях»²³. Обуславливается это повышенной степенью опасности, которую непредвиденные обстоятельства (техногенные и природные катастрофы, пандемия, эпизоотии, война, международные санкции и т.д.) несут для нормального функционирования общественных отношений. При этом обычный правовой режим не может обеспечить должную эффективность правового регулирования таких общественных отношений, в связи с чем государству приходится прибегать к «чрезмерным» в обычных условиях мерам. Это же обуславливает тот факт, что ЭПР носят временный характер — «чрезмерные» меры не могут и не должны применяться по миновании надобности.

Ведущие представители финансово-правовой науки в качестве разновидности финансово-правового режима выделяют валютный (валютно-правовой) режим. По определению Н. М. Артемова, валютный режим предполагает комплекс «организационно-правовых мер, обеспечивающих должную стабильность валютной сферы и защиту ее от валютных кризисов»²⁴. Предлагаются и элементы валютно-правовых режимов²⁵.

Традиционно выделяют такие валютно-правовые режимы, как:

- 1) режим валютной монополии;
- 2) режим валютных ограничений;

¹⁹ *Беляева Г. С.* Указ. соч.

²⁰ *Мохов А. А.* Концепция правового регулирования медицинской деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 4. С. 93–104.

²¹ *Зырянов С. М.* Экстраординарные (специальные) административно-правовые режимы: понятие и обоснование необходимости введения // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 72–81.

²² *Мохов А. А.* Указ. соч. С. 102.

²³ *Зырянов С. М.* Указ. соч. С. 72.

²⁴ *Артемов Н. М.* Указ. соч. С. 4.

²⁵ Например, А. С. Куликов, характеризуя валютно-правовой режим в узком смысле, т.е. как режим осуществления валютной операции, отмечает, что этому режиму присущи такие элементы, как: система валютных ограничений (запретов); система разрешительных (дозволительных) мер; валютные операции, осуществляемые с учетом системы валютных ограничений; валютные операции, ограничения по осуществлению которых отсутствуют; порядок реализации мер валютного регулирования, включая порядок осуществления всех и каждой валютной операции; меры валютного контроля (*Куликов А. С.* Финансово-

3) режим, в рамках которого валютные ограничения не устанавливаются²⁶.

Полностью соглашаясь с подобной классификацией, уточним, однако, что она характеризует подходы, которые то или иное государство может избрать для себя в рамках общего режима правового регулирования валютных отношений. Между тем следует утверждать, что *действующий в настоящее время валютно-правовой режим, связанный с установлением дополнительных валютных ограничений, введенных в качестве мер противодействия санкциям США и примкнувших к ним недружественных государств и международных организаций, является экстраординарным правовым режимом*. Специфика данного режима проявляется:

— в цели — защита национальной валюты РФ от негативных последствий введения международных финансовых санкций;

— сроках — режим действует до отмены международных санкций, введенных со стороны США и иных недружественных государств;

— нормативном регулировании — большая часть ограничений введена на основании подзаконных нормативных правовых актов Президента РФ.

Особенности валютного регулирования в Российской Федерации в условиях противодействия международным санкциям

Следует констатировать, что российский режим валютного регулирования за очень короткий срок поменял вектор своего развития, перейдя от постепенной либерализации к прямо противоположному процессу, который можно именовать консерватизацией. Можно выделить ряд особенностей, характерных для системы правового регулирования валютных отношений на современном историческом этапе:

— главными задачами валютного регулирования стали: противодействие санкциям (ограничительным мерам) США и иных недруже-

ственных стран и международных организаций, обеспечение устойчивости российской валюты в условиях глобальных вызовов, укрепление финансового суверенитета Российской Федерации, защита прав и законных интересов Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований, ее граждан и юридических лиц;

— большинство введенных за последнее время валютных ограничений прямо не предусмотрено Федеральным законом от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» — они установлены на основании федеральных законов от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах», от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» и от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств», которые в соответствующей части можно отнести к валютному законодательству;

— ведущую роль в правовом регулировании валютных отношений стали играть подзаконные нормативные правовые акты, в первую очередь Президента РФ. При этом Президент РФ может делегировать часть своих полномочий по введению валютных ограничений органам валютного регулирования;

— в условиях противодействия международным санкциям государству приходится отступать от традиционных подходов к правовому регулированию общественных отношений, что в обычных условиях могло бы трактоваться как нарушение основополагающих принципов права. Так, в целях обеспечения гибкости валютного регулирования некоторые аспекты валютных отношений (в частности, установление процента обязательной продажи части валютной выручки и сроков такой продажи) могут определяться актами, не носящими нормативный характер (решениями Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации и Совета директоров Банка России), а нормативные пра-

правовой режим валютных операций в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 10).

²⁶ Артемов Н. М. Указ. соч. С. 14–15.

новые акты могут не публиковаться (как в случае с Указом Президента РФ «Об осуществлении обязательной продажи выручки в иностранной валюте, получаемой отдельными российскими экспортерами по внешнеторговым договорам (контрактам)») в целях защиты прав и законных интересов российских резидентов. Вместе с тем экзистенциальный характер угроз, которые несет за собой глобальное противостояние России и стран коллективного Запада, обуславливает необходимость изыскания новых подходов к регулированию общественных отношений. Право не следует оценивать исключительно с точки зрения формального подхода — оно должно обеспечивать гибкость регулирования общественных отношений с учетом всех обстоятельств. В то же время недопустим и волюнтаризм. Валютное регулирование должно быть направлено на защиту публичного интереса и при этом в необходимой степени учитывать интересы частных субъектов;

— действующий Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» был принят более 20 лет назад и за это время претерпел неоднократные существенные изменения, в связи с чем он более не воспринимается как целостный акт (даже на уровне нумерации пунктов, частей и статей указанного закона). Кроме того, он не обеспечивает необходимой вариативности регулирования валютных отношений (как уже было сказано, в условиях экстраординарной ситуации валютные ограничения, под именем специальных экономических мер, были установлены на основе положений других законов), не раскрывает правовой статус субъектов, играющих важную роль в регулировании валютных отношений и осуществлении контроля за валютными операциями резидентов и нерезидентов (например, Президента РФ и Росфинмониторинга), не дифференцирует субъектов валютных отношений в зависимости от принадлежности к группам стран, проводящим дружественную или, наоборот, недружественную политику в отношении России (несмотря на всю спорность термина «недружественный», нельзя не учитывать объективной реальности, в рамках которой ряд государств и международных организаций целенаправленно стремятся нанести

ущерб Российской Федерации, ее гражданам и юридическим лицам). Налицо необходимость принятия нового Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле»;

— несмотря на то что большинство введенных после 2022 г. ограничений носит временный характер, следует понимать, что произошедший слом международных отношений не позволит вернуться к либерализации валютного законодательства в ближайшей перспективе. Более того, построение новой мировой финансовой системы потребует новых подходов к регулированию финансовых отношений, в рамках которых валютное регулирование и валютный контроль будут играть ведущую роль;

— можно предположить, что будущая мировая финансовая система будет поделена на два основных «блока» — условно «коллективного Запада» и «глобального Юга». Это не означает, что соответствующие «блоки» будут существовать как закрытые системы, никак не связанные между собой, не зависящие друг от друга и функционирующие автономно. Финансы всегда стремятся туда, где они, с одной стороны, смогут обеспечить получение большей прибыли, а с другой — будут наилучшим образом защищены от финансовых, правовых и иных рисков. Более того, наблюдаемое в настоящее время геополитическое противостояние между странами, входящими в указанные выше «блоки», — всего лишь попытка государств «коллективного Запада» защитить свои экономические интересы и обеспечить свое дальнейшее доминирование (экономическое, финансовое, технологическое и т.д.). В противовес этому финансовая система «глобального Юга» будет ориентирована на интересы стран, которые не являются основными бенефициарами существовавшей до недавнего времени мировой финансовой системы. Можно предположить, что финансовая система «глобального Юга» будет основана на применении национальных валют (взамен доллару и евро) в рамках трансграничных расчетов, создании новых международных финансовых институтов и депозитарного расчетного хаба, применении инновационных финансовых технологий, которые позволят преодолеть монополию западных финансовых учреждений на мировом рынке финансовых услуг.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андриевский К. В. Финансово-правовые режимы : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2022. — 503 с.
2. Артемов Н. М. Валютное регулирование в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2002. — 347 с.
3. Артёмов Н. М., Ситник А. А. Противодействие антироссийским санкциям в платежной и валютной сферах // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 6 (139). — С. 48–62.
4. Беляева Г. С. Правовой режим // URL: <https://bigenc.ru/c/pravovoi-rezhim-1cb9b6> (дата обращения: 01.05.2023).
5. Глава ЦБ перечислила критерии финансового суверенитета России // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5941603> (дата обращения: 01.05.2023).
6. Долгиева М. М., Долгиев М. М. Правовой режим международных санкций и цифровой рубль // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2023. — № 3 (258). — С. 59–65.
7. Зырянов С. М. Экстраординарные (специальные) административно-правовые режимы: понятие и обоснование необходимости введения // Журнал российского права. — 2016. — № 4. — С. 72–81.
8. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России : учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрист, 2023. — 587 с.
9. Куликов А. С. Финансово-правовой режим валютных операций в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. — 24 с.
10. Мохов А. А. Концепция правового регулирования медицинской деятельности // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — № 4. — С. 93–104.
11. Таева Н. Е. Режим правового регулирования // URL: <https://bigenc.ru/c/rezhim-pravovogo-regulirovaniia-e7b55c> (дата обращения: 01.05.2023).
12. Теория государства и права : учеб. пособие / А. В. Малько, А. Ю. Саломатин, А. Г. Лисицина-Светланова. — 3-е изд. — М. : РИОР, Инфра-М, 2018. — 213 с.
13. Хаменушко И. В. Валютное регулирование в Российской Федерации: правила, контроль, ответственность : учебно-практическое пособие. — М. : Норма, 2013. — 352 с.
14. ЦСР предложил отменить валютный контроль // URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2018/03/14/753443-tssr-valyutnii> (дата обращения: 01.05.2023).
15. Шангараев Р. Н., Гришкина А. В. Вызовы и угрозы национальной платежной системы России в контексте деглобализации // Вопросы политологии. — 2022. — Т. 12. — № 11 (87). — С. 3867–3874.

Материал поступил в редакцию 2 мая 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Andrievskiy K. V. Finansovo-pravovye rezhimy: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2022. — 503 s.
2. Artemov N. M. Valyutnoe regulirovanie v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2002. — 347 s.
3. Artemov N. M., Sitnik A. A. Protivodeystvie antirossiyskim sanktsiyam v platezhnoy i valyutnoy sferakh // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2022. — T. 17. — № 6 (139). — S. 48–62.
4. Belyaeva G. S. Pravovoy rezhim // URL: <https://bigenc.ru/c/pravovoi-rezhim-1cb9b6> (data obrashcheniya: 01.05.2023).
5. Glava TsB perechislila kriterii finansovogo suvereniteta Rossii // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5941603> (data obrashcheniya: 01.05.2023).
6. Dolgieva M. M., Dolgiev M. M. Pravovoy rezhim mezhdunarodnykh sanktsiy i tsifrovoy rubl // Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii. — 2023. — № 3 (258). — S. 59–65.

7. Zyryanov S. M. Ekstraordinarnye (spetsialnye) administrativno-pravovye rezhimy: ponyatie i obosnovanie neobkhodimosti vvedeniya // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2016. — № 4. — S. 72–81.
8. Kozlova E. I., Kutafin O. E. Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnik. — 3-e izd., pererab i dop. — M.: Yurist, 2023. — 587 s.
9. Kulikov A. S. Finansovo-pravovoy rezhim valyutnykh operatsiy v Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2013. — 24 s.
10. Mokhov A. A. Kontsepsiya pravovogo regulirovaniya meditsinskoy deyatel'nosti // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2023. — № 4. — S. 93–104.
11. Taeva N. E. Rezhim pravovogo regulirovaniya // URL: <https://bigenc.ru/c/rezhim-pravovogo-regulirovaniia-e7b55c> (data obrashcheniya: 01.05.2023).
12. Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. posobie / A. V. Malko, A. Yu. Salomatin, A. G. Lisitsina-Svetlanova. — 3-e izd. — M.: RIOR, Infra-M, 2018. — 213 s.
13. Khamenushko I. V. Valyutnoe regulirovanie v Rossiyskoy Federatsii: pravila, kontrol, otvetstvennost: uchebno-prakticheskoe posobie. — M.: Norma, 2013. — 352 s.
14. TsSR predlozhil otmenit valyutnyy kontrol // URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2018/03/14/753443-tssr-valyutnii> (data obrashcheniya: 01.05.2023).
15. Shangaraev R. N., Grishkina A. V. Vyzovy i ugrozy natsionalnoy platezhnoy sistemy Rossii v kontekste deglobalizatsii // Voprosy politologii. — 2022. — T. 12. — № 11 (87). — S. 3867–3874.

Правовое регулирование охраны окружающей среды: соотношение финансового и экологического права

Аннотация. В статье предпринята попытка научного сопоставления финансово- и эколого-правовых начал регулирования деятельности, связанной с охраной окружающей среды. Проведен анализ понятия «охрана окружающей среды», отмечен комплексный характер правового регулирования общественных отношений, складывающихся в процессе охраны окружающей среды. Автор указывает на то, что исторически нормы, регулирующие природоохранные отношения, появились в целях защиты имущественных, в частности финансовых, интересов. Подчеркивается, что природные ресурсы являются основным источником получения дохода нашим государством и мероприятия по охране окружающей среды реализуются для всеобщего блага. Деятельность, связанная с охраной окружающей среды, может быть эффективной только в условиях должного финансирования. На основе проведенного исследования сделано заключение, что специфика предмета и метода правового регулирования обусловила отнесение финансового и экологического права к числу публичных отраслей российского права, а значит, финансово- и эколого-правовое регулирование направлено прежде всего на реализацию публичного интереса. Названные отрасли сходны по методу правового регулирования: экологическое право, так же как и финансовое, в основном регулирует общественные отношения посредством императивного метода — метода власти и подчинения. Несмотря на то что сравниваемые отрасли российского права регулируют обособленные, отличающиеся друг от друга области общественных отношений, их предметы могут пересекаться. Связано это с тем, что финансовая деятельность и деятельность в области охраны окружающей среды не противостоят, не носят взаимоисключающего характера. Во многом этому способствует то, что финансовое право является универсальной отраслью российского права, а финансы — наиболее эффективный инструмент воздействия на общественные отношения.

Ключевые слова: охрана окружающей среды; финансовое право; экологическое право; финансовая деятельность; финансы; финансовые правоотношения; экологические правоотношения; имущественный характер правоотношений; государство; публичный интерес.

Для цитирования: Слатин Р. В. Правовое регулирование охраны окружающей среды: соотношение финансового и экологического права // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 12. — С. 72–83. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.072-083.

© Слатин Р. В., 2023

* Слатин Ростислав Вячеславович, аспирант кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
s0158688@msal.edu.ru

Legal Regulation of Environmental Protection: Interrelations between Financial and Environmental Law

Rostislav V. Slatin, Postgraduate Student, Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya St, Moscow, Russia, 125993
s0158688@msal.edu.ru

Abstract. The paper compares financial and environmental law principles of regulating activities related to environmental protection. The author analyzes the concept of environmental protection and focuses on the complex nature of the legal regulation of public relations that develop in the process of environmental protection. The author points out that historically, the rules regulating environmental relations appeared in order to protect property, in particular financial interests. It is emphasized that natural resources are the main source of income for our state and environmental protection measures are implemented for the common good. Activities related to environmental protection can be effective only in conditions of proper financing. Based on the conducted research, it was concluded that the specifics of the subject and method of legal regulation led to the attribution of financial and environmental law to the number of public branches of Russian law, which means that financial and environmental law regulation is primarily aimed at implementation of public interest. These industries are similar in terms of the method of legal regulation: environmental law, as well as financial law, mainly regulates public relations through the imperative method — the method of power and subordination. Despite the fact that the compared branches of Russian law regulate separate, different areas of public relations, their subjects may overlap. This is due to the fact that financial activities and activities in the field of environmental protection are not opposed, are not mutually exclusive. This is largely facilitated by the fact that financial law is a universal branch of Russian law, and financing is the most effective tool for influencing public relations.

Keywords: environmental protection; financial law; environmental law; financial activity; finance; financial law relations; environmental law relations; property nature of legal relations; state; public interest.

Cite as: Slatin RV. Legal Regulation of Environmental Protection: Interrelations between Financial and Environmental Law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(12):72-83. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.072-083.

На протяжении всей истории человек задумывался о своей природе: откуда он произошел, в чем заключается цель и предназначение его жизни, какими ценностями он должен руководствоваться на своем жизненном пути и т.д. Как известно, Аристотель определял человека как общественное животное. По мнению И. Канта, вопрос о сущности человека является основным для философии. При этом автор

признавал дуализм человека как существа, принадлежащего к двум мирам, — миру природной необходимости и нравственной свободы¹. Другой немецкий философ, И. Г. Гердер, в своем труде «Идеи к философии истории человечества» называл человека «первым вольноотпущенником творения»² — он одновременно и творение природы, и результат духовного развития. Таким образом, неотъемлемо подчеркивается

¹ Для И. Канта вопрос о природе человека — основной. При этом он исходил из дуалистической природы человека: «учение, касающееся знания человека и изложенное в систематическом виде (антропология), может быть представлено с точки зрения или физиологической, или прагматической. Физиологическое человековедение имеет в виду исследование того, что делает из человека природа, а прагматическое — исследование того, что он, как свободно действующее существо, делает или может и должен делать из себя сам» (*Кант И. Сочинения* : в 6 т. М. : Мысль, 1966. Т. 6. С. 351).

² *Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества* / пер. и прим. А. В. Михайлова. М. : Наука, 1977. С. 101.

дуализм человека: он представляет собой сложное биосоциальное существо, которое, пройдя длительный путь эволюции, сохраняет свойства, присущие как миру природы (животным), и наделено качествами, которые выделяют людей их числа иных живых организмов. Одной из таких особенностей является способность регулировать отношения, которые возникают в обществе, посредством общеобязательных правил поведения, которые в своей совокупности принято именовать правом.

Дуалистично и соотношение таких категорий, как «общество» и «природа». В соответствии с одним из наиболее распространенных определений, общество в широком смысле представляет собой обособившуюся от природы, но тесно связанную с ней часть материального мира³. Вместе с тем такое обособление является довольно иллюзорным — общество исключительно сильно зависит от природы. Не следует отрицать того, что природные факторы оказывают влияние на демографию, доступность и состав ресурсов на той или иной территории, скорость их воспроизводства⁴, условия ведения хозяйственной деятельности и т.д. Более того, французский философ Ж. Боден отмечал зависимость законов и структуры государственных учреждений от климатических условий⁵. Таким образом, обоснована позиция авторов, рассматривающих «природу» как более широкую в сравнении с «обществом» категорию, т.е. соотносят их как часть и целое⁶.

В то же время обоснованной является позиция авторов, разграничивающих указанные категории. Например, О. И. Крассов указывал на то, что «природа — это все то, что не включается в понятие общества, находится вне его»⁷.

Далее мы будем придерживаться именно данного подхода, поскольку он позволяет отделить общество и, соответственно, общественные отношения от мира природы, который окружает общество и функционирует в соответствии с присущими ему законами.

Обособившись от природы, общество тем не менее продолжает взаимодействовать с ней в различных формах. При этом, говоря о влиянии человека на природу, мы, как правило, рассматриваем его деятельность в негативном ключе. Антропогенное воздействие приводит к загрязнению воды, земли, атмосферы, вырубке лесов, истощению недр, сокращению популяции животных и другим неблагоприятным последствиям. Причем страдает от этого сам человек — он теряет естественную среду своего обитания, благоприятные условия труда и ведения хозяйственной деятельности. В результате сокращается объем производимых продуктов питания, снижается их качество, наблюдается рост числа хронических заболеваний и, как следствие, падает качество жизни и уменьшается ее продолжительность. В целях нивелирования негативного антропогенного воздействия, а также снижения неблагоприятных последствий природных катаклизмов общество и отдельные его члены осуществляют деятельность по защите окружающей среды.

Понятие охраны окружающей среды (далее также — ООС) раскрывается в абз. 11 ст. 1 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»⁸ (далее — Закон № 7-ФЗ). Как и любой другой вид деятельности, природоохранная деятельность:

1) представляет собой процесс осмысленной активности. Таким образом, охрана окру-

³ Ковригин В. В. Обществознание : учебник. М. : Инфра-М, 2024. С. 33.

⁴ Применительно к возобновляемым ресурсам.

⁵ Как указывает Л. Е. Гринин, «Боден считал, что темперамент народа влияет на законодательство и обычаи. Таким образом, законодательство в огромной степени зависит от географических условий, так как разная природа требует разных социально-политических учреждений» (Гринин Л. Е. Лекция: Природный фактор в аспекте теории истории // *Философия и общество*. 2011. № 2. С. 178).

⁶ Арбузкин А. М. Обществознание. Часть первая : учеб. пособие. 11-е изд., перераб. и доп. М. : Зерцало-М, 2019. С. 10.

⁷ Крассов О. И. Экологическое право : учебник. 4-е изд., пересмотр. М. : Норма : Инфра-М, 2023. С. 13.

⁸ СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

жающей среды проявляется в активном поведении субъектов, она является целенаправленной, имеет смысл (то есть характеризует сознательную сторону субъекта (в отличие от поведения))⁹. Кроме того, любая деятельность, в отличие от единичной операции, осуществляется на постоянной, регулярной основе;

2) заключается во взаимодействии субъекта с объектом. На основании анализа приведенной выше нормы субъектов охраны окружающей среды (а следовательно, и участников правоотношений, складывающихся в процессе осуществления природоохранной деятельности) можно подразделить на несколько групп:

— органы публично-правовых образований: Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований;

— коллективные субъекты: общественные объединения, некоммерческие организации, юридические лица¹⁰;

— индивидуальные субъекты — физические лица.

Объектом рассматриваемой деятельности является окружающая среда. Таким образом, правильно говорить о том, что субъект осуществляет взаимодействие с объектом, поскольку последний лишен воли. Они не вступают в отношения (уже — правоотношения). В то же время отношения могут возникать между разными субъектами природоохранной деятельности;

3) направлена на достижение определенной цели. Согласно Закону № 7-ФЗ соответствующая деятельность направлена:

— на сохранение и восстановление природной среды;

— рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов;

— предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидацию ее последствий.

Следует отметить, что общественные отношения, складывающиеся в процессе охраны окружающей среды, регулируются нормами разных отраслей российского права, в первую очередь экологического права. При этом в отечественной эколого-правовой науке нет единой позиции по вопросу предмета названной отрасли права. Отмечается, что в узком значении экологическое право регулирует только общественные отношения, возникающие в процессе деятельности по охране окружающей природной среды. В такой трактовке экологическое право приравнивается к природоохранному праву. В то же время высказывается позиция, согласно которой, помимо названной группы общественных отношений, в предмет экологического права также включаются отношения «по использованию и охране природных ресурсов и отношения по обеспечению экологической безопасности человека и других объектов»¹¹.

О. И. Крассов, фактически придерживаясь первой позиции по вопросу о трактовке экологического права, в предмет правового регулирования законодательства об охране окружающей природной среды включал также отношения по поводу обеспечения экологической безопасности и консервативной охраны природы¹².

Согласно весьма распространенной формулировке, воспроизводимой в различных учебниках, экологическое право представляет собой «самостоятельную комплексную отрасль права»¹³. Заметим, что подобный подход противоречит основам теории государства и права: отрасль права может быть или самостоятельной, или комплексной. Вместе с тем автор названной концепции вкладывал в «комплексность» экологического права несколько иной смысл, рассматривая ее как «суперотрасль», включающую в себя целый ряд отдельных «самостоятельных отраслей» — земельное, горное, лесное, фау-

⁹ Деятельность // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/2229> (дата обращения: 01.05.2023).

¹⁰ При этом очевидно, что подобный перечень не отвечает требованиям формальной логики.

¹¹ Экологическое право : учебник / под ред. З. Ф. Сафина, Е. В. Луневоy. М. : Проспект, 2022. С. 11.

¹² Крассов О. И. Указ. соч. С. 21.

¹³ Бринчук М. М. Особое место и особая роль экологического права в правовой системе России // Экологическое право. 2010. № 5. С. 3 ; Бринчук М. М. Экологическое право : учебник // СПС «КонсультантПлюс», 2008 ; Экологическое право : учебник / под ред. З. Ф. Сафина, Е. В. Луневоy. М. : Проспект, 2022. С. 12.

нистическое, водное право и т.д.¹⁴ Вместе с тем и такой подход не отвечает постулатам теории права.

С. А. Боголюбов также рассматривает экологическое право как комплексную (интегрированную) отрасль российского права, выделяя в ее составе три части, образуемые отдельными видами норм, в частности:

1) природоресурсное право — исторически первая часть экологического права, выделившаяся в начале XX в., и первоначально регулировавшая отношения в сфере природопотребления;

2) природоохранное право — возникло во второй половине XX в. в связи с осознанием необходимости перехода от защиты каждого отдельного природного объекта к охране всей окружающей среды;

3) экологизированные нормы других отраслей права — нормы других отраслей права, которые «обслуживают» экологическое право¹⁵.

Таким образом, авторами подчеркивается комплексность правового регулирования общественных отношений в процессе ООС. Помимо экологического права, соответствующие общественные отношения регулируются также нормами конституционного, административного, международного, гражданского, уголовного и, что имеет первостепенное значение для настоящего исследования, нормами финансового права.

Отметим интересный факт. В подавляющем большинстве современных учебников и учебных пособий по экологическому праву, как

правило, рассматриваются вопросы соотношения данной отрасли права с конституционным, административным, гражданским, но не финансовым правом¹⁶. Вместо этого можно найти главы, посвященные «экономико-правовому регулированию охраны окружающей природной среды»¹⁷, «экономическому регулированию в области охраны окружающей среды»¹⁸, «правовому регулированию экономического механизма охраны окружающей среды»¹⁹ и т.д. Однако анализ содержания соответствующих глав позволяет сделать вывод, что в их рамках авторы затрагивают вопросы именно финансово-правового регулирования ООС. Сказанное позволяет с сожалением сделать вывод о недооценке и, возможно, непонимании ведущими представителями эколого-правовой науки сути финансового права и значения финансово-правового регулирования в деятельности, связанной с охраной окружающей среды.

В связи с этим достаточно претенциозно выглядит утверждение С. А. Боголюбова о том, что «трудно найти отрасль права и законодательства, которая в той или иной мере не обслуживала бы экологическое право или бы не зависела от него»²⁰. Из представленной цитаты выходит, что экологическое право является практически главной отраслью российского права. Но если даже и говорить о том, что финансово-правовые нормы «обслуживают» потребности экологического права, не менее справедливо утверждать, что именно названная отрасль в первую очередь зависит от финансового права, а не наоборот.

¹⁴ При этом автор всё же подчеркивает, что «комплексный характер отрасли экологического права определен, однако, не этим обстоятельством, а тем, что общественные экологические отношения регулируются как собственными нормами, так и нормами, содержащимися в других отраслях российского права, включая гражданское, конституционное, административное, уголовное, предпринимательское, финансовое, аграрное и др.». *Бринчук М. М. Экологическое право : учебник // СПС «КонсультантПлюс», 2008.*

¹⁵ *Экологическое право : учебник для вузов / под ред. С. А. Боголюбова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. С. 22–23.*

¹⁶ См., например: *Экологическое право : учебник для вузов / под ред. С. А. Боголюбова. С. 22–26 ; Крассов О. И. Указ. соч. С. 31–36.*

¹⁷ *Крассов О. И. Указ. соч. С. 157–169.*

¹⁸ *Экологическое право : учебник / под ред. З. Ф. Сафина, Е. В. Луневовай. М. : Проспект, 2022. С. 99–132.*

¹⁹ *Экологическое право : учебник для вузов / под ред. С. А. Боголюбова. С. 124–137.*

²⁰ *Экологическое право : учебник для вузов / под ред. С. А. Боголюбова. С. 23.*

Именно благодаря нормам финансового права создаются механизмы финансирования различного рода программ и проектов в сфере ООС. Без государственного финансирования их реализация труднопредставима. Более того, без выделения финансовых ресурсов публично-правовых образований ООС фактически становится самодеятельностью.

Нужно отметить и тот факт, что исторически нормы, регулирующие природоохранные отношения, во многом появились в целях защиты имущественных, в частности финансовых, интересов. Например, ряд ученых прослеживает процесс становления природоохранного законодательства вплоть до Русской Правды²¹. В данном памятнике древнерусского права содержались нормы, устанавливающие ответственность за кражу дров²², бобра²³, нанесение ущерба борти²⁴ и т.д. Уже позднее Соборным уложением 1649 г. была установлена ответственность, например, за вылов рыбы из чужого пруда или садка²⁵. Вместе с тем анализ указанных норм позволяет заключить, что их составители не ставили перед собой цели защитить именно окружающую среду — введение таких норм было направлено на охрану имущественных интересов общины или конкретного лица: князя, государя или иного лица²⁶.

М. М. Бринчук указал на то, что в XVII в. развитие правового регулирования охраны лесов было непосредственным образом связано с добычей пушнины²⁷: в целях недопущения сокращения поступлений от ясака (натуральной подати) в 1681 г. принят царский указ, запрещавший уничтожение леса.

В целом вплоть до середины XX в. правовое регулирование ООС носило ярко выраженный природоресурсный характер: оно было направлено на защиту отдельно взятых природных ресурсов, а соответствующая правовая охрана предоставлялась таким объектам в целях обеспечения дальнейшего ведения хозяйственной деятельности, т.е. извлечения прибыли от пользования природными ресурсами.

Нельзя обойти вниманием факт того, что подобный подход продолжает сохраняться до сих пор. Следует признать, что человек, занимаясь охраной окружающей природной среды, в первую очередь исходит из собственных утилитарных целей — стремится сохранить комфортную для себя среду обитания, обеспечить благоприятные условия жизни будущих поколений, предотвратить истощение ресурсов для того, чтобы продолжить пользоваться благами природы. Рациональное природопользование осуществляется в интересах всего общества. При

²¹ Булгаков М. Б., Ялбулганов А. А. Природоохранные акты: от Русской Правды до петровских времен // Государство и право. 1996. № 8. С. 136–146; Боголюбов С. А. Развитие экологического права на евразийском пространстве: монография. М.: ИЗИСП при Правительстве РФ: Инфра-М, 2020.

²² Ст. 39 краткой редакции Русской Правды, ст. 82 пространной редакции Русской Правды.

²³ Ст. 69 пространной редакции Русской Правды.

²⁴ Дупло, наполненное сотами с медом. Ст. 32 краткой редакции Русской Правды, ст. 71, 72, 75 пространной редакции Русской Правды.

²⁵ Согласно ст. 90 гл. XXI Соборного уложения 1649 г., «а будет кто у кого татиным обычаем выловит ис пруда или из саду рыбу, и того татя изымают с поличным, а сыщется про то вправду, что он покрал впервые, и такова бити батоги, а будет вдругие тот же с поличным изыман будет, и такова за такую вину бити кнудом, а будет в третьие тот же изыман будет с поличным, а поличное и гривны не стоит, и такова казнити отрезати ухо».

²⁶ В связи с этим согласимся с мнением Н. Л. Лисиной, которая отметила, что «природоохранное законодательство времен Русской Правды развивалось через защиту владельческих прав. Природный объект подпадал под защиту законодательства постольку, поскольку он являлся чьей-либо собственностью» (Лисина Н. Л. История развития российского законодательства по охране окружающей среды в городах (X в. — первая четверть XVIII в.) // Вестник Удмуртского университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 128).

²⁷ Бринчук М. М. Экологическое право: учебник // СПС «КонсультантПлюс», 2008.

этом нужно подчеркнуть, что на сегодняшний день природные ресурсы являются основным источником получения дохода нашим государством и мероприятия по охране окружающей среды реализуются для всеобщего блага. Как уже отмечалось, деятельность по ООС может быть эффективной только в условиях должного финансирования.

Полагаем, что в рамках юридической науки следует говорить не о том, что нормы одной из отраслей «обслуживают» другую отрасль, а о взаимодействии и взаимосвязи правовых норм различной отраслевой принадлежности. Необходимо, чтобы экологическое и финансовое право находились в гармонии и единстве, обеспечивая тем самым эффективность правового регулирования общественных отношений.

Несмотря на разницу в предметах правового регулирования, между финансовым и экологическим правом много общего. В частности, названные отрасли сходны по методу правового регулирования: экологическое право, так же как и финансовое, в основном регулирует общественные отношения посредством императивного метода (метода власти и подчинения). Зачастую представители эколого-правовой науки называют данный метод административно-правовым²⁸. Между тем очевидно, что ни одна из отраслей права не обладает монополией на приемы и способы правового регулирования — они общие для всех отраслей российского права. При этом ни одному значимому правовому образованию в системе права не присуще регулирование посредством исключительно одного метода. В то же

время традиционно подчеркивается приоритет императивного или диспозитивного метода в той или иной отрасли. Например, О. И. Крассов подчеркивал, что «в сфере охраны окружающей природной среды применяется главным образом императивный метод», диспозитивному методу правового регулирования автор отводил «незначительную роль»²⁹. Аналогично в финансово-правовой науке традиционно подчеркивается, что правовое регулирование в рамках соответствующей отрасли осуществляется преимущественно посредством метода власти и подчинения (императивного метода), однако не лишено оно и элементов диспозитивности³⁰. В качестве примера можно привести льготы по уплате сборов за пользование объектами животного мира и водных биологических ресурсов (п. 6 ст. 333, ст. 333.4-1 НК РФ), водного налога (п. 2 ст. 333.9 НК РФ), земельного налога (п. 2 ст. 388, п. 2 ст. 389, п. 5–7 ст. 391 НК РФ) и т.д.

Специфика предмета и метода правового регулирования обуславливает то, что финансовое и экологическое право относятся к числу публичных отраслей российского права. Так, исходя из содержания Паспорта научной специальности 5.1.2, можно заключить, что финансовое право и экологическое право включены в цикл «Публично-правовые (государственно-правовые) науки»³¹.

Это же предопределяет тот факт, что и финансово- и эколого-правовое регулирование прежде всего направлено на реализацию публичного интереса. Например, Конституционный Суд РФ в постановлении от 14.05.2009 № 8-П³² на основе анализа преамбулы, ч. 1 ст. 9, ст. 42

²⁸ Крассов О. И. Указ. соч. С. 23–25.

²⁹ Крассов О. И. Указ. соч. С. 24.

³⁰ См.: Рукавишникова И. В. Метод финансового права / отв. ред. Н. И. Химичева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2011. С. 216; Финансовое право: учебник / отв. ред. И. В. Рукавишникова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2021. С. 65.

³¹ URL: https://www.spbume.ru/file/pages/97/5_1_2_%20Publichno_pravovie_gosudarstvenno_pravovie_nayki.pdf (дата обращения: 01.05.2023).

³² Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2009 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения подпункта “б” пункта 4 постановления Правительства РФ “Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия” в связи с запросом Верховного суда Республики Татарстан» // СЗ РФ. 2009. № 22. Ст. 2752.

и 58 Конституции РФ указал на то, что одним из основных принципов правового регулирования отношений в сфере ООС и обеспечения экологической безопасности является принцип приоритета публичных интересов³³. Приоритет публичного интереса в финансовой деятельности был отмечен в трудах ведущих представителей финансово-правовой науки, в частности Е. Ю. Грачевой³⁴, Н. И. Химичевой³⁵, Е. В. Покачаловой³⁶, Н. А. Шевелевой³⁷.

Одна из особенностей финансовых правоотношений заключается в том, что основным их участником выступает публично-правовой субъект — государство или муниципальные образования. При этом, как правило, публично-правовые субъекты вступают в финансовые правоотношения посредством своих уполномоченных органов³⁸. Рассматриваемая особенность прямо предопределяется основополагающей ролью централизованных государственных (в меньшей мере муниципальных) фондов денежных средств в финансовом обеспечении потребностей общества, правом государства взимать обязательные платежи (налоги, сборы и иные), его полномочиями по поддержанию устойчивости национальной валюты, обеспе-

чению стабильности и развитию финансового рынка и т.д.

В свою очередь, субъектами экологических правоотношений, как уже было отмечено, признаются публично-правовые образования, физические и юридические лица. Вместе с тем именно государство в лице своих уполномоченных органов играет ведущую роль в природоохранной деятельности. Так, согласно ст. 5 Закона № 7-ФЗ на органы государственной власти РФ возложены полномочия, связанные с изданием нормативных правовых актов в сфере ООС, разработкой и проведением государственной политики в данной области, установлением требований в области ООС, проведением государственного экологического надзора и государственной экологической экспертизы, утверждением нормативов в сфере ООС и т.д. Кроме того, статья 7 Закона № 7-ФЗ, а также пункт 9 ч. 1 ст. 15 и пункт 11 ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» определяют полномочия органов местного самоуправления в сфере отношений, связанных с ООС. Таким образом, как и в финансовых правоотношениях, основным

³³ Далее КС РФ отметил, что «правовые основы государственной политики в этой сфере — исходя из того, что ценность сохранения природы и окружающей среды утверждается на конституционном уровне, — должны определяться таким образом, чтобы через реализацию указанной конституционной обязанности, имеющей всеобщий характер, при решении социально-экономических задач обеспечивался баланс интересов субъектов хозяйственной и иной деятельности, связанной с воздействием на окружающую среду, и интересов человека и общества в целом и гарантировались соблюдение и защита экологических прав граждан. Этим предопределяются возложение на государство в лице его органов соответствующих координирующих, контрольных и нормативно-регулятивных функций и конституционно-правовая ответственность за их выполнение». См.: постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2009 № 8-П.

³⁴ Грачева Е. Ю. Государственный финансовый контроль как важнейший инструмент обеспечения публичных интересов в условиях рынка // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 4 (4). С. 20–29 ; Она же. Государственный финансовый контроль как важнейший инструмент обеспечения публичных интересов в условиях рынка // Lex russica (Русский закон). 2006. Т. 65. № 6. С. 1056–1068.

³⁵ Химичева Н. И. Научно обоснованные принципы финансового права как вектор его действия, развития и формирования новой методологии преподавания // Финансовое право. 2009. № 2. С. 5.

³⁶ Химичева Н. И., Покачалова Е. В. Принципы российского финансового права как базисные принципы банковской деятельности // Банковское право. 2013. № 6. С. 10.

³⁷ Шевелева Н. А. Бюджетное выравнивание в России как способ гармонизации межбюджетных отношений (2000–2015) // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2. С. 32–44.

³⁸ Финансовое право : учебник / отв. ред. Е. Ю. Грачева, О. В. Болтинова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2020. С. 59.

участником экологических правоотношений выступают публично-правовые образования, в первую очередь государство.

Еще одна особенность финансовых правоотношений заключается в том, что они носят ярко выраженный имущественный характер. Относительно же экологических правоотношений О. И. Крассов предложил весьма неоднозначную формулировку, согласно которой они «не являются имущественными правоотношениями, но обычно имеют имущественный характер»³⁹. В науке экологического права чаще всего подчеркивается, что объектами рассматриваемых правоотношений «выступают юридически и физически индивидуально обособленные части природных объектов»⁴⁰, т.е. конкретное имущество (например, участок земли). В то же время мы не согласны с подобным подходом к определению объекта экологических правоотношений. Окружающая среда представляет собой совокупность различных природных и иных объектов. Таким образом, экологические правоотношения направлены на охрану как конкретных имущественных объектов, так и окружающей среды в целом как суммы таких объектов. Более того, окружающую среду необходимо рассматривать в качестве сложной системы, в рамках которой, как известно, отдельно взятые элементы в процессе своего взаимодействия приобретают принципиально новые качества, которых они лишены по отдельности. Тем не менее сказанное выше подчеркивает, что правоотношения в сфере ООС также могут носить — и чаще всего носят — имущественный характер.

Очевидно, что имущественный характер финансовых и экологических правоотношений существенно различается. Например, Е. А. Ро-

винский подчеркивал, что в «финансовых правоотношениях выражается совокупность денежных отношений»⁴¹, возникающих в процессе финансовой деятельности государства. Следовательно, финансовые правоотношения преимущественно являются денежными. При этом не следует забывать о том, что рассматриваемые правоотношения, помимо всего прочего, носят властный характер. Исходя из этого, в науке финансового права выделяются два элемента, характеризующих особенности финансовых правоотношений, — они носят властный и имущественный характер⁴².

Экологические правоотношения не всегда являются денежными. Кроме того, имущественный характер правоотношений в области ООС может проявляться в установлении требований к экологической безопасности движимого и недвижимого имущества⁴³, категорировании объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду (ст. 4.2 Закона № 7-ФЗ), применении мер государственного регулирования в сфере ООС к загрязняющим веществам (ст. 4.1 Закона № 7-ФЗ)⁴⁴, закреплении требований в области ООС при приватизации и национализации имущества (ст. 53 Закона № 7-ФЗ), возмещении вреда имуществу граждан вследствие нарушения законодательства в сфере ООС (ст. 79 Закона № 7-ФЗ) и т.д. Очевидно, что общественные отношения, возникающие в процессе решения перечисленных вопросов, не включаются в предмет финансового права.

Несмотря на то что сравниваемые отрасли российского права регулируют обособленные, отличающиеся друг от друга области общественных отношений, их предметы могут пересекаться. Финансовая деятельность и деятельность по

³⁹ Крассов О. И. Указ. соч. С. 57.

⁴⁰ Экологическое право : учебник для бакалавров / отв. ред. Н. Г. Жаворонкова, И. О. Краснова. М. : Проспект, 2018. С. 37.

⁴¹ Ровинский Е. А. Основные вопросы теории советского финансового права : монография. 2-е изд., стер. М. : Норма : Инфра-М, 2018. С. 123–124.

⁴² Финансовое право : учебник / под ред. К. С. Бельского, С. С. Тропской. М. : Проспект, 2022. С. 64.

⁴³ Крассов О. И. Указ. соч. С. 57.

⁴⁴ Как отмечал О. И. Крассов, характеризуя имущественный характер экологических правоотношений, «вещества, являющиеся источником вредного воздействия, находятся в окружающей природной среде, неразрывно с ней связаны» (Крассов О. И. Указ. соч. С. 57).

ООС не противостоят одна другой, не носят взаимоисключающего характера. Во многом этому способствует то, что финансовое право является универсальной отраслью российского права. Как отмечают отдельные авторы, оно имеет характер «всепроникающей отрасли»⁴⁵. Действительно, можно проследить связь финансово-правовых норм с нормами всех основных отраслей российского права (конституционного, гражданско-

го, административного, трудового, уголовного и т.д.). Связано это с тем, что финансы, по справедливому замечанию С. В. Запольского, выступают универсальным инструментом управления обществом⁴⁶. Добавим, что, возможно, финансы являются и самым эффективным инструментом воздействия на различные общественные отношения⁴⁷, в том числе на общественные отношения, складывающиеся в процессе ООС.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арбузкин А. М. Обществознание. Часть первая : учеб. пособие. — 11-е изд., перераб. и доп. — М. : Зерцало-М, 2019. — 312 с.
2. Бирюкова Н. Н. Межотраслевая взаимосвязь экологического и финансового права через призму чрезвычайных экологических ситуаций // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. — 2017. — № 2. — С. 137–142.
3. Боголюбов С. А. Развитие экологического права на евразийском пространстве : монография. — М. : ИЗИСП при Правительстве РФ : Инфра-М, 2020. — 432 с.
4. Бринчук М. М. Особое место и особая роль экологического права в правовой системе России // Экологическое право. — 2010. — № 5. — С. 2–12.
5. Бринчук М. М. Экологическое право : учебник // СПС «КонсультантПлюс», 2008.
6. Булгаков М. Б., Ялбулганов А. А. Природоохранные акты: от Русской Правды до петровских времен // Государство и право. — 1996. — № 8. — С. 136–146.
7. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / пер. и прим. А. В. Михайлова. — М. : Наука, 1977. — 703 с.
8. Грачева Е. Ю. Государственный финансовый контроль как важнейший инструмент обеспечения публичных интересов в условиях рынка // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2014. — № 4 (4). — С. 20–29.
9. Грачёва Е. Ю. Государственный финансовый контроль как важнейший инструмент обеспечения публичных интересов в условиях рынка // Lex russica (Русский закон). — 2006. — Т. 65. — № 6. — С. 1056–1068.
10. Гринин Л. Е. Лекция: Природный фактор в аспекте теории истории // Философия и общество. — 2011. — № 2. — С. 168–198.
11. Запольский С. В. Теория финансового права : научные очерки. — М. : РАП, 2010. — 372 с.
12. Кант И. Сочинения : в 6 т. Т. 6. — М. : Мысль, 1966. — 743 с.
13. Ковригин В. В. Обществознание : учебник. — М. : Инфра-М, 2024. — 303 с.
14. Крассов О. И. Экологическое право : учебник. — 4-е изд., пересмотр. — М. : Норма : Инфра-М, 2023. — 528 с.

⁴⁵ Бирюкова Н. Н. Межотраслевая взаимосвязь экологического и финансового права через призму чрезвычайных экологических ситуаций // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2017. № 2. С. 137.

⁴⁶ Запольский С. В. Теория финансового права : научные очерки. М. : РАП, 2010. С. 11.

⁴⁷ Согласимся с мнением А. В. Рыбакова, указавшего на то, что «нет лучшего способа управлять обществом, как управлять с помощью денег» (Рыбаков А. В. Налоговая деятельность — функция российского государства // Вестник Омского университета. 1997. № 2. С. 83).

15. Лисина Н. Л. История развития российского законодательства по охране окружающей среды в городах (X в. — первая четверть XVIII в.) // Вестник Удмуртского университета. — 2017. — Т. 27. — № 2. — С. 127–132.
16. Ровинский Е. А. Основные вопросы теории советского финансового права : монография. — 2-е изд., стер. — М. : Норма : Инфра-М, 2018. — 176 с.
17. Рукавишникова И. В. Метод финансового права / отв. ред. Н. И. Химичева. — 3-е изд., перераб и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2011. — 288 с.
18. Рыбаков А. В. Налоговая деятельность — функция российского государства // Вестник Омского университета. — 1997. — № 2. — С. 83–85.
19. Финансовое право : учебник / отв. ред. Е. Ю. Грачева, О. В. Болтинова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2020. — 624 с.
20. Финансовое право : учебник / отв. ред. И. В. Рукавишникова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2021. — 648 с.
21. Финансовое право : учебник / под ред. К. С. Бельского, С. С. Тропской. — М. : Проспект, 2022. — 536 с.
22. Химичева Н. И., Покачалова Е. В. Принципы российского финансового права как базисные принципы банковской деятельности // Банковское право. — 2013. — № 6. — С. 8–18.
23. Химичева Н. И. Научно обоснованные принципы финансового права как вектор его действия, развития и формирования новой методологии преподавания // Финансовое право. — 2009. — № 2. — С. 4–6.
24. Шевелева Н. А. Бюджетное выравнивание в России как способ гармонизации межбюджетных отношений (2000–2015) // Сравнительное конституционное обозрение. — 2015. — № 2. — С. 32–44.
25. Экологическое право : учебник / под ред. З. Ф. Сафина, Е. В. Луневой. — М. : Проспект, 2022. — 400 с.
26. Экологическое право : учебник для вузов / под ред. С. А. Боголюбова. — 7-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2023. — 304 с.
27. Экологическое право : учебник для бакалавров / отв. ред. Н. Г. Жаворонкова, И. О. Краснова. — М. : Проспект, 2018. — 376 с.

Материал поступил в редакцию 5 мая 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Arbuzkin A. M. Obshchestvoznaniye. Chast pervaya: ucheb. posobie. — 11-e izd., pererab. i dop. — M.: Zertsalo-M, 2019. — 312 s.
2. Biryukova N. N. Mezhotraslevaya vzaimosvyaz ekologicheskogo i finansovogo prava cherez prizmu chrezvychaynykh ekologicheskikh situatsiy // Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. — 2017. — № 2. — S. 137–142.
3. Bogolyubov S. A. Razvitie ekologicheskogo prava na evraziyskom prostranstve: monografiya. — M.: IZiSP pri Pravitelstve RF: Infra-M, 2020. — 432 s.
4. Brinchuk M. M. Osoboe mesto i osobaya rol ekologicheskogo prava v pravovoy sisteme Rossii // Ekologicheskoe pravo. — 2010. — № 5. — S. 2–12.
5. Brinchuk M. M. Ekologicheskoe pravo: uchebnik // SPS «KonsultantPlyus», 2008.
6. Bulgakov M. B., Yalbulganov A. A. Prirodookhrannyye akty: ot Russkoy Pravdy do petrovskikh vremen // Gosudarstvo i pravo. — 1996. — № 8. — S. 136–146.
7. Gerder I. G. Idei k filosofii istorii chelovechestva / per. i prim. A. V. Mikhaylova. — M.: Nauka, 1977. — 703 s.
8. Gracheva E. Yu. Gosudarstvennyy finansovyy kontrol kak vazhneyshiy instrument obespecheniya publichnykh interesov v usloviyakh rynka // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2014. — № 4 (4). — S. 20–29.

9. Gracheva E. Yu. Gosudarstvennyy finansovyy kontrol kak vazhneyshiy instrument obespecheniya publichnykh interesov v usloviyakh rynka // Lex russica (Russkiy zakon). — 2006. — Т. 65. — № 6. — С. 1056–1068.
10. Grinin L. E. Lektsiya: Prirodnyy faktor v aspekte teorii istorii // Filosofiya i obshchestvo. — 2011. — № 2. — С. 168–198.
11. Zapolskiy S. V. Teoriya finansovogo prava: nauchnye ocherki. — М.: RAP, 2010. — 372 s.
12. Kant I. Sochineniya: v 6 t. Т. 6. — М.: Mysl, 1966. — 743 s.
13. Kovrigin V. V. Obshchestvoznanie: uchebnik. — М.: Infra-M, 2024. — 303 s.
14. Krassov O. I. Ekologicheskoe pravo: uchebnik. — 4-e izd., peresmotr. — М.: Norma: Infra-M, 2023. — 528 s.
15. Lisina N. L. Istoriya razvitiya rossiyskogo zakonodatelstva po okhrane okruzhayushchey sredy v gorodakh (X v. — pervaya chetvert XVIII v.) // Vestnik Udmurtskogo universiteta. — 2017. — Т. 27. — № 2. — С. 127–132.
16. Rovinskiy E. A. Osnovnye voprosy teorii sovetskogo finansovogo prava: monografiya. — 2-e izd., ster. — М.: Norma: Infra-M, 2018. — 176 s.
17. Rukavishnikova I. V. Metod finansovogo prava / otv. red. N. I. Khimicheva. — 3-e izd., pererab i dop. — М.: Norma: Infra-M, 2011. — 288 s.
18. Rybakov A. V. Nalogovaya deyatel'nost' — funktsiya rossiyskogo gosudarstva // Vestnik Omskogo universiteta. — 1997. — № 2. — С. 83–85.
19. Finansovoe pravo: uchebnik / otv. red. E. Yu. Gracheva, O. V. Boltinova. — 2-e izd., pererab. i dop. — М.: Prospekt, 2020. — 624 s.
20. Finansovoe pravo: uchebnik / otv. red. I. V. Rukavishnikova. — 3-e izd., pererab. i dop. — М.: Norma: Infra-M, 2021. — 648 s.
21. Finansovoe pravo: uchebnik / pod red. K. S. Belskogo, S. S. Trop'skoy. — М.: Prospekt, 2022. — 536 s.
22. Khimicheva N. I., Pokachalova E. V. Printsipy rossiyskogo finansovogo prava kak bazisnye printsipy bankovskoy deyatel'nosti // Bankovskoe pravo. — 2013. — № 6. — С. 8–18.
23. Khimicheva N. I. Nauchno obosnovannye printsipy finansovogo prava kak vektor ego deystviya, razvitiya i formirovaniya novoy metodologii prepodavaniya // Finansovoe pravo. — 2009. — № 2. — С. 4–6.
24. Sheveleva N. A. Byudzhethnoe vyravnivanie v Rossii kak sposob garmonizatsii mezhyudzhethnykh otnosheniy (2000–2015) // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. — 2015. — № 2. — С. 32–44.
25. Ekologicheskoe pravo: uchebnik / pod red. Z. F. Safina, E. V. Lunevoy. — М.: Prospekt, 2022. — 400 s.
26. Ekologicheskoe pravo: uchebnik dlya vuzov / pod red. S. A. Bogolyubova. — 7-e izd., pererab. i dop. — М.: Yurayt, 2023. — 304 s.
27. Ekologicheskoe pravo: uchebnik dlya bakalavrov / otv. red. N. G. Zhavoronkova, I. O. Krasnova. — М.: Prospekt, 2018. — 376 s.

Овербукинг в авиаперевозках: проблемы и пути их решения

Аннотация. В мировой практике авиакомпаний на правовой основе широко используется сверхлимитное бронирование авиабилетов — овербукинг — как один из механизмов, позволяющих снизить убыточность при осуществлении перевозок в случае отказа части пассажиров от договора перевозки после приобретения билета. Российское законодательство не содержит положений, позволяющих авиакомпаниям использовать данный механизм. В современных условиях легитимация овербукинга в России обеспечит минимизацию убытков авиакомпаний и защитит права пассажиров за счет установленных законом мер компенсационного характера. Целью статьи является анализ возможности легитимации овербукинга в Российской Федерации и предложение мер правового характера по защите пассажиров. В статье использованы диалектический, сравнительно-правовой, системный методы, а также методы правового моделирования, анализа и анализа правовой действительности. Автором проведено исследование отдельных правовых норм Гражданского и Воздушного кодексов Российской Федерации относительно возможности расторжения или изменения договора авиаперевозки пассажира в одностороннем порядке (по инициативе перевозчика). Дано правовое обоснование такой возможности. Исследовано зарубежное законодательство в области овербукинга с целью использования некоторых его положений. Выработаны предложения по определению «лишнего» пассажира при овербукинге и применению компенсационных выплат. Обоснована возможность легитимации использования овербукинга при авиаперевозках пассажиров в Российской Федерации и обеспечение правовой защиты пассажира посредством компенсационных выплат.

Ключевые слова: овербукинг; сверхбронирование; авиаперевозчик; пассажир; договор перевозки пассажира; защита прав пассажира; компенсационные выплаты; легитимация; предпринимательский риск; расторжение договора перевозки; отказ от исполнения обязательства.

Для цитирования: Скучаев А. А. Овербукинг в авиаперевозках: проблемы и пути их решения // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 12. — С. 84–92. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.084-092.

© Скучаев А. А., 2023

* Скучаев Андрей Анатольевич, аспирант кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии
ул. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3, г. Саратов, Россия, 410056
skuchaev.aa@mail.ru

Overbooking in Air Transportation: Problems and Solutions

Andrey A. Skuchaev, Postgraduate Student, Department of Civil Law, Saratov State Law Academy
104/3, Chernyshevskiy St, Saratov, Russia, 410056
skuchaev.aa@mail.ru

Abstract. Overbooking is widely used by airlines worldwide as one of the mechanisms that reduces the loss-making during transportation in case some passengers cancel the contract of carriage after purchasing a ticket. Russian legislation does not contain provisions allowing airlines to use this mechanism. In modern conditions, legitimization of overbooking in Russia will ensure minimization of airlines' losses and protect the rights of passengers through compensatory measures established by law. The purpose of the paper is to analyze the possibility of legitimizing overbooking in the Russian Federation and propose legal measures to protect passengers. Methodologically the author relies on dialectical, comparative legal, systemic methods, as well as methods of legal modeling, analysis and analysis of legal reality. The author examined certain legal norms of the Civil and Air Codes of the Russian Federation regarding the possibility of termination or modification of the passenger air transportation agreement unilaterally (on the initiative of the carrier). The paper provides for a legal justification for this possibility of termination or modification of the passenger air transportation agreement unilaterally (on the initiative of the carrier). The foreign legislation in the field of overbooking has been studied in order to use some of its provisions. Proposals have been developed to determine the «excess» passenger during overbooking and the application of compensation payments. The possibility of legitimizing the use of overbooking in air transportation of passengers in the Russian Federation and ensuring the legal protection of passengers through compensation payments is substantiated.

Keywords: overbooking; air carrier; passenger; passenger carriage agreement; protection of passenger rights; compensation payments; legitimization; entrepreneurial risk; termination of the contract of carriage; refusal to fulfill obligations.

Cite as: Skuchaev AA. Overbooking in Air Transportation: Problems and Solutions. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(12):84-92. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.084-092.

Право предусматривает субъективную свободу человека выбрать поведение, соответствующее каким-либо его целям. Обеспечивая баланс реализации интересов физических, юридических лиц и общества в целом, в то же время право «зависит от интересов и во многом констатирует то, что уже есть»¹. Однако его нельзя отнести ко всеобщему благу, так как не могут быть удовлетворены любые потребности субъекта. «Один интерес правом стимулируется, другой — ограничивается», — указывает В. В. Субочев². Одновременно с этим доктор права Е. Н. Трубецкой замечает: «Право есть совокупность норм, с одной стороны, предоставляющих, а с другой стороны, ограничи-

вающих внешнюю свободу лиц в их взаимных отношениях»³.

С позиции концепции, признающей согласованный интерес сущностью права, рассмотрим такое явление, как овербукинг в авиaperезовках пассажиров — ситуация, при которой проданных на авиарейс билетов больше, чем реальных мест в самолете.

Статья 103 Воздушного кодекса РФ⁴ (далее — ВЗК РФ) устанавливает, что основанием для осуществления перевозки авиапассажиров является договор воздушной перевозки пассажира, по которому перевозчик обязуется перевезти пассажира воздушного судна в пункт назначения с предоставлением ему места на воздушном

¹ Субочев В. В. Законные интересы / под ред. А. В. Малько. М.: Норма, 2008. С. 22.

² Субочев В. В. Указ. соч. С. 29.

³ Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб.: Юрид. ин-т, 1998. С. 16.

⁴ Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.

судне, а пассажир обязуется оплатить воздушную перевозку.

Требования к расписанию рейсов установлены Правилами воздушных перевозок⁵ (далее — Правила). Существенным условием договора воздушной перевозки пассажира является его предмет: «действия перевозчика по доставке пассажира в пункт назначения, а при сдаче пассажиром багажа — и указанного багажа, а также действия пассажира по уплате установленной платы за проезд и провоз багажа»⁶. Для сторон данного договора установлена ответственность за нарушение обязательств по заключенному договору. Однако при посадке на воздушное судно может возникнуть ситуация овербукинга, в результате которой наблюдается ненадлежащее исполнение договора перевозки.

Механизм использования овербукинга в России начал обсуждаться при переходе к рыночным отношениям в 1990-е гг. По мере его внедрения перевозчиками всё острее становится проблема правового регулирования, состоящая в том, что до сих пор отсутствует правовая регламентация овербукинга в Российской Федерации в отличие от иностранных государств, хотя нет и законодательного запрета на его использование. Такая ситуация порождает ряд правовых затруднений, связанных с неправомерным нарушением условий заключенного договора. Не выработан механизм корректного определения «лишнего» пассажира. Видится обоснованным вывод, сделанный В. В. Субочевым: «Право объективно не может не отставать от возникающих интересов, иначе оно не смогло бы их отразить, пропустить через свою нормативную природу»⁷.

Ряд ученых поднимали в своих работах тему овербукинга: К. А. Мозговая, Ю. А. Тарасенко, В. В. Тимофеева, Г. М. Фридман, но в основном имеются отдельные высказывания экспертов по данной теме.

Актуальность проблемы обостряется в последние годы в связи с пандемией коронавируса, санкциями, введенными иностранными государствами в отношении Российской Федерации, закрытием воздушного пространства Европы для самолетов, контролируемых Россией, резко снизилась доходность авиакомпаний. Пассажиропоток аэропортов России сократился, компании закрыли многие рейсы за рубеж, и также снизилась интенсивность рейсов внутри страны. Количество пассажиров, перевезенных российскими авиакомпаниями по итогам 2022 г., составило 95,21 млн человек (снижение на 14,21 % по сравнению с 2021 г.)⁸.

Перечисленные факторы побуждают использовать методы, позволяющие минимизировать убытки при авиаперевозках пассажиров. Одним из способов повышения эффективности на востребованных рейсах является использование зарекомендовавшего себя в мировой практике овербукинга. Возможная корректировка действующего законодательства, в частности ВЗК РФ и Федеральных правил перевозки пассажиров, позволит изменить существующий порядок процедуры бронирования — допустить сверхлимитную продажу билетов на авиарейсы.

Более 7 лет авиакомпании безуспешно пытаются легализовать сферу овербукинга: Правительство РФ и Госдума не принимают положительного решения, вероятно, из-за риска возникновения социальной напряженности и

⁵ Приказ Министерства транспорта РФ от 28.06.2007 № 82 «Об утверждении Федеральных авиационных правил “Общие правила воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и требования к обслуживанию пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей”» (в ред. от 15.09.2020) (зарегистрировано в Минюсте России 27.09.2007 № 10186) // Российская газета. 2007. № 225.

⁶ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. М.: Статут, 2003. Кн. 4 : Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. С. 165.

⁷ Субочев В. В. Указ. соч. С. 36.

⁸ См.: доклад Федерального агентства воздушного транспорта «Об итогах работы Федерального агентства воздушного транспорта в 2022 г., основных задачах на 2023 г. и среднесрочную перспективу» от 10.03.2023 С. 4 // URL: <https://favt.gov.ru/public/materials/b/8/d/f/9/b8df9075c7294acaa9d8fe739b1815d0.pdf?ysclid=Ihrhu9v3r9747169077/> (дата обращения: 30.04.2023).

отсутствия должного теоретического обоснования. Минтранс России еще в 2015 г. предлагал регламентировать сферу овербукинга, но предложение не было поддержано. В 2021 г. в Госдуму внесен противоположный законопроект⁹: предлагается запретить продавать на авиарейсы большее количество билетов, чем мест в воздушном лайнере, и ввести в случае нарушения запрета штрафные санкции в размере 10-кратной стоимости приобретенного билета. Комитет Госдумы по транспорту отрицательно отнесся к данному законопроекту, и, думается, он будет отклонен.

Существование неурегулированных отношений порождает ситуацию незащищенности граждан. Отсутствие в законодательстве нормы, позволяющей и регламентирующей применение овербукинга, провоцирует авиаперевозчиков применять его завуалированно, в скрытой форме, объясняя продажу лишних билетов техническим сбоем или перегрузкой воздушного судна, что недопустимо. Более того, в таких случаях потенциальные пассажиры, в отношении которых не исполнены обязательства или исполнены с нарушением срока, не защищены с правовой точки зрения.

В качестве примера можно привести решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 29.01.2020¹⁰. Авиакомпания «Ютэйр» в июне 2019 г. отказала в регистрации и посадке в самолет двум пассажирам, которые приобрели билеты на рейс авиакомпании и заблаговременно прибыли в аэропорт, и предложила им переоформить билеты на следующий рейс. Перевозчик указал, что причиной отказа явилось превышение предельной коммерческой загрузки воздушного судна.

В октябре 2019 г. Роспотребнадзор вынес постановление о признании авиакомпании виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 ст. 14.4 КоАП РФ, и назначил ей наказание в

виде административного штрафа в размере 30 000 руб. При оспаривании данного решения в рамках судебного разбирательства авиакомпания не представила доказательств, подтверждающих принятие соответствующего решения. Суд отказал в удовлетворении заявления авиакомпании «Ютэйр» о признании недействительным постановления Роспотребнадзора о привлечении перевозчика к административной ответственности.

В рассмотренном случае наиболее вероятной причиной отказа пассажирам в посадке на рейс стал овербукинг. Указанная практика сама по себе законом не запрещена, но, как видно из рассмотренного дела, она может повлечь негативные для авиакомпании последствия, а права пассажиров не будут защищены надлежащим образом.

Запрет овербукинга, по нашему мнению, неэффективен ввиду возможности его обхода авиакомпаниями; более того, ответственность за нарушение запрета будет иметь административный, а не гражданско-правовой характер, то есть пассажир остается в уязвимом положении, к тому же перевозчики будут компенсировать риски за счет повышения цен на билеты.

Требуется законодательная регламентация сверхлимитных продаж авиабилетов и выстраивание четкого алгоритма взаимодействия пассажиров и авиакомпаний в таких случаях.

Как показывает статистика, на любой рейс приходит меньше пассажиров, чем продано авиабилетов. Первой причиной этого является возвращение билетов их покупателями за некоторый срок до вылета. Если этот срок не менее суток, провозная плата возвращается полностью, а билеты на освободившиеся места могут быть проданы повторно. Поскольку в настоящее время приобретение билетов осуществляется в основном в электронном виде, вероятность убытка для авиакомпании минимальна. Если же пассажир отказался от полета менее чем за сутки до вылета, то убытки перевозчика оцени-

⁹ См.: проект федерального закона № 1122806-7 «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/buil/1122806-7> (дата обращения: 05.04.2023).

¹⁰ Решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 29.01.2020 по делу № А75-20435/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

ваются в 75 % от стоимости билета (эта сумма возвращается пассажиру), т.к. повторно продать билет в этом случае ограниченного времени значительно сложнее, чаще всего нереально.

Второй причиной является неявка лиц, приобретших или забронировавших билеты, но не явившихся к моменту регистрации на рейс и не заявивших об отказе от договора. В этом случае согласно ст. 108 ВЗК РФ провозная плата не возвращается (за исключением болезни пассажира или членов его семьи или смерти родственников пассажира, о чем необходимо уведомить перевозчика до окончания времени регистрации на рейс), а следовательно, авиаперевозчик не терпит убытков. Здесь следует говорить об упущенной выгоде.

Нередко авиакомпании продают больше билетов только эконом-класса, и при наличии мест в бизнес-классе туда пересаживают пассажиров, которым не досталось места в эконом-классе.

Обратимся к зарубежному опыту. Многие иностранные авиакомпании применяют овербукинг на законных основаниях. В США он применяется с 1950-х гг. Так как овербукинг используется столь долгое время, следовательно, он видится вполне обоснованным для авиакомпаний, а правовая защита вполне удовлетворяет пассажиров. Вопросы, связанные с овербукингом, в США подробно регламентируются предписаниями министерства транспорта, федеральными и локальными авиационными правилами. При регистрации на рейс большего, чем имеется мест, количества пассажиров представитель авиакомпании обязан предложить пассажирам вариант более позднего рейса в обмен на материальную компенсацию, размер которой может достигать 400 % стоимости билета, однако ограничен суммой в 1 550 долл. При отсутствии желающих представитель авиакомпании может принудительно снять с рейса любого пассажира, вернув ему стоимость биле-

та и выплатив компенсацию. Критерии выбора «лишнего» пассажира устанавливаются внутренними правилами перевозчика. В США размер компенсации за овербукинг зависит от времени прибытия следующего рейса: если задержка составит менее 1 часа — компенсация не положена; при задержке от 1 до 2 часов выплачивается компенсация в размере не менее 200 % цены билета, но не более 775 долл.; при задержке более 2 часов компенсация составит 400 % от стоимости билета, но не более 1 550 долл.¹¹

В зоне Европейского Союза правовое регулирование несколько отличается. В 2004 г. был принят Регламент Европейского парламента¹², устанавливающий общие правила компенсации пассажирам в случае отказа в посадке на авиарейс при наличии билета или брони. В то же время Регламент направлен на обеспечение эффективной деятельности авиаперевозчиков на рынке. Законодательно прописано, что в случае овербукинга авиаперевозчик обязан обратиться к пассажирам с предложением добровольно отказаться от полета в обмен на компенсацию: пассажиру возвращается стоимость билета или предлагается другой авиарейс. Например, по данным компании Lufthansa, национального перевозчика Германии, число добровольцев является достаточным. Если же добровольцев недостаточно, пассажирам может быть отказано в посадке на рейс и против их воли при немедленной выплате компенсации, которая составляет от 250 до 600 евро в зависимости от дальности полета. Если же пассажира пересаживают на другой рейс, то размер компенсации может быть уменьшен на 50 % при условии прибытия в пункт назначения с опозданием не более 4 часов в сравнении с первоначальным рейсом. При этом на время ожидания следующего рейса пассажирам создаются благоприятные условия. Таким образом, права пассажиров максимально защищены. Размер компенсаций

¹¹ См.: code of Federal Regulations. Title 14 § 250.5 // URL: <https://www.ecfr.gov/current/title-14/chapter-II/subchapter-A/part-250/section-250.5> (дата обращения: 05.04.2023).

¹² Регламент (ЕС) № 261/2004 Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 11.02.2004 об установлении общих правил в области компенсации и содействия пассажирам в случае отказа в посадке, отмены или длительной задержки авиарейса и об отмене Регламента (ЕЭС) № 295/9 // СПС «Консультант-Плюс».

достаточно большой, но, как показывает практика, это выгодно и авиакомпаниям. Применение сверхлимитного бронирования авиабилетов применяется также в Китае, Канаде, Норвегии, Швейцарии и многих других странах. Поэтому российским законодателям имеет смысл обратить внимание на опыт зарубежных компаний.

Авиакомпании при легализации овербукинга, конечно же, будут продавать сверхлимитные билеты в пределах разумного количества, т.к. они не заинтересованы в отказе пассажирам в посадке на запланированный рейс, поскольку в итоге их общие расходы могут превысить доходы от повторной продажи билетов. Перевозчик под угрозой экономических рисков заинтересован максимально точно определить число билетов, продаваемых сверх количества мест.

Сохраняется обязанность по перевозке пассажира и предоставлению ему услуг, связанных с задержкой рейса, в соответствии с п. 99 Правил. А потому злоупотреблять таким механизмом перевозчикам невыгодно. Перед экспертами авиакомпаний будет поставлена задача проведения мониторинга и анализа неявок пассажиров и возвратов билетов по конкретным рейсам с помощью применения математических методов. Компьютерные программы позволят перевозчику спрогнозировать размер материальных затрат на компенсации, а также оценить, какое количество билетов можно продать сверх вместимости и какой доход при этом будет получен. При моделировании можно установить пределы компенсационных затрат, оптимальные размеры выплат. Очевидно, что передовые технологии в области искусственного интеллекта, нейросетей найдут здесь свое применение. И только после оценки экономической выгоды компания примет решение о применении овербукинга при бронировании билетов

на тот или иной рейс. Думается, что авиакомпании уже длительное время проводят такую оценку, так как они давно лоббируют принятие положительного решения по данному вопросу. Овербукинг допустим преимущественно на тех рейсах, долговременный мониторинг которых показывает высокую долю вероятности неявки части пассажиров.

Как указывает Ю. А. Тарасенко, «овербукинг — явление, которое стало возможным в условиях столкновения двух правомочий. С одной стороны, пассажир имеет безусловное право отказаться от уже заключенного договора, а с другой — перевозчик имеет право на получение доходов с продажи билетов и вынужден возвращать их часть в самый последний момент, потерпев убытки»¹³. Следует отметить, что Ю. А. Тарасенко не приняты во внимание положения концепции предпринимательского риска.

Согласно мировой практике, применение овербукинга позволяет повысить доход от продажи билетов на рейс на 6–7 %. Проблема изменения условий договора решается с помощью установленных законом денежных компенсаций пострадавшим пассажирам. Задача законодателя в том, чтобы сбалансировать интересы пассажира и перевозчика, найти оптимальное решение возникающих при этом проблем.

Статья 3 Федерального закона от 14.06.2012 № 67-ФЗ¹⁴ подтверждает, что перевозка пассажира — это услуга, признаваемая транспортными уставами, кодексами, иными федеральными законами перевозкой пассажира. В соответствии с Госстандартом РФ ГОСТ Р 50646-2012¹⁵ услуга — это результат непосредственного взаимодействия исполнителя и потребителя, а также собственной деятельности исполнителя по удовлетворению потребности потребителя. Наиболее широко определял услугу доктор

¹³ Тарасенко Ю. А. Овербукинг на транспорте: проблема определения «лишнего» пассажира // Транспортное право и безопасность. 2021. № 1 (37). С. 107.

¹⁴ Федеральный закон от 14.06.2012 № 67-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном» // СЗ РФ. 2012. № 25. Ст. 3257.

¹⁵ ГОСТ Р 50646-2012 Национальный стандарт Российской Федерации. Услуги населению. Термины и определения (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 29.11.2012 № 1612-ст) // СПС «Консультант-Плюс».

юридических наук Ю. Х. Калмыков: это деятельность, направленная на создание удобств или предоставление льгот контрагенту по обязательственному правоотношению¹⁶. М. И. Брагинский отмечал, что «договоры о перевозке и об иных услугах в сфере транспорта рассматриваются в контексте общей системы гражданско-правовых договоров. В этом смысле все указанные договоры относятся к категории гражданско-правовых договоров об оказании услуг»¹⁷. То есть перевозку пассажиров можно однозначно трактовать как услугу.

Из общих положений об обязательствах известно, что одностороннее расторжение договора невозможно. В то же время ст. 310 Гражданского кодекса РФ¹⁸, являясь отсылочной, позволяет стороне договора, занимающейся предпринимательской деятельностью, в одностороннем порядке отказаться от исполнения обязательств, но только если законом или иным правовым актом предусмотрена такая возможность. Однако нормы ГК РФ и ВЗК РФ о перевозках пассажиров этого не предусматривают.

Отношения по перевозке пассажиров имеют специфику. Согласно общему принципу права «*lex specialis derogat generali*» (если есть специальный закон, то общий закон не применяется), по нашему мнению, имеет смысл в ВЗК РФ как в специальный закон об авиаперевозках ввести положение о предоставлении авиаперевозчику права на одностороннее изменение или отказ от исполнения обязательства при условии полного возмещения заказчику убытков. Например, такая норма содержится в ст. 782 ГК РФ¹⁹ относительно целого ряда услуг. По смыслу этой статьи односторонний отказ не ограничен во времени, он допустим в любое время: как до оказания услуги, так и в процессе ее оказания. Ключевая особенность действия данной нормы

состоит в том, что право на односторонний отказ от исполнения договора установлено императивно и даже соглашением сторон изменено быть не может. Данный факт подтвержден в постановлении Президиума ВАС РФ от 07.09.2010 № 2715/10²⁰.

Статья 782 ГК РФ предоставляет право на односторонний отказ услугодателю, однако ее действие не распространяется на услуги перевозки в силу п. 2 ст. 779 ГК РФ. Так как перевозка классифицируется как услуга, что было обосновано нами выше, в случае узаконения овербукинга аналогичная специальная правовая норма должна содержаться в ВЗК РФ.

Перейдем к рассмотрению вопросов, которые обязательно возникнут в процессе применения овербукинга.

1. Соотношение общих положений об обязательствах и отказа от исполнения договора или изменения его условий при овербукинге.

Допустим, на авиарейс продано сверхлимитное количество билетов, а отказов от полета нет, то есть невозможно исполнить обязательства перед всеми кредиторами в установленный в договоре срок. Происходит отказ в посадке на данный рейс лицам, оплатившим стоимость билета или забронировавшим его, а следовательно, необходимо применение компенсационных мер.

В настоящее время авиакомпании используют такой способ компенсации, как бонусные баллы — мили, на которые можно приобрести билет со скидкой. Некоторые авиакомпании могут предложить вместо денег ваучер — документ, который пассажир может обменять на другой перелет. Например, по такому ваучеру можно получить от авиакомпании бесплатно два билета в течение года. Возможно достижение соглашения с пассажиром о полете другим

¹⁶ Калмыков Ю. Х. К понятию обязательства по оказанию услуг в гражданском праве // Наука. 1966. № 5. С. 116.

¹⁷ Брагинский М. И. Указ. соч. С. 4.

¹⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 16.04.2022) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 08.07.2021) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

²⁰ СПС «КонсультантПлюс».

ближайшим рейсом с выплатой компенсации. Однако в этом случае пассажир добровольно изменяет условия договора, а в соответствии с Правилами (п. 230.1) дополнительные компенсации пассажирам при этом не предусмотрены.

Необходимо принятие правовых норм с определением твердых компенсационных выплат пассажиру при овербукинге. При этом пассажиру должно быть известно уже во время приобретения билета (без указания места, поскольку пункт 16 Правил позволяет не бронировать конкретное место за пассажиром) о возможности изменения условий договора со стороны перевозчика в случае явки всех пассажиров, которые приобрели билеты с указанием места. Пассажиры должны получить такую информацию до того, как столкнутся с проблемами.

2. Определение «лишнего» пассажира.

Некоторые правоведы, например Ю. А. Тарасенко²¹, предлагают за основу взять цель перевозки, что, на наш взгляд, является излишне казуистичным и абсолютно неприемлемым. Установить цель перелета достоверно довольно сложно. Определять, например, приоритет командировки перед свадьбой неразумно. Аналогично и с другими ситуациями. В то же время приоритет посадки на рейс лиц с ограниченными возможностями, пассажиров с малолетними детьми, лиц, нуждающихся в сопровождении, инвалидов, пассажиров стыковочных рейсов неоспорим. О своей льготной категории потенциальный пассажир должен уведомить перевозчика при приобретении или бронировании билета.

Законом можно предусмотреть несколько вариантов определения «лишних» пассажиров, указав при этом алгоритм их применения. Это, например, пассажиры, кто:

— добровольно согласен отказаться от полета или полететь другим рейсом, получив компенсацию. Европейская практика овербукинга показывает, что вероятность найти среди пассажиров тех, кто добровольно готов отложить рейс на некоторое время в обмен на компенсацию, весьма высока;

— при бронировании билета был уведомлен о попадании в зону риска овербукинга, т.е. те, кто приобретают билеты в последнюю очередь и без указания места (здесь может быть предусмотрена определенная скидка на стоимость билета; пассажир может приобрести билет по льготной цене, но с риском овербукинга, а может — по повышенному тарифу, со страховкой от этого);

— последними приходят на регистрацию рейса, опаздывают на рейс (кроме пассажиров льготной категории).

Не должно быть правомерным снятие с рейса пассажира, уже находящегося на борту воздушного судна. Исключение могут составить случаи добровольного согласия на это пассажира.

По нашему мнению, приоритетным после добровольно согласившихся на изменение договора пассажиров является вариант отказа в посадке на рейс пассажирам, которые приобрели билеты последними и без указания места. И еще раз подчеркиваем, что потенциальному пассажиру заранее должно быть известно, что существует вероятность отмены его полета в назначенный срок.

3. Размер компенсационных выплат.

Авиаперевозчики должны заранее оценить, на каких рейсах овербукинг будет экономически целесообразен. По нашему мнению, не имеет смысла использовать сверхлимитные продажи билетов на дальнемагистральных рейсах, так как велики затраты по пересадке пассажира на альтернативные рейсы. Овербукинг должен быть исключен на рейсах с минимальной частотой — менее 2–3 раз в неделю.

Возможно установить компенсационную выплату в размере, в 2,5 раза превышающем стоимость авиабилета, либо поставить ее в зависимость от дальности полета или от времени задержки прибытия в аэропорт назначения. Компенсация при согласии на перебронирование может быть ниже, чем при отказе от полета. На наш взгляд, при расторжении договора должна быть возвращена стоимость билета и выплачена компенсация, в 2,5 раза превышающая размер этой стоимости; при изменении условий дого-

²¹ См.: Тарасенко Ю. А. Указ. соч. С. 109–110.

вора (альтернативный рейс) стоимость билета остается неизменной, а выплата компенсации производится в таком же размере, как и в случае расторжения договора. При этом размер компенсации должен определяться по чистому тарифу, без учета установленных сборов. В любом случае должны быть учтены интересы обеих сторон договора.

Если овербукинг будет узаконен, то защищены будут обе стороны договора. Перевозчик сможет правомерно отказать пассажиру в

посадке на рейс при овербукинге в случае явки всех пассажиров. Пассажир будет защищен выплатой достойной компенсации. Пассажиры смогут заблаговременно оценивать возможные сложности.

Внести необходимые изменения в правовые акты, в частности в гл. 1 ВЗК РФ и Общие правила воздушных перевозок пассажиров, можно на основе практики иностранных перевозчиков, но непременно принимая во внимание специфику нашего государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 4 : Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. — М. : Статут, 2003. — 485 с.
2. Калмыков Ю. Х. К понятию обязательства по оказанию услуг в гражданском праве // Наука. — 1966. — № 5. — С. 116–119.
3. Субочев В. В. Законные интересы / под ред. А. В. Малько. — М. : Норма, 2008. — 496 с.
4. Тарасенко Ю. А. Овербукинг на транспорте: проблема определения «лишнего» пассажира // Транспортное право и безопасность. — 2021. — № 1 (37). — С. 107–110.
5. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. — СПб. : Юрид. ин-т, 1998. — 183 с.

Материал поступил в редакцию 17 мая 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Braginskiy M. I., Vitryanskiy V. V. Dogovornoe pravo. Kn. 4: Dogovory o perevozke, buksirovke, transportnoy ekspeditsii i inykh uslugakh v sfere transporta. — M.: Statut, 2003. — 485 s.
2. Kalmykov Yu. Kh. K ponyatiyu obyazatelstva po okazaniyu uslug v grazhdanskom prave // Nauka. — 1966. — № 5. — S. 116–119.
3. Subochev V. V. Zakonnye interesy / pod red. A. V. Malko. — M.: Norma, 2008. — 496 s.
4. Tarasenko Yu. A. Overbukiing na transporte: problema opredeleniya «lishnego» passazhira // Transportnoe pravo i bezopasnost. — 2021. — № 1 (37). — S. 107–110.
5. Trubetskoy E. N. Entsiklopediya prava. — SPb.: Yurid. in-t, 1998. — 183 s.

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.093-103

А. В. Латынцев*

Предложения по дифференциации уровня размера вознаграждения патентообладателей в условиях ограничения их исключительных прав в сфере здравоохранения

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы правового реагирования на недобросовестные либо неэффективные действия патентообладателей при осуществлении ими исключительных прав в сфере здравоохранения. В качестве правового инструментария реагирования при данных обстоятельствах предлагается не только ограничение исключительных прав в соответствии с правилами ст. 1360, 1360.1 и 1362 Гражданского кодекса РФ, но и дифференциация размера вознаграждения (соразмерной компенсации), полагающегося патентообладателям. Уменьшение размера данного вознаграждения (вплоть до его обнуления) предлагается поставить в зависимость от наличия факторов недобросовестности действий либо бездействия патентообладателей, повлиявших на доступность на российском рынке фармацевтических и медицинских товаров, работ и услуг, в которых используются соответствующие объекты патентной охраны. Предлагаемая дифференциация, с одной стороны, позволит стимулировать патентообладателей к более активным действиям, направленным на обеспечение доступности на российском рынке соответствующих фармацевтических и медицинских товаров, работ или услуг, а с другой стороны, в правоприменительной практике унифицированно и более эффективно реагировать на недобросовестные действия или бездействие правообладателей, приведшие к проблемам с доступностью высоко социально значимых товаров в сфере здравоохранения. При этом отмечается несправедливость уравнивания всех зарубежных патентообладателей, связанных с недружественными странами, и обнуление размера их вознаграждения в ситуациях, указанных в абз. 2 п. 2 методики, утвержденной постановлением Правительства РФ от 18.10.2021 № 1767 (в редакции от 06.03.2022).

Ключевые слова: патенты; результаты интеллектуальной деятельности; ограничение исключительных прав патентообладателей; принудительное лицензирование; Соглашение ТРИПС; вознаграждение патентообладателей; соразмерная компенсация; фармацевтическое право; медицинское право; доступность товаров; недобросовестность; бездействие; дифференциация уровня вознаграждения патентообладателей.

Для цитирования: Латынцев А. В. Предложения по дифференциации уровня размера вознаграждения патентообладателей в условиях ограничения их исключительных прав в сфере здравоохранения // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 12. — С. 93–103. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.093-103.

© Латынцев А. В., 2023

* Латынцев Александр Викторович, кандидат юридических наук, директор Научно-исследовательского института правовых экспертиз и комплексных исследований
ул. Героев Панфиловцев, д. 9, корп. 3, г. Москва, Россия, 125480
info@niilex.ru

Proposals for Differentiating Remuneration for Patent Holders in the Context of Limiting their Exclusive Rights in Healthcare

Aleksandr V. Latyntsev, Cand. Sci. (Law), Director, Research Institute of Legal Expertise and Comprehensive Research
Geroev Panfilovtsev St, 9, bldg. 3, Moscow, Russia, 125480
info@niilex.ru

Abstract. The paper discusses current issues of legal response to unfair or ineffective actions of patent holders in the exercise of their exclusive rights in the field of healthcare. As a legal response tool in these circumstances, the author proposes not only to limit exclusive rights in accordance with the rules of Art. 1360, 1360.1 and 1362 of the Civil Code of the Russian Federation, but also differentiate the amount of remuneration (commensurate compensation) due to patent holders. It is proposed to reduce the amount of this remuneration (up to its zeroing) depending on the presence of factors of dishonesty of actions or inaction of patent holders that affected the availability on the Russian market of pharmaceutical and medical goods, works and services in which the corresponding objects of patent protection are used. The proposed differentiation, on the one hand, will stimulate patent holders to take more active steps aimed at ensuring the availability of relevant pharmaceutical and medical goods, works or services on the Russian market. On the other hand, in law enforcement practice, it will respond consistently and more effectively to unfair actions or inaction of rights holders, which led to problems with the availability of highly socially important goods in the healthcare sector. At the same time, it is noted that it is unfair to equalize all foreign patent holders associated with unfriendly countries and to zero the amount of their remuneration in the situations specified in paragraph. 2 clause 2 of the methodology approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated October 18, 2021 No. 1767 (as amended on March 6, 2022).

Keywords: patents; intellectual product; restriction of exclusive rights of patent holders; compulsory licensing; TRIPS Agreement; remuneration to patent holders; proportionate compensation; pharmaceutical law; medical law; availability of goods; dishonesty; inaction; differentiation of the level of remuneration of patent holders.

Cite as: Latyntsev AV. Proposals for Differentiating Remuneration for Patent Holders in the Context of Limiting their Exclusive Rights in Healthcare. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(12):93-103. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.093-103.

А. А. Мохов отмечает, что для медицинской деятельности в целом и ее обособленных блоков, частей характерно следующее: особое сочетание интересов ее субъектов и участников, а также государства и общества; специфический состав и сочетание экономических и неэкономических эффектов¹.

Для оптимизации сочетания и выравнивания баланса различных частных и публичных интересов в столь высоко социально значимой сфере, как здравоохранение, направлены, в

частности, правовые институты ограничения исключительных прав в случаях, предусмотренных в ст. 1360 и 1362 Гражданского кодекса РФ. Так, С. А. Сеницын приходит к обоснованному выводу, что правовым механизмом, направленным на создание оптимального баланса интересов производителей дженериков и оригинальных лекарственных препаратов, могли бы стать уточненные положения ст. 1360 ГК РФ². По мнению Т. В. Дерюгиной, суть ограничений заключается в том, что они уравнивают баланс интересов,

¹ Мохов А. А. Концепция правового регулирования медицинской деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 4 (149). С. 93–104.

² Защита исключительных прав на изобретения, используемые в лекарственных препаратах: проблемы правового регулирования и направления совершенствования законодательства : монография / А. А. Аюрова, О. В. Гутников, С. А. Сеницын [и др.] ; отв. ред. О. В. Гутников, С. А. Сеницын. М. : ИЗиСП, Контракт, 2019. 208 с.

во-первых, публичных и частных, а во-вторых, частных и частных³.

Одной из проблем применения данных правовых механизмов является то, что они недостаточно гибкие и не учитывают, например, многие особенности поведения патентообладателей, в частности предшествующего и повлекшего ограничение их исключительных прав.

Так, отдельного внимания заслуживают злоупотребления исключительными правами недобросовестных патентообладателей, деятельность которых не учитывает общественные интересы и направлена на максимизацию прибыли. Среди негативных факторов в патентной сфере можно назвать формирование пулов «вечнозеленых» патентов, патентный троллинг, злоупотребление исключительными правами с целью увеличения прибыли за счет недобросовестного ограничения конкуренции и т.п.

К негативным тенденциям также следует отнести недостаточную активность некоторых патентообладателей в увеличении доступности социально значимых товаров, работ и услуг, в которых применяются принадлежащие им результаты интеллектуальной деятельности. Данные недоработки наиболее ощутимы в сфере инновационного здравоохранения.

Нельзя не учитывать также особенности реалий нашей страны, в которых зарубежные санкции могут влиять на доступность медицинской и иной высоко социально значимой продукции.

Одним из правовых механизмов реагирования на указанные негативные факторы может стать, наравне с ограничением исключительных прав недобросовестных и неэффективных патентообладателей, предусмотренным существующими в российском гражданском законодательстве правовыми институтами принудительного лицензирования и безлицензионного (бездоговорного) правомерного использования объектов патентной охраны без согласия их патентообладателей (ч. 3 ст. 1359 и ст. 1360, 1360.1 ГК РФ), также введение нормативной регламентации существенного уменьшения (вплоть до

его обнуления) размера вознаграждения, причитающегося патентообладателям, чьи действия являются недобросовестными.

Возможные подходы к дифференциации мер защиты исключительных прав патентообладателей в зависимости от соблюдения ими пределов осуществления прав и с учетом общественных интересов

В российской научной литературе можно встретить критику преобладающего в правоприменительной практике прямолинейного подхода к защите интересов патентообладателей и предложения по необходимости учета при разрешении патентных споров возможной недобросовестности правообладателей при осуществлении ими исключительных прав, а также учета общественных интересов.

А. С. Ворожевич по результатам исследования зарубежной практики конкретизировала два подхода к защите исключительного права:

1. «Немецкий» подход по принципу «всё или ничего», суть которого при рассматриваемых обстоятельствах сводится к тому, что суд при обнаружении использования в продукте ответчика охраняемого результата интеллектуальной деятельности истца применяет в качестве мер защиты не только возмещение убытков, но и запрет на подобное использование. Данный подход обычно приводит к большим убыткам нарушителя и зачастую блокировке его деятельности, что привлекает для использования европейской судебной системы крупные корпорации в достижении ими своих стратегических целей в патентных войнах.

2. При «американском» же подходе к реализации защиты исключительного права приоритетным для судов становится поиск гибкого и многовариантного баланса интересов сторон, даже в ситуации, когда был доказан факт правомерного использования ответчиком объекта патентной охраны, принадлежащего истцу. При-

³ Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности : монография / В. К. Андреев, Л. В. Андреева, К. М. Арсланов [и др.] ; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М. : Юстицинформ, 2016. 340 с.

знание данного факта судом еще не означает, что подобное использование будет запрещено ответчику. Согласно ст. 283 Патентного закона США, при подтверждении нарушения патента суд исходит из принципов целесообразности и справедливости. При этом в силу ст. 284 указанного американского закона при вынесении решения в пользу истца суд присуждает ему компенсацию ущерба в достаточном размере с учетом особенностей нарушения⁴. Так, истцу, несмотря на то, что было доказано нарушение его патента, американским судом может быть отказано в защите его права, если в действиях истца усматриваются противоречия публичным интересам либо доказаны факты осуществления им исключительного права с целью ограничения конкуренции (например, диктат патентообладателем уровня цен; навязывание условий, невыгодных для контрагента; установление территориальных ограничений и т.п.), а также иные факты патентного злоупотребления (*misuse of patent*)⁵.

При этом, сравнивая указанные зарубежные подходы с российской судебной практикой, А. С. Ворожевич констатирует, что российские суды обычно в случае подтверждения нарушения исключительного права удовлетворяют иски как о выплате убытков, так и о пресечении действий, нарушающих право истца. При этом ими не исследуются такие факторы, как общественный интерес, добросовестность истца (патентообладателя), соразмерность мер защиты нарушению⁶.

Фактически российские суды следуют «немецкой» категоричной модели защиты интересов патентообладателей, что, с одной стороны, существенно повышает риски компаний (в частности, дженериковых) при инвестировании и локализации производства в России за счет возможных патентных споров с крупными западны-

ми патентодержателями, зарегистрировавшими большое количество «вечнозеленых» патентов, а с другой стороны, позволяет недобросовестным патентообладателям и дальше использовать патентную систему для ограничения конкуренции в своих интересах.

В контексте проводимого исследования нужно обратить внимание на учет публичных интересов в близких правоотношениях в области конкурентного права. По мнению А. Н. Варламовой, конкуренция — это публичное благо, наличие которого обеспечивает социально-экономическое благосостояние общества в целом и наилучшее удовлетворение как частных интересов отдельных лиц, так и публичных интересов неопределенного круга лиц — потребителей⁷. За нарушение антимонопольных требований, в частности повлекшее за собой ограничение доступности товаров, работ либо услуг, виновные лица несут предусмотренную действующим законодательством ответственность (ч. 1 ст. 37 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»).

Однако российское антимонопольное законодательство исходит из принципов:

1) нераспространения требований ст. 10 (запрет на злоупотребление доминирующим положением) Федерального закона «О защите конкуренции» на действия по осуществлению исключительных прав (ч. 4 данной статьи);

2) нераспространения требований ст. 11 (запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения) указанного антимонопольного закона на соглашения о предоставлении и (или) об отчуждении права использования результата интеллектуальной деятельности (ч. 9 данной статьи).

Можно присоединиться к критике негибкости данных положений российского антимонопольного законодательства, не учитывающих

⁴ United States Code. Title 35 «Patents» // URL: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/35> (дата обращения: 08.09.2023).

⁵ Ворожевич А. С. Исключительное право: сущность, принципы и пределы защиты // Вестник гражданского права. 2013. № 6. С. 41–83.

⁶ Ворожевич А. С. Указ. соч.

⁷ Варламова А. Н. Принцип свободы договора в конкурентном праве // Конкурентное право. 2020. № 1. С. 6–9.

злоупотребление недобросовестными патентообладателями своими исключительными правами с целью неправомерного ограничения конкуренции.

Важно также отметить, что российское законодательство не использует предусмотренные международным правом возможности антимонопольного принудительного лицензирования либо использования иного правового инструментария для оперативного реагирования на антиконкурентные действия со стороны недобросовестных патентообладателей. Так, в силу ст. 10.bis Парижской конвенции об охране промышленной собственности государства — участники данной конвенции вправе обеспечивать эффективную защиту от недобросовестной конкуренции, в частности в сфере патентных правоотношений. В свою очередь, часть 1 ст. 40 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Соглашение ТРИПС) допускает, что некоторые действия правообладателей интеллектуальной собственности могут неблагоприятно влиять на конкуренцию и препятствовать передаче и распространению технологий. При данных обстоятельствах ничто не препятствует странам — членам данного международного соглашения закреплять в своем законодательстве и принимать надлежащие меры для предотвращения злоупотреблений правами интеллектуальной собственности, оказывающих неблагоприятное влияние на конкуренцию (ч. 2 ст. 40 Соглашения ТРИПС).

Однако данные возможности до сих пор не получили надлежащего отражения в российском законодательстве.

Анализируя указанные выше положения Соглашения ТРИПС, Р. И. Ситдикова конкретизирует закрепленный в них принцип недопустимости злоупотребления интеллектуальными правами, а также выделяет злоупотребление правами интеллектуальной собственности в качестве отдельной формы злоупотребления правом⁸.

При исследовании аспектов злоупотребления исключительным правом в контексте дифференциации мер реагирования важно учитывать соблюдение критериев добросовестности со стороны правообладателей.

А. В. Волков приходит к выводу, что признание субъекта добросовестным либо недобросовестным означает признание его поведения правомерным либо неправомерным. Однако неправомерность в смысле недобросовестности порождает не наказание, а иные, более гибкие последствия, например блокировка возникновения прав и обязанностей (ст. 157 ГК РФ), поражение права на заявление о недействительности сделки (ст. 166 ГК РФ), возмещение вреда (ст. 1103 ГК РФ) и т.п. При этом В. С. Комарицкий отмечает, что недобросовестность предполагает поведение, не учитывающее интересы другой стороны в ситуации, когда у субъекта права была возможность их учесть, проявив должную заботу об интересах контрагента⁹.

Подобные подходы к учету недобросовестности поведения правообладателя при осуществлении им исключительных прав, а также к учету общественных интересов вполне могут быть применены при дифференциации уровня размера вознаграждения (соразмерной компенсации) патентообладателя при ограничении его прав. При этом для патентных правоотношений в сфере здравоохранения аспекты недобросовестности более многогранны, особенно в части учета общественных интересов по обеспечению доступности медицинских товаров, работ и услуг.

Как известно, требование по добросовестности действий для участников гражданских правоотношений и корреспондирующий ему запрет на извлечение преимуществ из недобросовестного поведения закреплены в ст. 1 ГК РФ. Указанные законодательные требования к добросовестности поведения приобретают особую значимость в отношении высоко социально зна-

⁸ Ситдикова Р. И. Обеспечение частных, общественных и публичных интересов авторским правом / науч. ред. М. Ю. Челышев. М. : Статут, 2013. 159 с.

⁹ Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности : монография / В. К. Андреев, Л. В. Андреева, К. М. Арсланов [и др.] ; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М. : Юстицинформ, 2016. 340 с.

чимых товаров, работ и услуг, в первую очередь в сфере охраны здоровья. Соответственно, при анализе добросовестности действий патентообладателей представляется целесообразным выделить особые аспекты, связанные с обеспечением доступности медицинской продукции. Обладание интеллектуальной собственностью при данных обстоятельствах не только дает исключительные права, но одновременно налагает дополнительные обязанности на ее владельцев, в частности, не просто воздерживаться от злоупотребления правом, но не допускать бездействия, влекущего ограничение доступности медицинской продукции, в которой применяются соответствующие результаты интеллектуальной деятельности.

Фактически недостаточную доступность либо недоступность высоко социально значимых товаров, работ и услуг, в первую очередь в сфере здравоохранения, в которых применяются объекты патентной охраны, можно расценивать как недостаточную добросовестность либо недобросовестность патентообладателей, влекущую возможность ограничения их исключительных прав на определенных законодательством условиях. При этом, конечно, необходимо учитывать конкретные обстоятельства данных негативных последствий и влияние на них действий (бездействия) патентообладателей при оценке возможности введения дифференцированных мер реагирования, в том числе в виде ограничения исключительных прав и уменьшения вознаграждения (соразмерной компенсации) соответствующих правообладателей.

Несколько иную точку зрения можно встретить в научной литературе. Например, по результатам исследования пределов осуществления исключительного права патентообладателей А. С. Ворожевич пришла к выводу, что для

реализации публичных интересов в использовании патентоохраняемых объектов, имеющих особое социально-экономическое значение, необходимо расширение пределов осуществления субъективных гражданских прав за рамки принципа незлоупотребления правом («заведомой недобросовестности»), предусмотренного статьей 10 ГК РФ. При конструировании системы подобных пределов необходимо исходить не только из характеристик преследуемых правообладателем целей, но и из значения объекта права, особенностей возникающего вокруг него конфликта интересов, в том числе не обусловленного недобросовестным поведением правообладателя¹⁰.

При этом нельзя согласиться с утверждением А. С. Ворожевич, что бездействие не образует ни реализацию права, ни злоупотребление правом. Данное ошибочное, на взгляд автора, утверждение привело А. С. Ворожевич к следующему необоснованному выводу: к обозначенным в ст. 1362 ГК РФ случаям принудительного лицензирования статья 10 ГК РФ автоматически не применяется¹¹. Комплексный анализ обеих частей ст. 9 ГК РФ позволяет сделать вывод, что применяемое в ст. 10 ГК РФ словосочетание «осуществление гражданских прав» включает в себя, в частности, бездействие правообладателя, которое является по своей сути пассивной формой реализации гражданского права. Данная позиция совпадает с мнением многих российских правоведов о том, что бездействие является пассивным осуществлением субъективного права¹². Кроме того, с субъективной точки зрения бездействие патентообладателя и связанных с ним лиц, повлекшее недоступность, например, лекарственных препаратов или медицинских изделий, в которых применяются объекты патентной охраны, невозможно назвать добросовестным.

¹⁰ Ворожевич А. С. Пределы осуществления и защиты исключительного права патентообладателя. М. : Статут, 2018.

¹¹ Ворожевич А. С. Указ. соч.

¹² См., например: Проблемы общей теории права и государства : учебник для вузов / под общ. ред. академика РАН, д-ра юрид. наук, проф. В. С. Нерсесянца. М. : Норма, 2004. С. 423 ; Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права : учебник. СПб. : Изд. дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2005. С. 390 ; Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. М. : Юристъ, 2002. С. 449.

Правовое регулирование размера вознаграждения (соразмерной компенсации) патентообладателей в условиях ограничения их исключительных прав

Часть 5 ст. 1229 ГК РФ допускает ограничение исключительных прав патентообладателей с обязательным сохранением за ними права на вознаграждение.

Российский Гражданский кодекс, регламентируя правила данных ограничений для правовых механизмов безлицензионного (бездоговорного) правомерного использования объектов патентной охраны без согласия их патентообладателей (предусмотренных частью 3 ст. 1359 и статьями 1360, 1360.1 ГК РФ), устанавливает обязательность выплаты соразмерной компенсации патентообладателям, чьи исключительные права ограничиваются. При этом по своей правовой природе данные выплаты являются вознаграждением, а не компенсацией¹³, поэтому далее в настоящей работе они будут именоваться вознаграждением.

Согласно принятой во исполнение ст. 1360 ГК РФ Методики определения размера компенсации патентообладателям, утвержденной постановлением Правительства РФ от 18.10.2021 № 1767, устанавливается единый фиксированный размер компенсации (вознаграждения) — 0,5 % от фактической выручки от производства и реализации товаров, выполнения работ и оказания услуг, в которых использованы соответствующие объекты патентной охраны. В то же время в абз. 2 п. 2 данной Методики в редакции от 06.03.2022 в отношении патентообладателей, связанных с недружественными странами, устанавливается нулевая компенсация.

При сравнительном анализе положений ч. 1 ст. 1360 ГК РФ и абз. 2 п. 2 Методики определения размера компенсации патентообладателям можно сделать вывод об их противоречии. Однако логика правоприменительной практики обуславливает необходимость установления ответственности недобросовестных патенто-

обладателей, действия которых приводят к недоступности либо недостаточной доступности соответствующей продукции, в первую очередь социально значимых товаров. Для снятия указанных противоречий представляется целесообразным введение необходимой дополнительной регламентации анализируемых правоотношений, предложения по которой будут рассмотрены далее.

Для ограничений исключительного права патентообладателей в процессе принудительного лицензирования статьей 1362 ГК РФ устанавливается правило, что суммарный размер платежей (вознаграждения) за принудительную лицензию должен быть установлен судом не менее цены лицензии, определяемой при сравнимых обстоятельствах.

Таким образом, правовые механизмы принудительного лицензирования предусматривают, в частности, более комфортные варианты выплаты вознаграждения для патентообладателей, чьи исключительные права ограничиваются. Тем самым создаются предпосылки для добросовестного выполнения правообладателями соответствующих договорных правоотношений, хотя и основанных на судебном принуждении, но предусматривающих максимальную защиту их прав при принудительном лицензировании, в отличие от более жестких иных правовых режимов возможного ограничения их исключительных прав.

Нельзя не отметить, что при принудительном лицензировании статья 1362 ГК РФ не ставит размер вознаграждения патентообладателя в зависимость от его действий, влияющих на доступность товаров, работ либо услуг, в которых используется охраняемый результат интеллектуальной деятельности, что может провоцировать его бездействие либо недобросовестные действия по ограничению доступности, что нельзя признать допустимым в отношении социально значимых товаров, работ, услуг, в частности в сфере охраны здоровья.

¹³ Латынцев А. В. Отличие правовой природы принудительного лицензирования и возмездного безлицензионного использования объектов патентной охраны // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 56–68.

Предложения по дифференциации уровня вознаграждения (соразмерной компенсации) патентообладателей на примере сферы здравоохранения

С учетом вышеизложенного можно предположить следующие модели поведения патентообладателей и соответствующие им последствия, исходя из которых может быть дифференцирован уровень их вознаграждения (соразмерной компенсации) в условиях ограничения исключительных прав:

1. Фармацевтические или медицинские товары (работы, услуги), в которых применяются объекты патентной охраны, являются доступными на российском рынке в необходимом количестве и ассортименте.

То есть патентообладатели и связанные с ними производители фармацевтических и медицинских товаров (работ и услуг) предпринимают все зависящие от них действия для обеспечения доступности на российском рынке товаров, работ и услуг, для производства, выполнения и оказания которых использованы объекты патентной охраны. К данным действиям могут быть отнесены, например, поставки товаров в достаточном количестве и максимально широком ассортименте, заключение необходимых для обеспечения доступности таких товаров (работ, услуг) лицензионных договоров с российскими производителями, договоров по трансферу технологий и т.п.

Соответственно, нет основания для ограничения исключительных прав указанных добросовестных патентообладателей, а размер их вознаграждения определяется сторонами лицензионных и иных правоотношений в зависимости от рыночной конъюнктуры.

Более того, в этом случае должен создаваться максимально благоприятный режим для ведения ими деятельности на территории России, включающий по возможности заключение офсетных контрактов, налоговые и иные льготы и преференции с целью дальнейшего расширения доступности на российском рынке соответствующих товаров, работ и услуг в сфере охраны здоровья.

2. Фармацевтические или медицинские товары (работы, услуги), в которых приме-

няются объекты патентной охраны, присутствуют на российском рынке, но недостаточно доступны вследствие неэффективности действий патентообладателей и связанных с ними производителей.

В этом случае должны создаваться правовые механизмы для уведомления патентообладателей о необходимости предпринятия ими действий, направленных на обеспечение доступности товаров (работ, услуг) на российском рынке в необходимом количестве и ассортименте.

При неэффективности действий патентообладателей, приводящих к недостаточному предложению товаров, работ или услуг на российском рынке, должны также предприниматься меры по поощрению выдачи принудительных лицензий в установленном законодательством порядке. В силу требований ст. 1362 ГК РФ вознаграждение патентообладателя, с одной стороны не злоупотребляющего своими исключительными правами, но, с другой стороны, не являющегося достаточно эффективным для обеспечения доступности товаров (работ, услуг), определяется в решении суда не ниже лицензионных платежей при сравнимых обстоятельствах.

В случаях, предусмотренных статьей 1360 ГК РФ, в том числе при недостаточности мер по принудительному лицензированию, за российским правительством закреплено право на принятие решений об использовании объектов патентной охраны без согласия патентообладателей, но с выплатой им соразмерной компенсации (вознаграждения), рассчитанной по методике, утвержденной также российским правительством. Как было указано выше, при данных обстоятельствах размер вознаграждения (соразмерной компенсации) патентообладателей обычно намного меньше, чем они могли бы получить при заключении лицензионных договоров или при принудительном лицензировании.

3. Фармацевтические или медицинские товары (работы, услуги), в которых применяются объекты патентной охраны, присутствуют на российском рынке, но они недостаточно доступны вследствие ограничения конкуренции, связанной со злоупотреблением патентообладателями своими исключительными правами.

Отдельно предлагается рассмотреть ситуации, когда фармацевтические или медицинские товары недостаточно доступны в первую очередь из-за неоправданного завышения цен, связанного с ограничением конкуренции и иными злоупотреблениями со стороны патентообладателей. Согласно абз. 2 п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускается ограничение конкуренции с использованием гражданских (в том числе исключительных) прав. При несоблюдении данного требования судам предоставлено право отказать, в том числе патентообладателям, злоупотребляющим своими правами, полностью или частично в защите принадлежащих им прав. Таким образом, при получении доказательств использования исключительного права в целях ограничения конкуренции либо злоупотребления доминирующим положением на рынке суд может принять решение, в частности, об отказе в защите права патентообладателя на получение вознаграждения (полностью или частично) за использование принадлежащего ему объекта патентной охраны.

Необходимо также обратить внимание, что пункт «к» ст. 31 Соглашения ТРИПС допускает возможность корректировки (уменьшения) размера вознаграждения патентообладателей для исправления практики, определенной в результате судебных или административных процедур в качестве антиконкурентной. При этом указанный пункт «к» ст. 31 Соглашения ТРИПС дает возможность государствам — членам соглашения не применять условия, изложенные в п. «b» (об обязательном досудебном обращении заинтересованного лица к патентообладателю с предложением получить разрешение на использование объекта патентной охраны, то есть заключить лицензионный договор) и п. «f» (о первоочередном обеспечении потребностей внутреннего рынка) указанной статьи Соглашения ТРИПС.

Представляется целесообразным ввести соответствующие правовые механизмы антимонопольного принудительного лицензирования в российское законодательство, а также конкретизировать в нем возможность и детали уменьшения размера вознаграждения (вплоть до его лишения) для патентообладателей, злоупотребляющих своими исключительными правами, что приводит к ограничению конкуренции.

4. Фармацевтические или медицинские товары (работы, услуги), в которых применяются объекты патентной охраны, отсутствуют на российском рынке.

То есть патентообладатели и связанные с ними производители товаров, работ и услуг либо отказываются работать на российском рынке, либо бездействуют, в частности, при выполнении решений российских судов по принудительному лицензированию, либо препятствуют выходу на российский рынок или обороту на российском рынке товаров, работ и услуг, для производства, выполнения и оказания которых использованы объекты патентной охраны.

При данных обстоятельствах действия или бездействие данных патентообладателей следует считать заведомо недобросовестными и расценивать как злоупотребление правом (ч. 1 ст. 10 ГК РФ).

Как и при злоупотреблениях, рассмотренных в предыдущем пункте, при анализируемых обстоятельствах судам также предоставлено право отказать, в том числе патентообладателям, злоупотребляющим своими правами, полностью или частично в защите принадлежащих им прав с учетом характера и последствий допущенных злоупотреблений, а также применить иные меры, предусмотренные законом. Так, суд вправе принять решение об отказе в защите права патентообладателя на получение вознаграждения (полностью или частично) за использование принадлежащего ему объекта патентной охраны.

Более того, при отсутствии на российском рынке при анализируемых обстоятельствах фармацевтических либо медицинских товаров (работ, услуг), в которых применяются объекты патентной охраны, должен быть использован в полном объеме весь правовой арсенал в целях обеспечения их доступности.

В частности, представляется целесообразным закрепить и конкретизировать в российской правовой системе правила о лишении недобросовестных патентообладателей права на получение вознаграждения (соразмерной компенсации) за использование принадлежащих им объектов патентной охраны в порядке принудительного лицензирования либо безлицензионного (бездо-

говорного) правомерного использования объектов патентной охраны без согласия их патентообладателей, предусмотренных частью 3 ст. 1359 и статьями 1360, 1360.1 ГК РФ, в целях закрепления возможности оперативного реагирования на злоупотребления в патентной сфере, приводящие к недоступности социально значимых товаров, в частности в сфере здравоохранения.

Наконец, отдельно должен быть рассмотрен вопрос правового реагирования на ситуации злостного злоупотребления патентообладателем своими правами, связанные, в частности, с рецидивом активных действий по воспрепятствованию доступности в России товаров, работ, услуг в сфере охраны здоровья. Предлагается воспользоваться возможностью, предусмотренной частью 3 ст. 5 Парижской конвенции по охране промышленной собственности, в части лишения прав на патент. Здесь необходимо учитывать, что данную возможность указанная международная правовая норма предусматривает только для обстоятельств, когда принудительное лицензирование является недостаточным для предотвращения злоупотреблений при осуществлении исключительного права, к которым относится в том числе неиспользование изобретения. Аннулирование патента либо лишение прав на патент часть 3 ст. 5 Парижской конвенции по охране промышленной собственности обуславливает истечением 2-летнего срока с даты выдачи первой принудительной лицензии.

Данная процедура не предусмотрена действующим российским законодательством, и ее применение требует предварительной ликвидации соответствующего правового пробела.

Выводы

С учетом вышеизложенного представляется целесообразным внести в российское гражданское

законодательство изменения в части закрепления правил о дифференциации уровня вознаграждения патентообладателей, исключительные права которых ограничиваются, например, в порядке ст. 1362, 1360 либо 1360.1 ГК РФ, в зависимости от описанных выше ситуаций.

Предлагаемая дифференциация позволит, с одной стороны, стимулировать патентообладателей к более активным действиям, направленным на обеспечение доступности товаров, работ или услуг, в которых используются принадлежащие им объекты патентной охраны, так как, например, они смогут получать более высокое вознаграждение при активном участии и содействии данным процессам, а с другой стороны, в правоприменительной практике судам и иным органам государственной власти более справедливо и унифицированно реагировать на действия или бездействие правообладателей, приводящие к проблемам с доступностью, в частности, фармацевтических и медицинских товаров (работ, услуг), в том числе уменьшать (вплоть до обнуления) вознаграждение недобросовестных патентообладателей.

При этом, на взгляд автора, является несправедливым уравнивание всех зарубежных патентообладателей, связанных с недружественными странами, и обнуление размера их вознаграждения при ограничении их исключительных прав в ситуациях, указанных в ст. 1360 ГК РФ, что предусмотрено, например, в абз. 2 п. 2 Методики определения размера компенсации патентообладателям. Более целесообразной для поощрения продолжения и расширения деятельности зарубежных патентообладателей на территории нашей страны является предложенная в настоящей работе дифференциация уровня вознаграждения в зависимости от модели их поведения и связанной с ней доступностью в России товаров, работ и услуг, в которых используются соответствующие объекты патентной охраны.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Варламова А. Н. Принцип свободы договора в конкурентном праве // Конкурентное право. — 2020. — № 1. — С. 6–9.
2. Ворожевич А. С. Исключительное право: сущность, принципы и пределы защиты // Вестник гражданского права. — 2013. — № 6. — С. 41–83.

3. Ворожевич А. С. Пределы осуществления и защиты исключительного права патентообладателя. — М. : Статут, 2018. — 320 с.
4. Защита исключительных прав на изобретения, используемые в лекарственных препаратах: проблемы правового регулирования и направления совершенствования законодательства : монография / А. А. Аюрова, О. В. Гутников, С. А. Синицын [и др.] ; отв. ред. О. В. Гутников, С. А. Синицын. — М. : ИЗИСП, Контракт, 2019. — 208 с.
5. Латынцев А. В. Отличие правовой природы принудительного лицензирования и возмездного безлицензионного использования объектов патентной охраны // Журнал российского права. — 2023. — № 3. — С. 56–68.
6. Мохов А. А. Концепция правового регулирования медицинской деятельности // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 4 (149). — С. 93–104.
7. Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права : учебник. — СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005.
8. Проблемы общей теории права и государства : учебник для вузов / под общ. ред. академика РАН, д-ра юрид. наук, проф. В. С. Нерсесянца. — М. : Норма, 2004.
9. Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности : монография / В. К. Андреев, Л. В. Андреева, К. М. Арсланов [и др.] ; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. — М. : Юстицинформ, 2016. — 340 с.
10. Ситдикова Р. И. Обеспечение частных, общественных и публичных интересов авторским правом / науч. ред. М. Ю. Чельшев. — М. : Статут, 2013. — 159 с.
11. Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. — М. : Юристъ, 2002.

Материал поступил в редакцию 18 мая 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Varlamova A. N. Printsip svobody dogovora v konkurentnom prave // Konkurentnoe pravo. — 2020. — № 1. — С. 6–9.
2. Vorozhevich A. S. Isklyuchitelnoe pravo: sushchnost, printsipy i predely zashchity // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2013. — № 6. — С. 41–83.
3. Vorozhevich A. S. Predely osushchestvleniya i zashchity isklyuchitel'nogo prava patentoobladatelya. — М.: Статут, 2018. — 320 с.
4. Zashchita isklyuchitel'nykh prav na izobreteniya, ispolzuemye v lekarstvennykh preparatakh: problemy pravovogo regulirovaniya i napravleniya sovershenstvovaniya zakonodatelstva: monografiya / A. A. Ayurova, O. V. Gutnikov, S. A. Sinitsyn [i dr.]; отв. ред. О. В. Гутников, С. А. Синицын. — М.: ИЗИСП, Контракт, 2019. — 208 с.
5. Latyntsev A. V. Otl'ichie pravovoy prirody prinuditel'nogo litsenzirovaniya i vozmezdno bezlitsenzionnogo ispolzovaniya obektov patentnoy okhrany // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2023. — № 3. — С. 56–68.
6. Mokhov A. A. Kontseptsiya pravovogo regulirovaniya meditsinskiy deyatel'nosti // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2023. — Т. 18. — № 4 (149). — С. 93–104.
7. Polyakov A. V., Timoshina E. V. Obshchaya teoriya prava: uchebnik. — SPb.: Izd. dom S.-Peterb. gos. un-ta, 2005.
8. Problemy obshchey teorii prava i gosudarstva: uchebnik dlya vuzov / pod obshch. red. akademika RAN, d-ra yurid. nauk, prof. V. S. Nersesyantsa. — М.: Norma, 2004.
9. Problemy realizatsii printsipov prava v predprinimatelskoy deyatel'nosti: monografiya / V. K. Andreev, L. V. Andreeva, K. M. Arslanov [i dr.]; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. — М.: Yustitsinform, 2016. — 340 с.
10. Sitdikova R. I. Obespechenie chastnykh, obshchestvennykh i publichnykh interesov avtorskim pravom / nauch. red. М. Ю. Chelyshev. — М.: Статут, 2013. — 159 с.
11. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / pod red. V. K. Babaeva. — М.: Yurist, 2002.

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.104-113

Н. В. Черных*

Трансформация труда как объекта общественных отношений и распространение нетипичных форм занятости

Аннотация. В настоящее время происходит масштабная цифровая трансформация общественных отношений, затрагивающая в том числе и отношения на рынке труда. Современные отношения в сфере труда сталкиваются с радикальной трансформацией видов трудовой деятельности. Труд всё больше перемещается в сферу услуг (так, по оценкам Международной организации труда, 49 % от общего числа занятых приходится на сектор услуг, 29 % — сельского хозяйства, 22 % — промышленности), для которой характерна самостоятельность лица, выполняющего работу (в противовес коллективному труду в общественной кооперации, характерной для производства продукции), а также ориентация на результат, что сближает трудовые отношения с гражданско-правовыми и побуждает ученых пересматривать критерии отнесения тех или иных отношений к области действия норм трудового права. Внедрение цифровых технологий в общественное производство, а также изменение труда в связи с переходом существенной части экономики из сферы производства в сферу услуг породило резкий рост так называемых неустойчивых и нетипичных форм занятости. Эта тенденция наблюдается как на мировом уровне, так и в России. Таким образом, традиционная модель трудового правоотношения, основные признаки и черты которой были сформированы сообразно индустриальному типу экономики, становится применимой всё к меньшему числу работников. В этой связи необходим пересмотр доктринального подхода к определению трудового правоотношения и его признакам, целью которого должна стать выработка актуальных критериев отнесения отношений к сфере действия норм трудового права с учетом расширения нетипичных форм занятости.

Ключевые слова: цифровизация; цифровая трансформация общественных отношений в сфере труда; занятость; платформенная занятость; нетипичные формы занятости; признаки трудового отношения; трудовое право; цифровые технологии; трудовой договор; дистанционная работа.

Для цитирования: Черных Н. В. Трансформация труда как объекта общественных отношений и распространение нетипичных форм занятости // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 12. — С. 104–113. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.104-113.

Благодарности. Публикация подготовлена в рамках выполнения работ по государственному заданию на тему «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)».

© Черных Н. В., 2023

* Черных Надежда Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент, исполняющий обязанности заведующего кафедрой трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
nvychernyh@msal.ru

Transformation of Labor being an Object of Social Relations and the Spread of Atypical Forms of Employment

Nadezhda V. Chernykh, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of Labor Law and Social Security Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
nvychernyh@msal.ru

Abstract. At present, a large-scale digital transformation of social relations is taking place, which affects relations in the labor market. Modern labor relations are faced with a radical transformation of the types of work activities. Labor is increasingly moving into the service sector. Thus, according to the International Labor Organization, 49% of the total number of employees is in the service sector, 29 % in agriculture, 22 % in industry. The sector is characterized by the independence of the person performing the work (as opposed to collective work in social cooperation characteristic of production), as well as a focus on results, which brings labor relations closer to civil law and encourages scientists to reconsider the criteria for classifying certain relations within the scope of labor law norms. The introduction of digital technologies into social production, as well as changes in labor due to the transition of a significant part of the economy from the production sector to the service sector, has given rise to a sharp increase in the so-called precarious and atypical forms of employment. This trend can be seen both globally and in Russia. Thus, the traditional model of labor relations, the main features of which were shaped in accordance with the industrial type of economy, is becoming applicable to an ever-smaller number of workers. In this regard, it is necessary to revise the doctrinal approach to the definition of the labor relationship and its characteristics, the purpose of which should be to develop relevant criteria for classifying relations within the scope of labor law norms, taking into account the expansion of atypical forms of employment.

Keywords: digitalization; digital transformation of social relations in the sphere of labor; employment; platform employment; atypical forms of employment; signs of an employment relationship; labor law; digital technologies; employment contract; remote work.

Cite as: Chernykh NV. Transformation of Labor being an Object of Social Relations and the Spread of Atypical Forms of Employment. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(12):104-113. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.104-113.

Acknowledgements. The paper was prepared within the framework of the state task «The Russian legal system in the realities of the digital transformation of society and the state: adaptation and prospects for responding to modern challenges and threats (FSMW-2023-0006)».

Одна из особенностей трудового права заключается в том, что именно экономические отношения и характер организации труда в значительной степени определяют содержание и специфику норм данной отрасли¹.

Поскольку экономический уклад как в мире, так и в России претерпевает масштабные изменения², вопросы о признаках трудового отношения, сфере действия норм трудового права, разграничении собственно трудовых и граждан-

¹ Лушников А. М., Лушникова М. В. Трудовое право и цифровая экономика: российский опыт в контексте мировых тенденций // Ежегодник трудового права. 2020. № 10. С. 20.

А. А. Линец указывает, что роль трудового права в экономической системе общества в статике заключается в том, что посредством определения в трудовом законодательстве признаков трудовых отношений и установления механизма их регулирования оно влияет на формирование определенной структуры рынка труда, структуры занятости в широком смысле, на структуру общественной, а также локальной организации труда (Линец А. А. Роль трудового права в экономической системе общества на современном этапе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 13).

² Так, Н. Л. Лютов указывает, что четвертая промышленная революция, или «Индустрия 4.0», предполагает новый подход к производству, основанный на массовом внедрении информационных технологий в про-

ско-правовых отношений, связанных с трудом, становятся актуальными вновь³.

Исследователи отмечают тенденцию к постепенной эрозии стандартной модели трудовых отношений и экстернализации занятости, когда всё больший объем работ перемещается за формальные границы организации-работодателя⁴. В научных публикациях в области экономики труда появляются суждения о том, что «классическая модель полной занятости изжила себя, так же как пожизненная работа на одного работодателя»⁵. Отмечается также, что «линейная биография, характеризующаяся длительным процессом построения карьеры в одной сфере, вытесняется более фрагментарным типом построения карьеры»⁶.

Некоторые авторы постулируют тезис: «Чем дальше от стандартной занятости, тем ближе к

договорному регулированию»⁷. Хотя, по нашему мнению, учитывая низкий уровень развития правового просвещения работников и неспособность или нежелание многих из них отстаивать свои трудовые права, наличие «экономического принуждения» к труду, а также перенасыщение рынка труда дешевой рабочей силой, этот тезис стоит сформулировать следующим образом: «Чем дальше от стандартной занятости, тем ближе к вытеснению в прекаризованные нестандартные формы занятости, занятости по гражданско-правовому договору или к произволу работодателя при формальном сохранении трудовых отношений».

В юридической литературе появляются суждения о необходимости пересмотра классического понимания трудового отношения и его субъектов применительно к новым формам за-

мысленность, развитию интернета вещей, масштабной автоматизации бизнес-процессов, распространении искусственного интеллекта, качественном рывке в развитии цифровых технологий и их синтезе с биотехнологиями, размывании грани между физической, цифровой и биологической сферами (см.: Трудовое право: национальное и международное измерение : монография / под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. М. : Норма, 2022. Т. 2 : Трансформация проблемы отдельных институтов трудового права. Нетипичная занятость. С. 84). Кроме того, нельзя игнорировать развитие такого сектора рынка труда, как платформенная занятость. В мире количество платформ на основе веб-технологий и платформ на основе геолокации (сервисов такси и доставки) выросло со 142 в 2010 г. до более чем 777 в 2020 г. За тот же период число платформ на основе веб-технологий утроилось, а платформ такси и доставки — почти удесятирилось. Значительная их часть сосредоточена всего в нескольких странах, в том числе в США (29 %), Индии (8 %) и Великобритании (5 %) (см.: Перспективы занятости и социальной защиты в мире : Роль платформ цифрового труда в трансформации сферы труда, 2021 / Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. М. : МОТ, 2021. С. 19).

³ «Вопрос о том, кто является и кто не является работником, в последние десятилетия стал вызывать сложности вследствие существенных изменений в организации труда, а также в связи с тем, насколько достаточными были изменения законодательства при адаптации этих изменений» — указывается в Руководстве к Рекомендации МОТ № 198 «О трудовом правоотношении» (см.: Правовое регулирование трудовых отношений в Европе и Центральной Азии : Руководство к Рекомендации № 198 / Международное бюро труда, Департамент управления и трипартизма. Женева : МБТ, 2014. С. 6).

⁴ Трудовое право: национальное и международное измерение : монография. С. 271.

⁵ *Одегов Ю. Г., Павлова В. В.* Трансформация труда: 6-й технологический уклад, цифровая экономика и тренды изменения занятости // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 4 (206). С. 19.

⁶ *Свердликова Е. А., Селезнева А. С.* Стратегии карьеры самозанятых в постиндустриальном обществе // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2022. Т. 28. № 1. С. 194.

⁷ *Таугазов М. Т.* Гибкость классической конструкции трудового договора: вызовы цифровизации // За права трудящихся! Защита социально-трудовых прав работников в изменяющемся мире: возможности и ограничения : материалы Седьмой Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Ю. В. Иванчиной, Е. А. Истоминой. Екатеринбург, 2021. С. 296.

занятости, в частности к работе с использованием интернет-платформ⁸. При этом авторы не разделяют мысль о необходимости распространения на лиц, занятых на интернет-платформах, трудового законодательства, поскольку такой подход будет находиться в противоречии с концептуальными положениями трудового права, которые определяют работника как лицо, вступившее в несамостоятельные, наемные отношения, подчиняющееся хозяйской власти работодателя⁹, в то время как для платформенной занятости характерна определенная автономность «работника», который, например, может самостоятельно определять свой рабочий график. Более того, авторы называют внедрение новых технологий в сферу занятости (в частности, платформенной занятости) и уход от концепции «ответственного (единого) работодателя» чертами нового, неизбежного этапа общественного развития¹⁰.

А. М. Лушников, М. В. Лушникова полагают, что трансформация трудовых отношений и сопутствующий ей рост нетипичной занятости потребует корректировки ст. 15 и 56 ТК РФ с большим акцентом на зависимый характер труда, который, возможно, будет пониматься более широко и в трех аспектах:

- 1) классическая организационная зависимость, когда работник осуществляет свою деятельность под контролем, управлением и в интересах работодателя и при этом подчиняется правилам внутреннего трудового распорядка;
- 2) финансовая зависимость работника от работодателя, когда получаемое от последнего вознаграждение (зарботная плата) является единственным или преобладающим источником существования первого;

3) информационная зависимость, когда вышеназванное вознаграждение (зарботная плата) может быть получено работником только при помощи информационных устройств, технологий или самой информации, предоставляемой работодателем¹¹.

По нашему мнению, второй и третий аспект могут быть подвергнуты критике. В условиях свободы труда и многообразия способов реализации гражданами своих способностей к труду трудовое законодательство не может в качестве признаков трудовых отношений устанавливать, что работник только тогда включается в сферу действия норм трудового права, когда его зарботная плата, получаемая от определенного работодателя, является единственным или преобладающим источником средств для существования самого работника и членов его семьи.

Отметим, что получение вознаграждения от работодателя в качестве единственного или основного источника доходов работника указано в Рекомендации № 198 МОТ «О трудовом правоотношении»¹². Однако этот критерий не может быть применен ко всем ситуациям, когда требуется констатация факта трудового отношения.

Например, если работник, имеющий основное место работы, по вечерам подрабатывает таксистом с использованием приложения «Яндекс.Такси», то его доход от подработки не будет единственным источником дохода и только в силу этого отношения с интернет-агрегатором заказов не будут признаны трудовыми.

Развитие нестандартных, нетипичных форм занятости, приводящих к общей тенденции прекаризации рынка труда, объективное снижение числа наемных работников в общем числе заня-

⁸ Коршунова Т. Ю., Моцная О. В. Влияние платформенной занятости на изменение представлений о работнике и работодателе // Ежегодник трудового права. 2022. № 12. С. 76.

⁹ Коршунова Т. Ю., Моцная О. В. Указ. соч. С. 81.

¹⁰ Коршунова Т. Ю., Моцная О. В. Указ. соч. С. 76.

¹¹ Лушников А. М., Лушникова М. В. Трансформация трудовых отношений: вероятные направления и очевидные сложности // Трудовое право и право социального обеспечения в условиях больших вызовов (Седьмые Гусовские чтения) : материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Н. Л. Лютова, Ф. О. Дзгоевой. М., 2022. С. 19.

¹² Рекомендация № 198 Международной организации труда «О трудовом правоотношении» (принята в г. Женеве 15.06.2006 на 95-й сессии Генеральной конференции МОТ) // СПС «КонсультантПлюс».

тых за счет вытеснения их в круг самозанятых лиц или лиц, занятых на условиях гражданско-правовых договоров, создает значительный круг субъектов, которым сегодня недоступны права и гарантии, установленные Конституцией РФ, поскольку традиционно они обеспечиваются нормами трудового права, которое на этих субъектов не распространяется¹³.

Как отмечает В. Н. Бобков, в неолиберальной парадигме неустойчивость проявляется как дерегулирование социальной системы, перенос рисков со стороны государства и бизнеса на наемного работника. Неустойчивое состояние индивида разрушает его уверенность в социальной защите и оставляет его один на один со свободным рынком¹⁴. По нашему мнению, в этом и заключается популярность и активный рост нетипичных форм занятости, получивших широкое распространение и в России, и в мировой практике, при которых сторона, противостоящая трудящемуся лицу, формально имеет статус не работодателя, а, например, интернет-платформы, частного агентства занятости.

Однако именно на государство возлагается обязанность обеспечить надлежащее правовое регулирование отношений в сфере труда и социального обеспечения.

Поскольку в настоящее время наблюдается явное отставание законодательного обеспечения прав отдельных категорий лиц, занятых, в частности, в рамках платформенной занятости, С. Ю. Чуча справедливо указывает, что государство «фактически устранилось от защиты прав лиц, применяющих свой очевидно несамостоятельный труд в отношениях, не вписывающихся в классический предмет трудового права и доктрину единого трудового правоотношения»¹⁵.

Н. Л. Лютов указывает, что «информационная революция нашего времени диктует необходи-

мость выработки новых, более гибких, универсальных и широких подходов к определению трудовых правоотношений, позволяющих включить с помощью норм трудового права в сферу защиты значительно более широкий круг работающих, в том числе тех, кто в настоящее время не может быть признан работником согласно ст. 15 и 56 ТК РФ. Критерий субординированности труда в качестве условия для применения норм трудового права к отношениям, связанным с трудом, должен быть дополнен критерием экономической зависимости работающего и асимметрией экономических возможностей сторон»¹⁶. Соглашаясь в целом с указанным суждением, хотелось бы отметить, что не во всех отношениях, связанных с трудом, может присутствовать асимметрия экономических возможностей сторон. Физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями и заключающие трудовой договор в целях оказания им помощи по обслуживанию личного (домашнего) хозяйства, по своим финансовым возможностям могут не сильно отличаться от того работника, с кем они заключают трудовой договор, но это не лишает их статуса работодателя.

Естественно, к работодателю всегда предъявляются более высокие требования исходя из его обязанности организовать труд и управлять им, обеспечивать надлежащие условия труда на рабочем месте, отвечающие требованиям безопасности и гигиены, выплачивать своевременно и в полном объеме заработную плату, однако законодательство никак не препятствует и не ограничивает появление на рынке труда фирм-однодневок с минимальным размером уставного капитала, которые объективно не способны выполнять требования трудового законодательства. Вместе с тем и с таким ра-

¹³ Зайцева Л. В., Алиева О. В. Конституционные новации и социальные ценности государства в контексте развития прекаризованной занятости // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7. № 1 (25). С. 79.

¹⁴ Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения : научная монография / колл. авт. ; гл. науч. ред. В. Н. Бобков. М. : Кнорус, 2018. С. 43.

¹⁵ Чуча С. Ю. Правоприменение в условиях трансформации сферы труда и модернизации теории трудовых правоотношений // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 4. С. 302.

¹⁶ Трудовое право: национальное и международное измерение : монография. С. 107–108.

ботодателем отношения должны признаваться трудовыми.

В этой связи асимметрия в отношениях тяготеет к тому, что работодатель более «обязанная» — наделенная определенными обязательствами по отношению к работнику — сторона.

С. Ю. Чуча предлагает модифицировать доктрину трудового права и теорию трудовых правоотношений так, чтобы предмет трудового права распространялся на всякие отношения с применением несамостоятельного труда: платформенные, самозанятых (индивидуальных предпринимателей), оказывающих услуги одному (единственному) нанимателю и другие существующие и могущие появиться в будущем¹⁷. Для этого необходимо, чтобы на всех работающих (вне зависимости от форм организации их труда) распространялись прежде всего такие институты трудового права, как охрана труда, социальное страхование и социальное партнерство¹⁸. Отметим, что некоторые страны, в частности Австралия и Новая Зеландия, имеют законодательство, позволяющее распространить меры по охране и гигиене труда на платформенных работников. В Бразилии суд принял решение распространить действие норм охраны и гигиены труда на работников платформ¹⁹.

Увеличение доли самостоятельности работника в выполнении своей трудовой функции обостряет давнюю проблему разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений.

Некоторые ученые отмечают, что сам характер дистанционной работы, являющейся одной из нетипичных форм занятости, размывает не-

которые устойчивые критерии разграничения трудовых и гражданско-правовых договоров (работодательская власть, контроль работодателя и т.п.)²⁰.

Другие ученые говорят о том, что «право контроля за осуществлением исполнения работником возложенных на него трудовых обязанностей — это сегодня один из самых важных признаков (если не единственный признак!), свидетельствующий о наличии трудового правоотношения»²¹. О. А. Курсова разделяет позицию о том, что и в новых, нетипичных для отечественного трудового права форм занятости, легализованных сравнительно недавно (работники, работающие по договору о предоставлении труда работников (персонала), дистанционные работники), присутствует контроль лица (работодателя), который может быть направлен на процесс труда, результат труда или на то, где и когда выполняется работа²².

Действительно, анализ норм и практики применения гл. 49.1 и 53.1 ТК РФ говорит о том, что многие традиционные подходы к определению организационной зависимости и контроля работодателя нуждаются в видоизменении, так как работа выполняется вне места нахождения работодателя (либо дистанционно, либо на производственном объекте, не подконтрольном непосредственному работодателю), в иных временных рамках, в некоторых случаях не совпадающих с основным рабочим временем работодателя.

Меняется подход к обязанностям работодателя по охране труда, так как у него нет возможности организовать рабочее место, соот-

¹⁷ Чуча С. Ю. Теория трудовых правоотношений в свете трансформации парадигмы трудового права // Трансформация парадигмы трудового права в постиндустриальном информационном обществе : материалы Международной научно-практической конференции, 10–11 марта 2022 г. М., 2022. С. 207.

¹⁸ Чуча С. Ю. Указ. соч. С. 208.

¹⁹ Перспективы занятости и социальной защиты в мире : Роль платформ цифрового труда в трансформации сферы труда, 2021. С. 25.

²⁰ Кузьменко А. В., Старцев Н. Н., Филиппова М. В. Регулирование труда дистанционных работников: анализ судебной практики // Ежегодник трудового права. 2023. № 13. С. 202.

²¹ Офман Е. М. Трансформация права работодателя на осуществление контроля за поведением работника в цифровой среде // Ежегодник трудового права. 2021. № 11. С. 134.

²² Курсова О. А. Контроль как признак трудового отношения: генезис и трансформация // Вопросы трудового права. 2021. № 4. С. 276.

ветствующее требованиям безопасности труда и гигиены, применительно к труду дистанционных работников, а также лиц, направленных на работу к другому работодателю, что не освобождает его от обязанности организовать расследование несчастного случая на производстве, если таковой произойдет.

В этой связи наиболее общими признаками трудового отношения (в целях включения в сферу действия норм трудового законодательства отношений с лицами, находящимися в нетипичных и не легализованных в настоящее время формах занятости) предлагаем рассматривать *несамостоятельный характер труда*, при котором субъектом, определяющим параметры выполнения трудовой функции и осуществляющим контроль за надлежащим выполнением трудовой функции, остается работодатель, а также *отсутствие необходимости нести финансовый (предпринимательский) риск*²³ и *возложение на работодателя обязанности*

осуществлять обязательное социальное страхование в объемах, предусмотренных законодательством.

Критерий несамостоятельного характера труда поможет разграничить трудовые отношения и гражданско-правовые отношения, связанные с трудом, а также трудовые отношения и самозанятость. Вместе с тем, поскольку определенные обязательства по уплате страховых взносов возложены и на заказчиков, заключивших гражданско-правовые договоры, связанные с трудом, отделить такие договоры от трудовых поможет критерий субординированного, несамостоятельного труда²⁴. Запрет на несение финансового (предпринимательского) риска должен пониматься как запрет на расширение основания привлечения работника к материальной ответственности, а также запрет на перекладывание отрицательного финансового результата предпринимательской деятельности на работника. Для примера можно вспомнить

И. В. Крылов предполагает, что одним из последствий внедрения технологий искусственного интеллекта будет появление таких форм взаимодействия сторон трудового договора, при которых функцию по управлению и контролю в отношении работника полностью или частично осуществляет не человек (представитель работодателя), а алгоритм («алгоритмический менеджмент») (Крылов И. В. Алгоритмический менеджмент в трудовых отношениях: правовые риски и векторы развития законодательства // Хозяйство и право. 2023. № 7. С. 90–97). Отметим, что алгоритмический контроль рассматривался как признак «видоизмененного» работодателю контроля и подтверждения наличия зависимого труда применительно к труду работников на интернет-платформах (см.: Чесалина О. В. Работа посредством интернет-платформ как вызов трудовому правоотношению // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 14–17).

²³ Обоснованием необходимости включения указанного критерия является то, что в некоторых нетипичных формах занятости, нелегализованных в России, например в договорах с нулевым рабочим временем, работник несет, по сути, риск неполучения заработной платы, если работодатель не будет привлекать его к выполнению работы. В отношениях, связанных с использованием интернет-платформ, возможны ситуации, когда работник может быть отстранен от распределения заказов через эти платформы в случаях нарушения внутренних регламентов, устанавливаемых агрегаторами заказов, что тоже можно рассматривать как элемент финансового риска, а также как отказ «работодателя» от обеспечения работника работой (см.: Черных Н. В. Единство трудового права и развитие нетипичной занятости: проблемы взаимодействия // Актуальные проблемы трудового права. 2020. № 9 (166). С. 24).

²⁴ Для более точного понимания субординированного и несамостоятельного труда следует использовать такие критерии, как выполнение работником работы в соответствии с указаниями работодателя; интегрированность работника в организационную структуру работодателя; предоставление инструментов, материалов и механизмов работодателем (см.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей — физических лиц и у работодателей — субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» // Российская газета. № 121. 06.06.2018).

порочную практику включения в трудовые договоры с дистанционными работниками таких оснований для увольнения по инициативе работодателя, как невозможность обеспечить работника работой. При отрицательном финансовом результате деятельности работодателя все последствия такой деятельности должны быть возложены на самого работодателя.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Зайцева Л. В., Алиева О. В.* Конституционные новации и социальные ценности государства в контексте развития прекаризованной занятости // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. — Т. 7. — № 1 (25). — С. 78–94.
2. *Коршунова Т. Ю., Моцная О. В.* Влияние платформенной занятости на изменение представлений о работнике и работодателе // Ежегодник трудового права. — 2022. — № 12. — С. 76–91.
3. *Кузьменко А. В., Старцев Н. Н., Филиппова М. В.* Регулирование труда дистанционных работников: анализ судебной практики // Ежегодник трудового права. — 2023. — № 13. — С. 202–222.
4. *Курсова О. А.* Контроль как признак трудового отношения: генезис и трансформация // Вопросы трудового права. — 2021. — № 4. — С. 274–278.
5. *Крылов И. В.* Алгоритмический менеджмент в трудовых отношениях: правовые риски и векторы развития законодательства // Хозяйство и право. — 2023. — № 7. — С. 90–97.
6. *Линец А. А.* Роль трудового права в экономической системе общества на современном этапе : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2021. — 509 с.
7. *Лушников А. М., Лушникова М. В.* Трансформация трудовых отношений: вероятные направления и очевидные сложности // Трудовое право и право социального обеспечения в условиях больших вызовов (Седьмые Гусовские чтения) : материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Н. Л. Лютова, Ф. О. Дзгоевой. — М., 2022. — С. 16–22.
8. *Лушников А. М., Лушникова М. В.* Трудовое право и цифровая экономика: российский опыт в контексте мировых тенденций // Ежегодник трудового права. — 2020. — № 10. — С. 19–29.
9. *Лютов Н. Л.* Дистанционный труд: опыт Европейского Союза и проблемы правового регулирования в России // Lex russica. — 2018. — № 10. — С. 30–39.
10. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения : научная монография / колл. авт. ; гл. науч. ред. В. Н. Бобков. — М. : Кнорус, 2018. — 342 с.
11. *Одегов Ю. Г., Павлова В. В.* Трансформация труда: 6-й технологический уклад, цифровая экономика и тренды изменения занятости // Уровень жизни населения регионов России. — 2017. — № 4 (206). — С. 19–25.
12. *Офман Е. М.* Трансформация права работодателя на осуществление контроля за поведением работника в цифровой среде // Ежегодник трудового права. — 2021. — № 11. — С. 130–145.
13. Правовое регулирование трудовых отношений в Европе и Центральной Азии : Руководство к Рекомендации № 198 / Международное бюро труда, Департамент управления и трипартизма. — Женева : МБТ, 2014. — 127 с.
14. Перспективы занятости и социальной защиты в мире : Роль платформ цифрового труда в трансформации сферы труда, 2021 / Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. — М. : МОТ, 2021.
15. *Свердликова Е. А., Селезнева А. С.* Стратегии карьеры самозанятых в постиндустриальном обществе // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. — 2022. — Т. 28. — № 1. — С. 193–204.
16. *Таугазов М. Т.* Гибкость классической конструкции трудового договора: вызовы цифровизации // За права трудящихся! Защита социально-трудовых прав работников в изменяющемся мире: возможности

- и ограничения : материалы Седьмой Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Ю. В. Иванчиной, Е. А. Истоминой. — Екатеринбург, 2021.
17. Трудовое право: национальное и международное измерение : монография / под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. Т. 2 : Трансформация проблемы отдельных институтов трудового права. Нетипичная занятость. — М. : Норма, 2022. — 568 с.
 18. Чесалина О. В. Работа посредством интернет-платформ как вызов трудовому правоотношению // Трудовое право в России и за рубежом. — 2019. — № 1. — С. 14–17.
 19. Черных Н. В. Единство трудового права и развитие нетипичной занятости: проблемы взаимодействия // Актуальные проблемы трудового права. — 2020. — № 9 (166).
 20. Чуча С. Ю. Правоприменение в условиях трансформации сферы труда и модернизации теории трудовых правоотношений // Правоприменение. — 2022. — Т. 6. — № 4. — С. 301–313.
 21. Чуча С. Ю. Теория трудовых правоотношений в свете трансформации парадигмы трудового права // Трансформация парадигмы трудового права в постиндустриальном информационном обществе : материалы Международной научно-практической конференции, 10–11 марта 2022 г. — М. : Институт государства и права РАН, 2022. — С. 224–240.

Материал поступил в редакцию 7 августа 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Zaytseva L. V., Alieva O. V. Konstitutsionnye novatsii i sotsialnye tsennosti gosudarstva v kontekste razvitiya prekarizovannoy zanyatosti // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsialno-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya. 2021. — Т. 7. — № 1 (25). — С. 78–94.
2. Korshunova T. Yu., Motsnaya O. V. Vliyaniye platformennoy zanyatosti na izmeneniye predstavleniy o rabotnike i rabotodatele // Ezhegodnik trudovogo prava. — 2022. — № 12. — С. 76–91.
3. Kuzmenko A. V., Startsev N. N., Filippova M. V. Regulirovaniye truda distantsionnykh rabotnikov: analiz sudebnoy praktiki // Ezhegodnik trudovogo prava. — 2023. — № 13. — С. 202–222.
4. Kursova O. A. Kontrol kak priznak trudovogo otnosheniya: genezis i transformatsiya // Voprosy trudovogo prava. — 2021. — № 4. — С. 274–278.
5. Krylov I. V. Algoritmicheskiy menedzhment v trudovykh otnosheniyakh: pravovye riski i vektory razvitiya zakonodatelstva // Khozyaystvo i pravo. — 2023. — № 7. — С. 90–97.
6. Linets A. A. Rol trudovogo prava v ekonomicheskoy sisteme obshchestva na sovremennom etape: dis. ... d-ra yurid. nauk. — М., 2021. — 509 s.
7. Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. Transformatsiya trudovykh otnosheniy: veroyatnye napravleniya i ochevidnye slozhnosti // Trudovoe pravo i pravo sotsialnogo obespecheniya v usloviyakh bolshikh vyzovov (Sedmye Gusovskie chteniya): materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / pod obshch. red. N. L. Lyutova, F. O. Dzgoevoy. — М., 2022. — С. 16–22.
8. Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. Trudovoe pravo i tsifrovaya ekonomika: rossiyskiy opyt v kontekste mirovykh tendentsiy // Ezhegodnik trudovogo prava. — 2020. — № 10. — С. 19–29.
9. Lyutov N. L. Distantsionnyy trud: opyt Evropeyskogo Soyuza i problemy pravovogo regulirovaniya v Rossii // Lex russica. — 2018. — № 10. — С. 30–39.
10. Neustoychivaya zanyatost v Rossiyskoy Federatsii: teoriya i metodologiya vyyavleniya, otsenivaniye i vektor sokrashcheniya: nauchnaya monografiya / koll. avt.; gl. nauch. red. V. N. Bobkov. — М.: Knorus, 2018. — 342 s.
11. Odegov Yu. G., Pavlova V. V. Transformatsiya truda: 6-y tekhnologicheskiiy uklad, tsifrovaya ekonomika i trendy izmeneniya zanyatosti // Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii. — 2017. — № 4 (206). — С. 19–25.
12. Ofman E. M. Transformatsiya prava rabotodatelya na osushchestvleniye kontrolya za povedeniem rabotnika v tsifrovoy srede // Ezhegodnik trudovogo prava. — 2021. — № 11. — С. 130–145.

13. Pravovoe regulirovanie trudovykh otnosheniy v Evrope i Tsentralnoy Azii: Rukovodstvo k Rekomendatsii № 198 / Mezhdunarodnoe byuro truda, Departament upravleniyu i tripartizma. — Zheneva: MBT, 2014. — 127 s.
14. Perspektivy zanyatosti i sotsialnoy zashchity v mire: Rol platform tsifrovogo truda v transformatsii sfery truda, 2021 / Gruppya tekhnicheskoy podderzhki po voprosam dostoybnogo truda i Byuro MOT dlya stran Vostochnoy Evropy i Tsentralnoy Azii. — M.: MOT, 2021.
15. Sverdlikova E. A., Selezneva A. S. Strategii karery samozanyatykh v postindustrialnom obshchestve // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18, Sotsiologiya i politologiya. — 2022. — T. 28. — № 1. — S. 193–204.
16. Taugazov M. T. Gibkost klassicheskoy konstruktsii trudovogo dogovora: vyzovy tsifrovizatsii // Za prava trudyashchikhsya! Zashchita sotsialno-trudovykh prav rabotnikov v izmenyayushchemsya mire: vozmozhnosti i ogranicheniya: materialy Sedmoy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / pod obshch. red. Yu. V. Ivanchinoy, E. A. Istominoy. — Ekaterinburg, 2021.
17. Trudovoe pravo: natsionalnoe i mezhdunarodnoe izmerenie: monografiya / pod red. S. Yu. Golovinoy, N. L. Lyutova. T. 2: Transformatsiya problemy otdelnykh institutov trudovogo prava. Netipichnaya zanyatost. — M.: Norma, 2022. — 568 s.
18. Chesalina O. V. Rabota posredstvom internet-platform kak vyzov trudovomu pravootnosheniyu // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. — 2019. — № 1. — S. 14–17.
19. Chernykh N. V. Edinstvo trudovogo prava i razvitie netipichnoy zanyatosti: problemy vzaimodeystviya // Aktualnye problemy trudovogo prava. — 2020. — № 9 (166).
20. Chucha S. Yu. Pravoprimenenie v usloviyakh transformatsii sfery truda i modernizatsii teorii trudovykh pravootnosheniy // Pravoprimenenie. — 2022. — T. 6. — № 4. — S. 301–313.
21. Chucha S. Yu. Teoriya trudovykh pravootnosheniy v svete transformatsii paradigmy trudovogo prava // Transformatsiya paradigmy trudovogo prava v postindustrialnom informatsionnom obshchestve: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 10–11 marta 2022 g. — M.: Institut gosudarstva i prava RAN, 2022. — S. 224–240.

Склонение, вербовка, вовлечение как средства конструирования состава преступления

Аннотация. В статье рассмотрены термины «склонение», «вербовка», «вовлечение», определено их соотношение. С учетом того, что законодатель различным образом наполняет содержание преступного посягательства в виде склонения, возникают неоднозначное толкование и сложности применения тех норм, в которых отсутствует определение данного термина. Кроме того, возникает смешение понятий «склонение» и «содействие». Исходя из того, что «склонение» сходно с деятельностью подстрекателя, а «содействие» — с деятельностью пособника, данные понятия недопустимо рассматривать как однопорядковые, в том числе с точки зрения общественной опасности. Анализ норм Особенной части УК РФ показал, что более высокую степень общественной опасности законодатель признает за содействием. Конструирование специальных составов в Особенной части УК РФ, где подстрекатели, пособники, организаторы становятся исполнителями преступлений, обусловлено прежде всего желанием законодателя отступить от традиционных правил института соучастия. Представляется, что при регламентации специальных видов подстрекательства выбор формулировок «склонение, вербовка или иное вовлечение», «склонение или иное вовлечение» либо только «склонение» должен быть основан на различном объеме и содержании действий, образующих ту или иную форму вовлечения.

Ключевые слова: вербовка; вовлечение; подстрекательство; пособничество; принуждение; склонение; содействие; состав преступления; соучастие; уголовно-правовая конструкция.

Для цитирования: Палий В. В. Склонение, вербовка, вовлечение как средства конструирования состава преступления // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 12. — С. 114–122. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.114-122.

Inducement, Recruitment, Involvement as a Means of Constructing a Crime

Victoria V. Paliy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
paliyka_82@mail.ru

Abstract. The paper examines the terms “inducement”, “recruitment”, “involvement”, and determines their relationship. Taking into account the fact that the legislator considers in various ways the content of a criminal

© Палий В. В., 2023

* Палий Виктория Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
paliyka_82@mail.ru

offense in the form of inducement, ambiguous interpretation and difficulties arise in the application of those norms that do not define this term. In addition, there is a confusion between the concepts of “inducement” and “assistance”. Because “inducement” is similar to the activity of an instigator, and “assistance” is similar to the activity of an accomplice, these concepts cannot be considered as similar, including from the point of view of social danger. An analysis of the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation showed that the legislator recognizes assistance as a higher degree of public danger. The construction of special bodies of crime in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, where instigators, accomplices, and organizers become perpetrators of crimes, is determined primarily by the desire of the legislator to deviate from the traditional rules of the institution of complicity. It seems that when regulating special types of abetting, the choice of the wording “inducement, recruitment or other involvement”, “inducement or other involvement” or only “inducement” should be based on the different volume and content of the actions that constitute one or another form of involvement.

Keywords: recruitment; involvement; abetting; aiding; compulsion; declination; assistance; component elements of a crime; complicity; criminal legal construction.

Cite as: Paliy VV. Inducement, Recruitment, Involvement as a Means of Constructing a Crime. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(12):114-122. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.114-122.

В последнее время сложилась тенденция дополнения Уголовного кодекса РФ новыми нормами, предусматривающими самостоятельную ответственность за склонение, вербовку, вовлечение в совершение преступления, антиобщественных действий либо иных деструктивных поступков. Анализ норм Особенной части УК РФ показал, что склонение как уголовно наказуемое деяние указано законодателем в ст. 110.1, 184, 230, 230.1; вовлечение — в ст. 150, 151, 240, 242; склонение или иное вовлечение — в ст. 151.2; склонение, вербовка или иное вовлечение — в ст. 205.1, 212, 281.1, 282.1, 282.2, 361. Из этого следует, что при регламентации соответствующих составов преступлений законодатель использует различную терминологию, при этом в одних случаях указывает один термин, в других — несколько или их совокупность. Чем обусловлено такое использование уголовно-правовых конструкций?

Как известно, среди признаков, характеризующих объективную сторону состава преступления, центральным является деяние. Общим для деяния, которое обозначено в законе терминами «склонение», «вербовка», «вовлечение», является его направленность на адресата в целях вызвать в нем желание или решимость совершить преступление, антиобщественное действие либо иной поступок. Различие данных понятий заключается прежде всего в способах, с помощью которых виновный склоняет, вербует или вовлекает.

Так, если исходить из содержания, которым законодатель наполняет преступное посягательство в виде склонения, то к способам склонения относятся уговоры, предложения, подкуп, обман или иные способы при отсутствии угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего (ст. 110.1 УК РФ). Более интенсивные способы воздействия справедливо находятся за рамками склонения и характерны уже для иных деяний. Тем самым законодатель отграничивает, например, склонение от доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ). Если обратиться к содержанию склонения применительно к ст. 230.1 УК РФ, то оно представлено более широко и может быть совершено в том числе путем советов, указаний, предоставления информации либо запрещенных субстанций, средств применения запрещенных методов, устранения препятствий к использованию запрещенных субстанций и (или) запрещенных методов. Но перечисленные действия не направлены на возбуждение желания у другого лица совершить какое-либо деяние, а способны лишь оказать содействие тому, у кого такая решимость (готовность) уже существует. Содействие семантически не соответствует понятию «склонение». А главное, тем самым нарушается правило «один термин — одно понятие». Наблюдается полисемия терминов: одним термином в законе именуются различные понятия. Однако известно, что

центральным лингвистическим требованием, предъявляемым к термину, является требование его однозначности¹.

Кроме того, насколько правильно указывать в одной диспозиции явно не однопорядковые деяния? Склонение в первую очередь основано на общих положениях о подстрекательстве, содействие — на положениях о пособничестве. В юридической литературе неоднозначно оценивается общественная опасность склонения и содействия. Т. Д. Устинова считает, что содействие является более общественно опасным деянием, нежели склонение, т.к. склоняемый может и отказаться от совершения того, к чему его склоняют². К. В. Ображиев рассматривает пособника как менее опасную фигуру в сравнении с другими соучастниками, поскольку его действия имеют вспомогательный, «дополнительный» характер, что находит, по мнению автора, отражение в ч. 4 ст. 34 УК РФ, где законодатель регламентирует для пособника «льготные» требования к добровольному отказу от преступления³. Однако вряд ли законодатель исходил из более снисходительного отношения к пособнику в ч. 4 ст. 34 УК РФ. Согласно формулировке закона, пособник должен «предпринять все зависящие от него меры» для предотвращения совершения преступления. А именно предпринять меры по предотвращению преступления в зависимости от пределов своего соучастия. При различных видах пособничества пределы («вклад» в совершение преступления) могут быть неодинаковыми. При физическом пособничестве лицо может вообще отказаться от внесения такого вклада, и этого будет достаточно для добровольного отказа. Например, до окончания исполнителем преступления пособ-

ник отказывается отключать сигнализацию на охраняемом объекте. При интеллектуальном пособничестве не всегда этого достаточно, и тогда необходимо «предпринять все зависящие меры», чтобы предотвратить преступление. Так, пособник, содействовавший началу преступления советами, информацией, необходимой для успешной преступной деятельности исполнителя, должен устранить результаты уже оказанной помощи. Если его действия не привели к предотвращению преступления, то предпринятые им меры могут быть учтены судом лишь в качестве обстоятельств, смягчающих наказание. Таким образом, законодатель делает упор на то, что пособник должен нейтрализовать то, чем он способствовал исполнителю, а значит, совершить действия, тождественные добровольному отказу подстрекателя и организатора.

На протяжении многих лет в литературе приводятся и доводы о том, что по своим объективным и субъективным признакам деятельность пособника всё же менее опасная по сравнению с другими соучастниками. Пособник лишь оказывает помощь лицам, которые уже всё продумали, подготовили для совершения преступления⁴. Деятельность пособника лишена самостоятельного правового значения, а является по отношению к действиям исполнителя вспомогательной, зависимой, подчиненной⁵. Более того, высказывалось мнение о необходимости закрепить на законодательном уровне положение об обязательном смягчении наказания пособникам⁶.

Однако из УК РФ такая оценка действий пособника не вытекает, прямых указаний на то, что пособник — менее опасная фигура по сравнению с иными соучастниками, в законе нет. Возможны ситуации, когда деяние пособника

¹ См.: Савицкий В. М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии). М., 1987. С. 24.

² См.: Устинова Т. Д. Склонение к самоубийству или содействие самоубийству: критический анализ // Lex russica. 2020. № 3. С. 151–159.

³ См.: Ображиев К. В. Пособничество преступлению: проблемы уголовно-правовой оценки // Уголовное право. 2019. № 3. С. 70.

⁴ См.: Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 1. С. 590.

⁵ См.: Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 2001. С. 362.

⁶ См.: Ковалев М. И. К вопросу о теории уголовного кодекса // Советское государство и право. 1988. № 5. С. 78–79.

может оказаться наиболее опасным вкладом в общее дело. Так, в работе Д. М. Молчанова приводится пример: для совершения убийства общепасным способом была проделана квалифицированная работа по расчету мощности взрывного устройства, его конструированию и установке, а от исполнителя требовалось только нажать кнопку, когда появится потерпевший⁷. Соответственно, суду необходимо учитывать не только характер деятельности соучастников, но и их фактический вклад в совместную преступную деятельность. Кроме того, суд вправе признать в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, особо активную роль осужденного в совершении преступления (п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ), что должно быть отражено в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора⁸.

Если обратиться к нормам Особенной части УК РФ, то более высокую степень общественной опасности законодатель придает содействию, что отражено в ст. 110.1 (за склонение — 2 года лишения свободы, за содействие — 3 года); в ст. 205.1 и 281.1 (за склонение — от 8 до 15 лет лишения свободы, за пособничество — от 10 до 20 лет лишения свободы). При этом пособничество в террористической деятельности и пособничество в диверсии рассматриваются как более опасные не только по отношению к склонению, но и к самому исполнению преступления. Представляется, что именно этим и было обусловлено включение в УК РФ специальных составов пособничества. Кроме того, в примечаниях к этим статьям дано определение пособничества, которое существенно отличается от пособничества в традиционном смысле. Данному термину в Особенной части УК РФ придается более широкая трактовка: это не обязательно данное заранее обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые

преступным путем, обещание приобрести или сбыть такие предметы.

Содействие самоубийству исключает соучастие, так как само по себе суицидальное поведение не является преступным деянием. В связи с этим до закрепления в УК РФ статьи 110.1 такое поведение находилось вне уголовно-правового поля. Законодательный подход в оценке опасности содействия совершению самоубийства обусловлен современными реалиями, связанными с широким распространением запрещенного суицидального контента в сети Интернет.

Поправки, вносимые в УК РФ в последние годы, свидетельствуют о том, что в тех случаях, когда требуется отступить от традиционных правил института соучастия, законодатель конструирует специальные составы в Особенной части, в которых подстрекатели, пособники, организаторы становятся исполнителями преступлений.

Так или иначе, приведенные положения о разграничении «склонения» и «содействия» не допускают рассматривать содействие как форму склонения. В связи с этим предлагается в ст. 230.1 УК РФ содействие выделить в самостоятельное деяние. Представляется, что задача законодателя — стремиться к соблюдению правила учета при конструировании состава его системных связей с иными предписаниями закона. При однопорядковости общественно опасных деяний должны совпадать конструкции их составов, это правило в технике конструирования составов получило название «изоморфизм»⁹.

Согласно конституционным принципам к законодателю обращено требование определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования¹⁰. Однако несоответствие содержания термина склонения может влечь в том числе неоднозначное истол-

⁷ См.: Молчанов Д. М. Практикум по уголовному праву : учеб. пособие. М., 2021. С. 51.

⁸ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2021) // URL: <https://vsrf.ru/documents/practice/29857/>.

⁹ См.: Иванчин А. В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. М., 2011. С. 128.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. А. Асламазян» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. № 4. С. 23.

кование и сложности применения норм, в которых законодатель не дает определение этому термину. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 1-м полугодии 2022 г. по ч. 3 ст. 184 УК РФ (за незаконное получение спортсменами денег, ценных бумаг или иного имущества) были осуждены 7 человек, по ч. 1 данной статьи не было осуждено ни одного человека¹¹. Соответственно, в судебной практике пока не сложился подход к оценке склонения к оказанию противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса. Но рано или поздно правоприменитель столкнется с вопросом толкования склонения применительно к данной норме. Вместе с тем из диспозиции нормы уже видно, что законодатель не относит к склонению принуждение, так как указывает данные термины через союз «или».

Если законодатель различает термины «принуждение» и «склонение», то Верховный Суд РФ занимает иную позицию и рекомендует применительно к ст. 230 УК РФ к склонению относиться, наряду с ненасильственными способами воздействия, также психическое или физическое насилие, ограничение свободы и другие действия, совершаемые с целью принуждения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов¹².

Как следствие, несмотря на терминологическое сходство, а иногда и полное совпадение названий действия, правоприменитель вынужден различным образом наполнять содержание деяния, образующее состав преступления.

Представляется, что законодатель в ч. 1 ст. 184 УК РФ справедливо указывает склонение и при-

нуждение как альтернативные деяния. Понуждение — это действия, направленные на принуждение лица совершить то, что является для него нежелательным¹³. Поэтому в законе употребляется в значении «заставить сделать что-нибудь». Вызывает одобрение точка зрения, что в идеале склонение, в отличие от принуждения, предполагает такой способ воздействия, который формирует мотивацию без насилия¹⁴. Склонение характеризуется мягким воздействием на потерпевшего, при этом применяются в основном такие средства, которые связаны именно с психическим воздействием на человека¹⁵. Следовательно, общим между склонением и принуждением является то, что они направлены на изменение поведения потерпевшего. Но при принуждении происходит посягательство на свободу волеизъявления человека с целью заставить совершить нежелательный для него поступок. При этом принуждение не следует ограничивать только насилием или угрозой его применения. К способам принуждения можно отнести, в частности, шантаж, угрозу уничтожения либо повреждения имущества. К особым способам принуждения относят также гипноз, нейролингвистическое программирование, применение высокочастотных генераторов¹⁶. Таким образом, способы склонения «уступают» способам принуждения. Соответственно, рассматриваемые термины недопустимо признавать тождественными.

Принуждение нередко указывается в уголовном законе в качестве не только уголовно наказуемого деяния, но и способа совершения преступления. С позиции логики небесспорным представляется указание в законе в качестве альтернативных способов совершения пре-

¹¹ Судебный департамент при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 11.04.2023).

¹² См.: п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8.

¹³ См.: Народная энциклопедия уголовного права / под ред. А. И. Чучаева. М., 2023. С. 300.

¹⁴ См.: Безбородов Д. А. Некоторые особенности объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 230.1 УК РФ (склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте) // Адвокатская практика. 2020. № 6. С. 29–34.

¹⁵ См.: Устинова Т. Д. Указ. соч. С. 151–159.

¹⁶ См.: Орешкина Т. Ю., Устинова Т. Д. Принуждение как способ совершения преступления и как уголовно наказуемое деяние // Современное право. 2009. № 9. С. 104–108.

ступления принуждения наряду с шантажом, насилием либо угрозой его применения (ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142, ч. 1 ст. 183, ст. 283.1 УК РФ). Такая конструкция свидетельствует о «переборе» элементов в создании нормативных построений. Логично и системно в качестве конструктивного признака состава было бы указать более широкий термин «принуждение», который уже охватывает подобные способы воздействия. Это утверждение не распространяется на те случаи, когда законодатель физическое и психическое насилие использует для усиления ответственности в качестве квалифицирующего либо особо квалифицирующего признака (ч. 3 ст. 144, ч. 2 ст. 240 УК РФ).

Термин «склонение» по своим значениям сходен также с термином «вовлечение». Однако, как видно из ряда статей УК РФ, законодатель различает данные понятия. Прежде всего, они не совпадают по объему. Способы, используемые виновным при вовлечении, могут быть самыми разнообразными. Об открытом перечне способов свидетельствует ряд уголовно-правовых норм, в которых предусмотрена самостоятельная ответственность за вовлечение, — ст. 150, 151, 151.2, 205.1, ч. 1.1 ст. 212, 240, ч. 2 ст. 242, ст. 281.1, ч. 1.1 ст. 282.1, ч. 1.1 ст. 282.2, ч. 2 ст. 361 УК РФ). Кроме того, как следует из законодательной формулировки «склонение или иное вовлечение», склонение является формой вовлечения. Таким образом, вовлечение следует понимать как умышленные действия, которые могут быть выражены в форме физического или психического принуждения либо в ненасильственных формах воздействия (например, уговоры, подкуп, убеждения, агитация, просьбы, предложение, в том числе совершенные посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети).

Кроме «склонения», к формам воздействия относится также «вербовка». Вербовать — означает набирать, нанимать, привлекать в какую-нибудь организацию¹⁷. Как представляется, для вербовки характерны такие способы воздействия, которые вызывают прежде всего психологическую зависимость, когда индивидуальные принципы и ценности заменяются чужими установками и программами действий. Так, случившееся в 2015 г. со студенткой МГУ В. Карауловой психологи называют «синдромом эмоционального слияния». В этом случае имела место любовная зависимость, или «любовная ловушка». Ловушки для вербования могут быть также иного характера, например карьерная, финансовая, идеологическая, с использованием компромата, для авантюристов, для любителей секретных обществ, для больных наркоманией, для националистов. Вербовка предполагает управление сознанием людей, в результате чего вербуемые разделяют навязанные убеждения и готовы выполнять любые выгодные для вербовщика указания. Вербовщиками активно используются технологии манипулирования. Манипуляцию определяют как эксплуатацию одного человека другим. Сущность манипуляции заключается во внедрении необходимой манипулятору информации и в ее дальнейшем закреплении в сознании манипулируемого при сохранении ощущения самостоятельного выбора у последнего¹⁸. При этом вербовщики используют различные психологические методы воздействия, яркие, привлекательные образы, обещание различных благ, например, распространяют фотографии боевиков на фоне красивых дворцов и машин, иллюстрируя их «благополучную» жизнь, сцены удачных боевых действий, тем самым осуществляя пропаганду военного образа жизни, и т.п.¹⁹

В судебной практике в зависимости от рассматриваемой категории дел встречаются раз-

¹⁷ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. М., 2006. С. 72.

¹⁸ См.: Сур Е. И. Манипуляция: понятие, основные признаки и структура // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsiya-ponyatie-osnovnyye-priznaki-i-struktura>.

¹⁹ См.: Калинина С. Психологические методы вербовки молодежи в террористические организации // Наука. Общество. Оборона. 2018. № 2 (15). URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2018-2-15/article-0145/>.

личные определения вербовки; например, вербовка — наем людей для совершения требуемых действий, в том числе посредством заключения письменного либо устного соглашения²⁰; вербовка новых членов организации предполагает систему действий, направленных на изменение сознания вербуемых, их мышления и поведения²¹.

На основе обобщения можно сказать, что психологический смысл вербовки состоит в том, чтобы контролировать поведение людей, управлять ими. Те способы воздействия, которые находятся за рамками принуждения, склонения, вербовки, относятся к иным формам вовлечения. Иное вовлечение можно проиллюстрировать делом К., осужденной за содействие террористической деятельности. Согласно приговору, К. в период с 6 по 19 июня 2015 г. вовлекала Ш. в участие в деятельности незаконного вооруженного формирования, действовавшего на территории Сирии. Так, К. встретила Ш. после ее прибытия в город, поселила в жилое помещение, приносила ей продукты питания, средства связи и иные предметы, а также поддерживала ее разговорами в намерении убить в Сирию для оказания помощи в войне против правительственных войск. Осужденная К. в кассационной жалобе просила изменить категорию преступления на менее тяжкую, обосновывая это тем, что осуждение за содействие террористической деятельности в форме иного вовлечения является менее тяжким деянием по сравнению со склонением и вербовкой. Верховный Суд РФ жалобу оставил без удовлетворения²².

Таким образом, к формам вовлечения, наряду с вербовкой и склонением, можно отнести и другие формы воздействия, в частности побуждение, привлечение, втягивание, принуждение, обольщение, соблазнение. Несмотря на различный объем и содержание действий, образующих ту или иную форму вовлечения, все они

направлены к общему результату, в целях достижения которого и происходит их реализация.

Выбор законодателем при регламентации специальных видов подстрекательства формулировок «склонение, вербовка или иное вовлечение», «склонение или иное вовлечение» либо только «склонение» должен быть основан на различии способов, обозначенных данными понятиями. Там, где предполагаются только ненасильственные способы психического воздействия на потерпевшего, уместно использовать термин «склонение», как это имеет место в ст. 110.1 УК РФ. Насильственные способы характерны уже для иных форм вовлечения. Соответственно, в ст. 230 «Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов» и ст. 230.1 «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» УК РФ целесообразно расширить круг противоправных действий и указать «склонение или иное вовлечение».

Следует также обратить внимание на тот факт, что употребление законодателем в Особенной части УК РФ термина «склонение» единственно либо наряду с «вовлечением» является неслучайным. Так сложилось, что склонение имеет место даже в единичном факте подстрекательства к совершению опасного деяния. Соответственно, там, где содержится формулировка «склонение», «склонение или иное вовлечение» либо «склонение, вербовка или иное вовлечение», для признания преступления окончательным достаточно совершения указанных действий, независимо от последующего поведения склоняемого (вербуемого, вовлекаемого). Таким образом регламентирована ответственность в ст. 110.1, 184, 230, 230.1 (за склонение); в ст. 151.2 (за склонение или иное вовлечение); в ст. 205.1, 212, 281.1, 282.1, 282.2, 361 УК РФ (за склонение, вербовку или иное вовлечение).

²⁰ Приговор Северо-Кавказского окружного военного суда от 26.02.2016 по делу № 1-7/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 13.06.2019 по делу № 203-АПУ19-11 // СПС «КонсультантПлюс».

²² Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 13.12.2022 по делу № 222-УД22-65-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

В тех преступлениях, где законодатель использует исключительно термин «вовлечение» (ст. 150, 151, 240 УК РФ), его следует понимать как сложное действие, охватывающее результат в виде возникновения у другого лица желания совершить преступление либо антиобщественное действие и реализацию желания полностью или хотя бы частично. Если вовлекателю по тем или иным причинам не удалось достигнуть такого результата, то его действия образуют покушение на преступление²³.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Безбородов Д. А.* Некоторые особенности объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 230.1 УК РФ (склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте) // *Адвокатская практика*. — 2020. — № 6. — С. 29–34.
2. *Иванчин А. В.* Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. — М., 2011. — 206 с.
3. *Калинина С.* Психологические методы вербовки молодежи в террористические организации // *Наука. Общество. Оборона*. — 2018. — № 2 (15). — URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2018-2-15/article-0145/>.
4. *Ковалев М. И.* К вопросу о теории уголовного кодекса // *Советское государство и право*. — 1988. — № 5. — С. 78–79.
5. *Молчанов Д. М.* Практикум по уголовному праву : учеб. пособие. — М., 2021. — 192 с.
6. *Ображиев К. В.* Пособничество преступлению: проблемы уголовно-правовой оценки // *Уголовное право*. — 2019. — № 3. — С. 59–70.
7. *Орешкина Т. Ю., Устинова Т. Д.* Принуждение как способ совершения преступления и как уголовно наказуемое деяние // *Современное право*. — 2009. — № 9. — С. 104–108.
8. *Савицкий В. М.* Язык процессуального закона (вопросы терминологии). — М., 1987. — 286 с.
9. *Сур Е. И.* Манипуляция: понятие, основные признаки и структура // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. — 2012. — № 3.
10. *Устинова Т. Д.* Склонение к самоубийству или содействие самоубийству: критический анализ // *Lex russica*. — 2020. — № 3. — С. 151–159.

Материал поступил в редакцию 3 мая 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bezborodov D. A. Nekotorye osobennosti obektivnoy storony sostava prestupleniya, predusmotrennogo statey 230.1 UK RF (sklonenie sportsmena k ispolzovaniyu substantsiy i (ili) metodov, zapreshchennykh dlya ispolzovaniya v sporte) // *Advokatskaya praktika*. — 2020. — № 6. — S. 29–34.
2. Ivanchin A. V. Zakonodatel'naya tekhnika i ee rol v rossiyskom ugovnom pravotvorchestve. — M., 2011. — 206 s.
3. Kalinina S. Psikhologicheskie metody verbovki molodezhi v terroristicheskie organizatsii // *Nauka. Obshestvo. Oborona*. — 2018. — № 2 (15). — URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2018-2-15/article-0145/>.

²³ См.: п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2011. № 4.

4. Kovalev M. I. K voprosu o teorii ugovnogo kodeksa // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1988. — № 5. — S. 78–79.
5. Molchanov D. M. Praktikum po ugovnomu pravu: ucheb. posobie. — M., 2021. — 192 s.
6. Obrazhiev K. V. Posobnichestvo prestupleniyu: problemy ugovno-pravovoy otsenki // Ugolovnoe pravo. — 2019. — № 3. — S. 59–70.
7. Oreshkina T. Yu., Ustinova T. D. Prinuzhdenie kak sposob soversheniya prestupleniya i kak ugovno nakazuemoe deyanie // Sovremennoe pravo. — 2009. — № 9. — S. 104–108.
8. Savitskiy V. M. Yazyk protsessualnogo zakona (voprosy terminologii). — M., 1987. — 286 s.
9. Sur E. I. Manipulyatsiya: ponyatie, osnovnye priznaki i struktura // Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. — 2012. — № 3.
10. Ustinova T. D. Sklonenie k samoubiystvu ili sodeystvie samoubiystvu: kriticheskiy analiz // Lex russica. — 2020. — № 3. — S. 151–159.

Кризис уголовной политики

Аннотация. Уголовная политика России сегодня не соответствует современным представлениям о ее роли и месте в обеспечении правопорядка и безопасности населения. Современное уголовное законодательство отличается бессистемностью, разбалансированностью и, как следствие, низкой превентивной эффективностью. Это состояние уголовно-правовой отрасли давно является очевидным для научного сообщества и справедливо им критикуется. В статье исследуются ключевые дефекты уголовного законодательства и предлагаются принципы его совершенствования, связанные с рационализацией и оптимизацией уголовного закона в соответствии с современными представлениями о преступности и борьбе с ней. Карательной политике государства, не достигающей цели предупреждения преступности, а лишь провоцирующей ее рост, должен прийти на смену другой, более плодотворный, рациональный подход, основанный на современных представлениях о праве и охраняемых им ценностях, учитывающий научно обоснованные доводы криминологов и не подверженный политической, идеологической и любой иной конъюнктуре.

Ключевые слова: право; уголовное право; уголовно-исполнительное право; законодательство; уголовная политика; преступление; наказание; гуманизация; осужденные; исправление; пенитенциарная политика.

Для цитирования: Антонченко В. В. Кризис уголовной политики // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 12. — С. 123–136. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.123-136.

Criminal Policy Crisis

Vadim V. Antonchenko, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Far Eastern Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia for Educational and Scientific Work (Vladivostok)

р. Аякс 27, о. Русский, Владивосток, Россия, 690922

antovadim@yandex.ru

Abstract. Russia's criminal policy today does not correspond to modern ideas as to its role and place in ensuring law and order and the safety of the population. Modern criminal legislation is characterized by lack of consistency, imbalance and, as a result, low preventive effectiveness. This state of the criminal law branch has long been obvious to the academia who have rightly criticized this. The paper examines the key defects of criminal legislation and proposes principles for its improvement related to the rationalization and optimization of criminal law in accordance with modern ideas about crime and the fight against it. The punitive policy of the state, which does not achieve the goal of crime prevention, but only provokes its growth, must be replaced by another, more fruitful, rational approach, based on modern ideas about law and the values protected by it, taking into account scientifically substantiated arguments of criminologists and not subject to political, ideological and any other situation.

© Антонченко В. В., 2023

* Антонченко Вадим Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Дальневосточной пожарно-спасательной академии МЧС России по учебно-научной работе (г. Владивосток)
п. Аякс 27, о. Русский, г. Владивосток, Россия, 690922
antovadim@yandex.ru

Keywords: law; criminal law; penal law; legislation; criminal policy; crime; punishment; humanization; convicts; correction; penal policy.

Cite as: Antonchenko VV. Criminal Policy Crisis. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(12):123-136. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.123-136.

Введение

Деятельность государства по выработке средств и методов борьбы с преступностью, защите граждан и общества от преступных посягательств традиционно находится в фокусе внимания криминологов. Политические, экономические, социальные и криминальные трансформации, продолжающиеся в России последние несколько десятилетий, обостряют актуальность исследования данной сферы государственно-правовых отношений. Прогресс уголовной политики не может оставаться в стороне от глобального, основанного на достижениях политики и права движения общества от низших состояний к высшим. Этот процесс отягощен различными отклонениями (регрессом), связанными с историческими, культурными, религиозными и иными обстоятельствами, обуславливающими в том числе и кризис уголовной политики, оказывающий прямое влияние на правопорядок и безопасность общества. Противостоять этому кризису может среди прочих факторов и развитие теоретико-правового познания как прогресса идей, теорий и взглядов на должное соотношение преступления и наказания.

На недостатки уголовного закона и уголовной политики в разные периоды развития государства и уголовного права как науки указывали ученые: М. Д. Шаргородский, А. Э. Жалинский, А. А. Тер-Акопов, Я. И. Гилинский, Н. А. Лопашенко, А. И. Коробеев, В. А. Номоконов и др.

Сегодня несомненными дефектами отечественного уголовного законодательства являются: крайне высокая степень нестабильности; подчиненность уголовного закона различным видам конъюнктур (прежде всего политической); криминализация деяний, не обладающих должной для того, чтобы считаться преступлением, степенью общественной опасности; большое

количество преступлений с формальным составом, где обязательным признаком объективной стороны является деяние, не причинившее вред; недостаточная целенаправленность на защиту основных ценностей: жизни и здоровья человека; недостаточный правосстановительный потенциал уголовного закона, ограниченный его чрезмерным карательным характером.

Рассматривая проблемы отечественной уголовной политики, автор использует социологический, догматический и формально-логический методы. Уголовное законодательство и правоприменение в России должно следовать общемировым трендам развития человеческой цивилизации. Криминологи и социологи, знакомые с данной проблематикой, в своем большинстве выступают за доказавшую свою эффективность гуманизацию уголовной политики (и права в целом), декриминализацию большого количества деяний, общественная опасность которых должна получить социальную переоценку¹. В основе этого процесса лежит перцепция общественным сознанием и правом конституционной максимы о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства.

Нестабильность уголовного законодательства и проблемы криминализации деяний

Стабильность законодательства лежит в основе стабильности всей правовой среды как единства законодательства, эффективного правоприменения, правовой культуры и правосознания. Продуктивное обеспечение государственной деятельности по реализации правовых предписаний в жизни в отсутствие стабильности законодательства представляется невозможным.

¹ Гилинский Я. И. Криминология постмодерна (неокриминология). СПб. : Алетейя, 2021. С. 112.

Уголовный кодекс России, принятый в 1996 г. и введенный в действие с 1 января 1997 г., к настоящему времени претерпел такое количество редакций, что от первоначального его варианта мало что осталось. За прошедшие 26 лет (по состоянию на 15 марта 2023 г.) было принято 308 (!) изменяющих Уголовный кодекс РФ федеральных законов, т.е. этот закон менялся почти ежемесячно. Один этот факт, даже без детального анализа сущности закона и сути этих изменений, свидетельствует о серьезных проблемах государства в крайне важной отрасли права, находящейся в авангарде борьбы с общественно опасными деяниями.

Отсутствие стабильности не единственный недостаток отрасли уголовного права, это лишь одна из причин его разбалансированности, бессистемности и, как следствие, низкой эффективности всей уголовной политики. Одним из главных дефектов, обуславливающих это несоответствие, является подчиненное положение уголовной политики (и права в целом) политической конъюнктуре.

Процесс уголовно-правового нормотворчества по признанию определенных деяний преступлениями и установления за их совершение уголовной ответственности, именуемый криминализацией², субъективен и может быть обременен различными факторами, которые сами по себе к общественно опасным деяниям и их последствиям не имеют никакого отношения. На состояние законодательства (и не только уголовного) влияют политическая целесообразность (как ее видят представители высших властных уровней); законный и незаконный лоббизм в интересах отдельных выгодоприобретателей; компетентность законодателя, его взгляд на устройство общества, подчиненный определенным доктринам, стереотипам и мифам; отягощенность религиозными и идеологическими установками и т.д.

Представления о природе зла менялись на протяжении всей человеческой истории и были связаны прежде всего с религиозным мировоз-

зрением общества³. Социумом выработаны неизменные образы преступного, основанные на общепризнанных стандартах справедливости и морали. Так, везде и всегда преступлениями признаются убийство, кража, грабеж, разбой, изнасилование и иные очевидные деяния, несущие вред и представляющие опасность для человека. В отношении подобных деяний наказание, даже не достигающее заявленных целей, необходимо. Реальное зло, отрицать существование которого невозможно, требует общественного противодействия. Ненаказанное зло способно повторяться и множиться. Санкция, пусть и неспособная восстановить социальную справедливость и исправить осужденного, может в какой-то степени пресечь распространение зла, в этом ее главная функция, коррелирующая с превентивной целью наказания.

Наиболее радикальные изменения во взглядах на зло и, как следствие, преступность деяний связаны с секуляризационными социальными процессами в эпоху Просвещения, ограничившими влияние религии и церкви на повседневную общественную жизнь. Вектор развития уголовной политики в мире следует общему направлению эволюции права и общества, связанному с рационализацией и гуманизацией всех социальных процессов. Мировыми трендами, признаками этого вектора, воплощающимися в законодательстве большинства развитых стран, становится запрет смертной казни и телесных наказаний, отказ от каторжных работ и общей конфискации имущества, появление наказаний, альтернативных лишению свободы, и оснований для освобождения от ответственности или ее смягчения, установление особого уголовно-правового режима для определенных категорий граждан (женщин, несовершеннолетних), введение административной преюдиции, а также декриминализация деяний, ранее считавшихся преступными в различных странах (смешанные браки, гомосексуальность, преступления против веры и церкви и пр.).

² Бытко Ю. И. Криминализация как важнейшая составляющая уголовной политики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6. С. 127–135.

³ Скрипник А. П. Моральное зло в истории этики и культуры. М. : Политиздат, 1992. С. 114.

Если криминализацией деяния можно «создать» преступление, то очевидно, что таким же образом можно создать и преступника. И это актуально в отношении «неочевидных» преступлений, преступлений с формальным составом и неосторожных деяний. Противоречивость уголовного права заключается в том, что его нормы, якобы защищая права и свободы потерпевшего, самым существенным образом их нарушают в отношении лица, подвергающегося уголовному преследованию. Частица «якобы» в предыдущем предложении указывает на предположительность этой защиты: карательная, а не правосстановительная направленность действия уголовного права вызывает сомнение в достоверности охраны прав потерпевшего. Более того, вред от некоторых деяний нельзя восстановить в принципе: так, являются необратимыми все преступления против жизни и здоровья. Вместе с тем достижение целей наказания, перечисленных в ст. 43 УК РФ (восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений), настолько утопично, что криминологи заявляют о ненужности и даже вредности уголовного закона⁴. С этим можно спорить, однако данный спор не лишает отечественное уголовное законодательство системных дефектов, связанных с противоречивостью и уголовно-правовой несостоятельностью.

Многие нарушения правил в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ), службы в коммерческих и иных организациях (гл. 23 УК РФ), здоровья населения и общественной нравственности (гл. 25 УК РФ), основ конституционного строя и безопасности государства (гл. 29 УК РФ) лишены той степени общественной опасности, которая необходима для признания данных деяний преступными. По существу, данные деяния являются либо гражданско-правовыми деликтами, либо административными проступ-

ками, либо псевдопреступлениями, образованными в интересах правящих групп⁵.

Экономика государства, использующего устаревшие карательные подходы к тем деяниям, общественная опасность которых преувеличена, как и к деликтам, где требуется не карательное, а правосстановительное воздействие, несет невосполнимый ущерб от исключения из общества сотен тысяч людей. Такая уголовная политика не способствует превентивному воздействию на преступность, наоборот, большое число людей, сталкиваясь с российской пенитенциарной реальностью, не только асоциализируется, но и приобретает криминальный опыт, лежащий в основе рецидивной преступности. Наконец, существующая при подобном карательном векторе уголовной политики правоприменительная практика может подталкивать недобросовестных правоохранителей на совершение преступлений (полагаемых автором наиболее опасными), связанных с фальсификацией уголовных дел.

Иррациональность уголовного закона проявляется в излишней криминализации деяний либо их излишней детализации, не отвечающей ни нуждам общества, ни интересам государства. Например, в 2012 г. статья 159 УК РФ была необоснованно, по мнению многих ученых, расширена статьями 159.1–159.6, не добавляющими существенного содержания в состав мошенничества, но конкретизирующими произвольно избранные сферы: мошенничество в сфере кредитования, при получении выплат, с использованием электронных средств платежа, в сфере страхования, в сфере компьютерной информации⁶. Чем была вызвана такая конкретизация — неясно и до сегодняшнего дня.

Разрушительная иррациональность лежит также в основе ст. 148 УК РФ, защищающей от оскорбления некие «религиозные чувства верующих». Религиозные чувства — это эмоцио-

⁴ Гилинский Я. И. Уголовная политика общества постмодерна // Уголовная политика и правоприменительная практика : сборник материалов IX Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 11 марта 2022 г.) / под общ. ред. Е. Н. Рахмановой. СПб. : Астерион, 2022. С. 10–18.

⁵ Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М. : Волтерс Клувер, 2009. С. 91.

⁶ Голик Ю. В., Коробеев А. И. Прошлогодние трансформации уголовного закона: реплика // Уголовное право. 2013. № 2. С. 16–17.

нальное отношение верующих к сакральным существам, связям, к сакрализованным вещам, животным, растениям, персонам, местам, друг к другу и к самим себе, а также к религиозно интерпретируемым отдельным явлениям в природе, обществе и к миру в целом⁷. По поводу своих представлений об устройстве мира люди могут испытывать самые разные чувства и эмоции: страх, любовь, восхищение, благоговение, радость, надежду, ожидание и т.д. Нет никаких оснований полагать, что религиозные чувства каким-то образом отличаются от обычных человеческих эмоций, которые всегда индивидуальны. В мире тысячи религий, конфессий и церквей, различающихся между собой и, как правило, находящихся в конфликте между собой; даже если предположить существование «общих» чувств некой группы людей, то их защита уголовным законом при отсутствии аналогичной защиты иных групп (людей другой веры, прихожан иной церкви, атеистов, агностиков, деистов, пантеистов и т.д.) нарушает фундаментальный принцип равенства. Практическая реализация данной нормы в конкретном деле отягощается требующими разрешения, но неразрешимыми с точки зрения права вопросами об истинности веры, о действительной религиозности чувств и т.п.

Если главным и единственным основанием криминализации является воля власти, правительства, режима, не учитывающая научно обоснованных криминологических доводов, однако подверженная при этом мифологическому, идеологическому, а то и коррупционному влия-

нию, то создание ее рациональной модели не представляется возможным⁸. Эти недостатки ставят под сомнение само существование уголовной политики как определенного и устойчивого направления в деятельности государства по защите граждан и общества от преступных посягательств и преступлений в целом. Более того, в данных условиях реализация уголовного закона как весьма опасного средства воздействия на социальные отношения может стать совершенно непереносимой для общества, заблокировав иные социальные процессы⁹.

Закон не считает уголовно наказуемым деянием потребление наркотических средств. Однако незаконное приобретение, хранение, перевозка и иные формы оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов являются преступлением, а совершенные в особо крупном размере — особо тяжким преступлением. Законодатель лукаво не замечает, что употребление этих средств невозможно без их приобретения и хранения. Это лукавство дорого обходится обществу: ежегодно по делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков, осуждается около 100 тыс. человек; не менее четверти осужденных, отбывающих реальное наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы, осуждены по ст. 228–234 УК РФ. Медико-социальные последствия неумеренного употребления алкоголя, оборот которого практически неограничен, значительно превышают вред от оборота средств, запрещенных в России¹⁰, но легализованных в большинстве цивилизованных стран, поэтому

⁷ Религиоведение : учеб. пособие и учебный словарь-минимум по религиоведению / под ред. проф. И. Н. Яблокова. М. : Гардарики, 2000. С. 117.

⁸ Лопашенко Н. А. О защите экономических свобод уголовным законом и от уголовного закона // Проблемы эффективности осуществления правоохранительной функции в обеспечении социально-экономической стабильности в обществе : сборник материалов конференции. Минск : БГУ, 2018. С. 87–88.

⁹ Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2009. С. 15, 56, 68.

¹⁰ Кошкина Е. А., Павловская Н. И., Ягудина Р. И. [и др.] Медико-социальные и экономические последствия злоупотребления алкоголем в Российской Федерации // Информационно-аналитический вестник «Социальные аспекты здоровья населения». URL: <http://vestnik.mednet.ru/> (дата обращения: 05.05.2023); Мокаева Б. И. Алкоголизм и наркомании как провоцирующие факторы криминальной агрессии. Социальная опасность наркологических больных // Наркология. 2008. № 4. С. 91–92; Москаленко В. Д. Медицинские последствия алкоголизма и наркомании // Там же. 2007. № 7. С. 52–57.

тяжесть уголовной репрессии по данным делам не соответствует их общественной опасности. Глобальная комиссия по вопросам наркополитики (Global Commission on Drug Policy (GCDP)) призывает к легализации большинства наркотических веществ, признав, что силовые методы борьбы с наркотиками лишь провоцируют рост преступности в этой сфере и увеличивают смертность от передозировки¹¹. Антинаркотическое законодательство должно быть пересмотрено с учетом зарубежного опыта, делающего акцент в борьбе с наркотизацией населения на защите от проникновения в общество действительно разрушающих веществ¹².

Проблемы уголовно-правовой охраны личности

Уголовно-правовая политика в сфере охраны личности следует состоянию уголовной политики в целом, т.е. не является ни системной, ни эффективной. Уголовный кодекс, декларируя, что «уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека» (ст. 7), и начиная Особенную часть разделом «Преступления против личности», на самом деле не выделяет охрану жизни и здоровья человека в качестве приоритетной задачи. Так, конструкция п. «а» ч. 2 ст. 105, предусматривающего наказание за убийство двух или более лиц, низводит уголовно-правовую оценку убийства третьего и любого последующего человека к фикции. После убийства второго человека все последующие убийства могут быть описаны и квалифицированы с точки зрения статистики, но не уголовного права. При этом нет необходимости доказывать, что убийство, например, пяти человек гораздо тяжелее, чем убийство четы-

рех. Рассматривая проблему неэффективности превентивных уголовно-правовых мер в случаях с множественными убийствами, ученые предлагали, в частности, включить в ст. 105 УК РФ часть 3, предусматривающую ответственность за массовое убийство как особо квалифицирующий признак данного преступления¹³, однако и эта мера не выделяет особым образом жизнь человека из числа иных ценностей и не решает практических вопросов: при каком количестве убийств можно говорить о том, что оно массовое? Где провести грань между новой нормой и существующей сегодня (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ), уже предусматривающей максимальное наказание за убийство двух или более лиц в виде пожизненного лишения свободы (и теоретически в виде смертной казни)? Жизнь человека как особый уникальный объект требует и особых уголовно-правовых правил ее охраны: лишение жизни каждого человека должно получать отдельную правовую оценку и отдельное наказание, сложение которых между собой должно образовывать окончательное наказание без ограничения его меры и срока.

Вместе с выделением норм, охраняющих жизнь и здоровье человека, в отдельную главу уголовный закон в конструкции иных статей в других главах низводит безопасность человека от высшей ценности до квалифицирующего признака. Представляется необходимым исключить смерть человека как квалифицирующий признак (и как обстоятельство, отягчающее наказание в силу ст. 63 УК РФ) любых преступлений: как неосторожных, так и умышленных. При этом в случае причинения смерти в результате неосторожного деяния дополнительно квалифицировать его по ст. 109, а в случае умышленного преступления — по ст. 105 УК РФ¹⁴.

¹¹ URL: <https://www.globalcommissionondrugs.org/> (дата обращения: 05.05.2023).

¹² ООН: Россия занимает первое место в мире по потреблению героина // Сайт «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2009/10/22/geroin-anons.html> (дата обращения: 05.05.2023).

¹³ Милюков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 216; Морозов В. И., Шарапов Р. Д. Совершенствование уголовной ответственности за множественные убийства // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 1. С. 127–132; Попов А. Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2003. С. 51.

¹⁴ Антонченко В. В. Уголовное право на охране жизни человека // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 12 (73). С. 118–125.

Статья 19 Конституции России устанавливает равенство людей перед законом и судом. Этот конституционный (и цивилизационный) принцип развивается в ст. 4 УК РФ, определяющей, что лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Одновременно законодатель в ст. 277 (посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля), ст. 295 (посягательство на жизнь судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, защитника, эксперта, специалиста, судебного пристава, судебного исполнителя в связи с их профессиональной деятельностью либо из мести за такую деятельность, а равно их близких), ст. 317 УК РФ (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа) фактически дифференцирует уголовную ответственность в зависимости от должностного положения потерпевшего, устанавливая в указанных случаях не только больший размер наказания, но и более строгие виды наказаний.

Неправовой характер носят и статьи 297, 319, 336 УК РФ, защищающие от оскорбления судей, представителей власти и военнослужащих при исполнении ими служебных обязанностей. Оскорбление заключается в негативной оценке органа, лица либо их деятельности, причем о «неприличной форме» как обязательном признаке деяния, в отличие от ст. 5.61 «Оскорбление» КоАП РФ, уголовный закон не упоминает. Поскольку такая оценка представителя власти есть не что иное, как критика, постольку основным назначением указанных составов преступления является защита от критики. Однако в условиях отсутствия критики властные органы и их должностные лица не способны выполнять

свое предназначение, понимаемое в свете современных представлений о правовом социальном государстве.

Равенство граждан перед законом и свобода слова могут быть неприемлемы для определенных людей, социальных групп и даже общественной морали. Однако общество, стремящееся к социальной справедливости и благополучию, должно признать эти «издержки демократии» необходимым «злом», поскольку на другой чаше весов лежит всегда сохраняющаяся возможность возвращения в социальное пространство аморальности, несвободы, легко трансформирующаяся в свободу зла, тиранию и рабство.

Решение указанной дилеммы в демократическом государстве иллюстрирует процесс «Журнал “Хастлер” против Фалуэлла» (США, 1988), ставший основой для сценария художественного фильма «Народ против Ларри Флинта» (The People vs Larry Flynt). Помимо важнейших вопросов поиска баланса в столкновении индивидуальной свободы с общественной моралью и религией, данное дело вызывает интерес каузацией довода о том, что возможность публичного лица подвергнуться нападкам любого рода (в том числе и полагаемым оскорбительными) является неотъемлемым от его статуса элементом профессионального риска, к которому это лицо, добровольно принявшее на себя данные обязанности, должно быть готово: «Суд расширяет право критиковать тех, кто находится на виду у общества»¹⁵.

Представляется, что вред от норм, подобных указанным выше, превышает их потенциальную полезность, позволяя недобросовестным властным субъектам реализовывать свои личные, узкогрупповые и иные, как правило, меркантильные интересы, применяя действующее законодательство. Личности с отклоняющимся поведением присутствуют во всех общественных стратах, в том числе и во властных структурах; поддержка неправовых (с точки зрения естественного права) деяний нормами уголов-

¹⁵ Court, 8-0, Extends right to criticize those in public eye // Сайт New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/1988/02/25/us/court-8-0-extends-right-to-criticize-those-in-public-eye.html> (дата обращения: 05.05.2023).

ного закона свидетельствует о нравственной катастрофе в управленческой и правоохранительной деятельности, о криминальной болезни власти, угрожающей безопасности социума.

Наказание и уголовно-исполнительная политика

Уголовно-исполнительная политика государства определяет цели уголовных наказаний, порядок их исполнения и применения к осужденным мер исправительного воздействия. Будучи производной от уголовной политики, уголовно-исполнительная политика следует ее состоянию и получает от первой присущие той признаки бессистемности, разбалансированности и неэффективности.

Ученые давно выражают скепсис относительно достижимости декларируемых целей наказания (ст. 43 УК РФ), говоря о том, что ни восстановления социальной справедливости (в силу разного понимания справедливости как таковой у разных людей, социальных групп и общественных страт), ни исправления осужденного (в силу психолого-педагогических и социальных детерминант преступности), ни предупреждения совершения новых преступлений (о чем свидетельствует состояние преступности на протяжении всей человеческой истории) применением наказания добиться невозможно. А. А. Тер-Акопов считает глубоко ошибочной формулировку одной из целей наказания — обеспечение социальной справедливости,

утверждая, что цель у наказания одна — справедливое возмездие¹⁶. Я. И. Гилинский говорит о наказании как о криминогенном факторе¹⁷. Представляется, что вред любого наказания является его имманентной особенностью.

Вместе с тем сегодня нет иного, альтернативного наказанию варианта реагирования общества на преступность, и следовательно, перед юридической наукой стоит задача предложить такие виды наказания и порядок их исполнения, которые, во-первых, не наносили бы социуму неприемлемый вред, во-вторых, хоть в какой-то степени приближали бы к заявленным целям.

Отечественный уголовный закон предусматривает 13 видов наказаний (ст. 44 УК РФ), большинство из которых обоснованно критикуется. Прежде всего, из указанных в законе с момента его издания не применялись два вида наказания: смертная казнь и арест.

Смертная казнь применялась ранее согласно Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. Указание на нее в Конституции России и УК РФ (ст. 59) и фактически одновременный мораторий на ее применение, установленный Президентом РФ и подтвержденный Конституционным Судом РФ¹⁸, в соответствии с которым наказание в виде смертной казни не должно ни назначаться, ни исполняться, являются основанием для продолжения дискуссии в среде ученых, политических, общественных и религиозных деятелей о возможности и необходимости возвращения смертной казни в практику наказаний¹⁹. Смертная казнь, как умышленное убийство человека, с

¹⁶ Тер-Акопов А. А. Нравственность и право : сборник избранных научных статей проф. А. А. Тер-Акопова // Российский военно-правовой сборник. 2005. № 6. С. 36.

¹⁷ Гилинский Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна : сборник статей. СПб. : Алетей, 2017. С. 115–120.

¹⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 постановления Верховного Совета РФ от 16.07.1993 “О порядке введения в действие Закона РФ ‘О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях” в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» ; определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части постановления Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П».

¹⁹ Смертная казнь: за и против : сборник / сост. О. Ф. Шишов, Т. С. Парфенова ; под ред. С. Г. Келиной. М. : Юрид. лит., 1989. 525 с.

философско-правовых, морально-нравственных, этических и гуманитарных позиций является не наказанием, а преступлением, худшим видом убийства (по Б. Шоу). Пагубность данного вида наказания состоит в том, что оно оправдывает убийство в общественном сознании, низвергая высшую ценность — жизнь человека — на уровень волевого акта²⁰. В наши дни само наличие в законодательстве данного вида наказания позорит отечественный уголовный закон и требует скорейшего изъятия. Даже неприменяемая, смертная казнь разрушает принципы общественной морали и нравственности, заключающиеся в неприкосновенности человеческой жизни.

Арест (ст. 54 УК РФ), заключающийся в строгой, но кратковременной изоляции осужденного от общества, представляется очень эффективным видом наказания. Строгая изоляция оказывает на арестованного мощное морально-психологическое воздействие, однако кратковременность изоляции и ее условия уменьшают возможность асоциализации осужденного, усвоения им преступной модели поведения и криминальных навыков. В соответствии с Федеральным законом от 13.06.1996 № 64-ФЗ Положение о наказании в виде ареста должно было быть введено не позднее 2006 г., однако это требование закона до сих пор не реализовано. Объяснение неприменения ареста в течение 26 лет с момента принятия уголовного кодекса отсутствием арестных домов как условия для исполнения этого вида наказания не выдерживает критики, однако других объяснений обществу не предъявлено.

Большинство из применяемых сегодня в России 11 видов уголовных наказаний отягощены системными дефектами, не только нивелирующими их исправительное воздействие на осужденного, но и имеющими обратный эффект распространения криминальной контркультуры и осложнения криминальной ситуации в стране.

Пожизненное лишение свободы (ст. 57 УК РФ), существующее как альтернатива смертной казни, обладает таким же, как и у смертной казни, признаком философско-правовой фатальности, отрицающей почти всякую возможность благополучного исхода для осужденного, что принципиально противоречит задаче его исправления. Одно это ставит вопрос о целесообразности данного вида наказания. Рациональность данного вида наказания также ставится под сомнение тем, что лишение свободы на определенный срок (до 20 лет, а в ряде случаев (по совокупности приговоров) до 35 лет (ст. 56 УК РФ)) обладает достаточным карательным потенциалом²¹. Кроме того, лицо, отбывающее пожизненное лишение свободы, может быть условно-досрочно освобождено через 25 лет (ч. 5 ст. 79 УК РФ), что в сравнении с лишением свободы на определенный срок подрывает логику данного наказания.

Лишение свободы на определенный срок (ст. 56 УК РФ) в России является наиболее традиционным видом уголовного наказания. При этом вряд ли оправданно существование в соответствии со ст. 58 УК РФ нескольких видов режимов отбывания наказания (4 вида исправительных колоний, тюрьма, воспитательные, лечебно-исправительные учреждения) и нескольких видов условий (ст. 87 УИК РФ) в каждом из них (обычные, облегченные и строгие условия — в колониях; общий и строгий режим — в тюрьмах). Различия между режимами и условиями содержания заключаются лишь в количестве средств, которые осужденные могут ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости; количестве краткосрочных и длительных свиданий в течение года; количестве посылок или передач в течение года. В камерах и запираемых помещениях условия и режимы отбывания наказания влияют также на длительность ежедневной прогулки (от 1,5 до 3 часов). Представляется,

²⁰ Курс уголовного права / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало, 2002. Т. 2 : Общая часть. Учение о наказании. С. 88.

²¹ О предлагаемых автором принципах наказания за особо тяжкие преступления против жизни (сложение сроков наказания за причинение каждой смерти без ограничения общего срока наказания) автором указывалось выше.

что в XXI в. дифференциацию осужденных по доступу к продуктам питания и пользованию предметами первой необходимости (как, собственно, и их ограничение) вряд ли можно полагать эффективной мерой исправительного воздействия. Тем более это справедливо в отношении свиданий с родными и близкими, которые являются мощным средством ресоциализации осужденного. Никаких иных последствий, кроме озлобления, деградации личности, разрушения физического и психического здоровья человека, содержащегося в условиях российской тюрьмы, предполагающих существенные ограничения в питании, предметах первой необходимости, общении с близкими, ожидать не приходится. В пенитенциарных учреждениях ФСИН России в январе 2023 г. содержалось более 430 тыс. человек. Данное количество заключенных само по себе опровергает возможность реализации принципов, утвержденных Концепцией развития уголовно-исполнительной системы РФ²², по реабилитации правонарушителей на основе индивидуализированного обращения с ними, обуславливая репрессивные методы «исправления». Признавая крайнюю неэффективность лишения свободы, необходимо полагать его высшим и исключительным видом наказания, единственный смысл которого — в изоляции лица, представляющего опасность для общества. При этом условное осуждение (ст. 73 УК РФ), разоружающее существующую «лестницу наказаний» и превращающее наказание в профанацию, недопустимо.

Принудительные работы (ст. 53.1 УК РФ) применяются как альтернатива лишению свободы, при отбывании которых, однако, осужденный помещается в специализированное учреждение — исправительный центр. Существование данного вида наказания противоречит не только уголовно-правовому смыслу и общим началам назначения наказания (в случае назначения принудительных работ применяется более строгое наказание — лишение свободы, а

затем оно может быть заменено на менее строгое, что противоречит принципу: более строгое наказание применяется, если менее строгое не позволяет обеспечить достижение целей наказания), но и простой логике: принудительные работы, не связанные с изоляцией осужденного от общества, но фактически прекращающие для него социально полезные связи, существуют наряду с лишением свободы в колонии-поселении с фактически такими же условиями²³. Об эффективности же данного вида наказания, рассчитанного на выполнение низкоквалифицированных и низкооплачиваемых работ в условиях рыночной экономики, говорить не приходится.

Содержание в дисциплинарной воинской части (ст. 55 УК РФ) ранее представлялось необходимым видом наказания, позволяющим в ряде случаев совершившему преступление военнослужащему, проходящему военную службу по призыву, избежать лишения свободы. В наши дни оно утратило актуальность в связи с увеличивающейся долей военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, к которым данный вид наказания не применяется. Об утрате актуальности свидетельствует то, что в России существуют лишь две дисциплинарные воинские части с незначительным количеством осужденных. Для Минобороны РФ, в структуре которого существуют дисциплинарные воинские части, исполнение уголовных наказаний является непрофильной функцией, что также ставит под сомнение эффективность данного вида наказания.

Исправительные работы (ст. 50 УК РФ) назначаются осужденному, имеющему основное место работы, а равно не имеющему его. В первом случае осужденный отбывает исправительные работы по основному месту работы — наказание фактически является «штрафом в рассрочку», поскольку сводится к удержанию в доход государства от 5 до 10 % заработной платы. Это также справедливо и для *ограничения по военной службе* (ст. 51 УК РФ).

²² Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года».

²³ Ложкина Л. В. Принудительные работы как вид наказания: вопросы назначения и исполнения // Вестник Удмуртского университета. 2021. Т. 31. № 2. С. 265–270.

Во втором случае осужденный отбывает наказание в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями. Неработающие граждане, как правило, и не желают работать, относятся к социально запущенным маргинальным категориям населения. Сотрудники уголовно-исполнительной инспекции сталкиваются со значительными трудностями как при их трудоустройстве, так и при последующем надзоре за ними. В условиях рыночной экономики, безработицы, незаинтересованности работодателя в получении неквалифицированного недисциплинированного работника с маргинализированным сознанием исполнение данного вида наказания является крайне неэффективным. Данная неэффективность является производной от контрпродуктивности любого принудительного труда. Выполнение трудовой функции, предусматривающей работу по определенной профессии и квалификации за установленную заработную плату, может производиться только в рамках трудового права и добровольно заключенного трудового договора. Принудительный труд в XXI в. должен быть исключен из уголовно-исполнительного арсенала. Это не относится к обязательным работам, которые выполняются в свободное от основной работы время, имеют недобровольный и исключительно «наказательный» характер и не подлежат оплате.

Наиболее соответствующими современным представлениям из действующих наказаний представляются штраф (ст. 46 УК РФ), лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ), лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград (ст. 48 УК РФ), обязательные работы (ст. 49 УК РФ), ограничение свободы (ст. 53 УК РФ), т.е. разумные наказания, не являющиеся затратными для государства, не разрушающие

семейные связи, здоровье и психику человека, не влекущие за собой потерю трудовых навыков и одновременно приобретение криминального опыта.

Лишение свободы как исключительная мера наказания должна применяться только за тяжкие преступления против личности. Установленные сейчас сроки лишения свободы — до 25–35 лет — абсурдны и не имеют ничего общего ни с целями наказания, ни с задачами правосудия. Условия и сроки отбывания наказания должны соответствовать современным взглядам на исправление и ресоциализацию осужденных. В любом случае пенитенциарная система не может быть криминальной школой для новичков и местом повышения квалификации для рецидивистов.

Выводы

Правовая реальность в отечественном уголовно-правовом пространстве далека от современных научно обоснованных представлений о должном регулировании данной сферы. Современный уголовный закон, представляющий собой компиляцию из нескольких сотен федеральных законов, оказывает негативное воздействие не только на граждан и общество, но и на правоохранительные органы, дезорганизуя их деятельность²⁴.

Острейшей задачей уголовной политики и первейшей целью уголовного законодательства является охрана наиболее значимых ценностей, которые можно полагать универсальными. Набор этих ценностей очевиден вне зависимости от общественного устройства и политического режима, их абсолютность подтверждена всем ходом исторического развития человеческой цивилизации — это права человека на жизнь, здоровье и безопасность. Обеспечение этих ценностей возможно лишь в условиях дейст-

²⁴ Славская Н. В. К вопросу об эффективности действия российского уголовного законодательства // Государство и право в XXI веке. 2017. № 1. С. 40–44 ; Цепелев В. Ф. Творческое наследие М. Д. Шаргородского в контексте уголовной политики // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее : материалы научной конференции, посвященной памяти проф. М. Д. Шаргородского. СПб. : Изд. дом СПб. гос. ун-та, 2005. С. 40–43.

вительного признания обществом, государством и правом значимости свободы, равенства и справедливости, выступающих в современном мире в качестве самостоятельных ценностей, также требующих государственно-правовой защиты. Именно на обеспечение реальности данной взаимосвязи должна быть направлена уголовная политика государства, полагающего себя цивилизованным, при отборе ценностей, в охране которых заинтересовано общество, и при определении баланса между личной свободой и коллективной безопасностью.

Сегодня преступность объясняется прежде всего социальными детерминантами, коммуницирующими с психическими, физиологическими и иными особенностями личности. Вместе с тем общество не освобождено (и, видимо, никогда не будет освобождено) от мистифицированного взгляда на социальную реальность и причинно-следственные связи в ней. Подобный взгляд неизбежен для индивидуального и общественного сознания, являющегося функцией, отражающей несовершенство знаний о природе и обществе, и обостряется во время социально-политических кризисов. Уголовное законодательство, а также законодательство и право в целом как коллективный интеллектуальный продукт, формирующийся под воздействием материальной практики, должно стремиться избавиться от влияния на него иррационализма, сиюминутной политической конъюнктуры и властных интересов, представляемых обществу как общенациональные.

Уголовная политика должна развернуться от карательных идей к правовосстановительному

мировоззрению. Этот разворот возможен лишь при условии перцепции общественным правосознанием современных взглядов на право, внедрения их в правовую культуру. Мудрость законодателя (и правоприменителя) в этой сфере состоит в соблюдении баланса, в непричинении действием закона вреда большего, чем причинено преступлением. Очевидным следствием из аксиомы о приоритете прав человека (ст. 2 Конституции РФ) как исходной нормы для формирования всего законодательства является постулирование главной задачи уголовной политики — защиты прав и свобод человека и гражданина. Главной целью уголовного правосудия должна быть не месть преступнику, маскируемая терминами «кара», «возмездие», «восстановление социальной справедливости», а охрана законных интересов потерпевшего и предупреждение совершения новых преступлений.

Ученые давно говорят о противоречивости и бессистемности принимаемых Государственной Думой РФ законодательных актов по изменению уголовного закона²⁵. Однако если ранее преобладало мнение, что необходимости принятия нового Уголовного кодекса нет и достаточно принятия его новой редакции, то сегодня массив накопленных системных дефектов в этой сфере уже не позволяет совершенствовать ее без радикальных мер. Требуется разработка и принятие нового уголовного закона, учитывающего все современные представления об эволюции государства и права, о правовом государстве и об объективных цивилизационных ценностях, обеспечивающих общественный прогресс.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Антонченко В. В.* Уголовное право на охране жизни человека // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 12 (73). — С. 118–125.
2. *Бытко Ю. И.* Криминализация как важнейшая составляющая уголовной политики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2016. — № 6. — С. 127–135.
3. *Гилинский Я. И.* Уголовная политика общества постмодерна // Уголовная политика и правоприменительная практика : сборник материалов IX Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 11 марта 2022 г.) / под общ. ред. Е. Н. Рахмановой. — СПб. : Астерион, 2022. — 716 с.

²⁵ *Якубов А. Е.* Проблемы уголовного законотворчества: нужен ли новый уголовный кодекс? // Вестник МГУ. Серия 11, Право. 2015. № 4. С. 73–85.

4. *Гилинский Я. И.* Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна : сборник статей. — СПб. : Алетейя, 2017. — 280 с.
5. *Гилинский Я. И.* Криминология постмодерна (неокриминология). — СПб. : Алетейя, 2021. — 136 с.
6. *Голик Ю. В., Коробеев А. И.* Прошлогодние трансформации уголовного закона: реплика // Уголовное право. — 2013. — № 2. — С. 16–17.
7. *Жалинский А. Э.* Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2009. — 296 с.
8. *Кошкина Е. А., Павловская Н. И., Ягудина Р. И.* [и др.] Медико-социальные и экономические последствия злоупотребления алкоголем в Российской Федерации // Информационно-аналитический вестник «Социальные аспекты здоровья населения». — URL: <http://vestnik.mednet.ru/> (дата обращения: 05.05.2023).
9. Курс уголовного права / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. — М. : Зерцало, 2002. — Т. 2 : Общая часть. Учение о наказании. — 291 с.
10. *Ложкина Л. В.* Принудительные работы как вид наказания: вопросы назначения и исполнения // Вестник Удмуртского университета. — 2021. — Т. 31. — № 2. — С. 265–270.
11. *Лопашенко Н. А.* О защите экономических свобод уголовным законом и от уголовного закона // Проблемы эффективности осуществления правоохранительной функции в обеспечении социально-экономической стабильности в обществе : сборник материалов конференции. — Минск : БГУ, 2018. — С. 87–88.
12. *Лопашенко Н. А.* Уголовная политика. — М. : Волтерс Клувер, 2009. — 579 с.
13. *Милюков С. Ф.* Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. — СПб., 2000. — С. 216.
14. *Мокаева Б. И.* Алкоголизм и наркомании как провоцирующие факторы криминальной агрессии. Социальная опасность наркологических больных // Наркология. — 2008. — № 4. — С. 91–92.
15. *Морозов В. И., Шарапов Р. Д.* Совершенствование уголовной ответственности за множественные убийства // Вестник Тюменского гос. университета. — 2006. — № 1. — С. 127–132.
16. *Москаленко В. Д.* Медицинские последствия алкоголизма и наркомании // Наркология. — 2007. — № 7. — С. 52–57.
17. *Попов А. Н.* Убийства при отягчающих обстоятельствах. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. — 896 с.
18. Религиоведение : учеб. пособие и учебный словарь-минимум по религиоведению / под ред. проф. И. Н. Яблокова. — М. : Гардарики, 2000. — 536 с.
19. ООН: Россия занимает первое место в мире по потреблению героина // Сайт «Российской газеты». — URL: <https://rg.ru/2009/10/22/geroin-anons.html> (дата обращения: 05.05.2023).
20. *Скрипник А. П.* Моральное зло в истории этики и культуры. — М. : Политиздат, 1992. — 351 с.
21. Смертная казнь: за и против : сборник / сост. О. Ф. Шишов, Т. С. Парфенова ; под ред. С. Г. Келиной. — М. : Юрид. лит., 1989. — 525 с.
22. *Славская Н. В.* К вопросу об эффективности действия российского уголовного законодательства // Государство и право в XXI веке. — 2017. — № 1. — С. 40–44.
23. *Тер-Акопов А. А.* Нравственность и право : сборник избранных научных статей проф. А. А. Тер-Акопова // Российский военно-правовой сборник. — 2005. — № 6.
24. *Цепелев В. Ф.* Творческое наследие М. Д. Шаргородского в контексте уголовной политики // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее : материалы научной конференции, посвященной памяти проф. М. Д. Шаргородского. — СПб. : Изд. дом СПб. гос. ун-та, 2005. — С. 40–43.
25. *Якубов А. Е.* Проблемы уголовного законодательства: нужен ли новый уголовный кодекс? // Вестник МГУ. Серия 11, Право. — 2015. — № 4. — С. 73–85.

Материал поступил в редакцию 5 мая 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Antonchenko V. V. Uголовное право na okhrane zhizni cheloveka // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2016. — № 12 (73). — S. 118–125.
2. Bytko Yu. I. Kriminalizatsiya kak vazhneyshaya sostavlyayushchaya uголовной политики // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. — 2016. — № 6. — S. 127–135.
3. Gilinskiy Ya. I. Uголовная политика obshchestva postmoderna // Uголовная политика i pravoprimeritel'naya praktika: sbornik materialov IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 11 marta 2022 g.) / pod obshch. red. E. N. Rakhmanovoy. — SPb.: Asterion, 2022. — 716 s.
4. Gilinskiy Ya. I. Deviantnost, prestupnost, sotsialnyy kontrol v obshchestve postmoderna: sbornik statey. — SPb.: Aleteyya, 2017. — 280 s.
5. Gilinskiy Ya. I. Kriminologiya postmoderna (neokriminologiya). — SPb.: Aleteyya, 2021. — 136 s.
6. Golik Yu. V., Korobeev A. I. Proshlogodnie transformatsii uголовного zakona: replika // Uголовное право. — 2013. — № 2. — S. 16–17.
7. Zhalinskiy A. E. Uголовное право v ozhidanii peremen. Teoretiko-instrumental'nyy analiz. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Prospekt, 2009. — 296 s.
8. Koshkina E. A., Pavlovskaya N. I., Yagudina R. I. [i dr.] Mediko-sotsialnye i ekonomicheskie posledstviya zloupotrebleniya alkogolem v Rossiyskoy Federatsii // Informatsionno-analiticheskoy vestnik «Sotsialnye aspekty zdorovya naseleniya». — URL: <http://vestnik.mednet.ru/> (data obrashcheniya: 05.05.2023).
9. Kurs uголовного prava / pod red. N. F. Kuznetsovoy, I. M. Tyazhkovoy. — M.: Zertsalo, 2002. — T. 2: Obshchaya chast. Uchenie o nakazanii. — 291 s.
10. Lozhkina L. V. Prinuditel'nye raboty kak vid nakazaniya: voprosy naznacheniya i ispolneniya // Vestnik Udmurtskogo universiteta. — 2021. — T. 31. — № 2. — S. 265–270.
11. Lopashenko N. A. O zashchite ekonomicheskikh svobod uголовным zakonom i ot uголовного zakona // Problemy effektivnosti osushchestvleniya pravookhranitel'noy funktsii v obespechenii sotsialno-ekonomicheskoy stabilnosti v obshchestve: sbornik materialov konferentsii. — Minsk: BGU, 2018. — S. 87–88.
12. Lopashenko N. A. Uголовная политика. — M.: Volters Kluver, 2009. — 579 s.
13. Milyukov S. F. Rossiyskoe uголовное zakonodatel'stvo: opyt kriticheskogo analiza. — SPb., 2000. — S. 216.
14. Mokaeva B. I. Alkogolizm i narkomanii kak provotsiruyushchie faktory kriminal'noy agressii. Sotsial'naya opasnost' narkologicheskikh bolnykh // Narkologiya. — 2008. — № 4. — S. 91–92.
15. Morozov V. I., Sharapov R. D. Sovershenstvovanie uголовной otvetstvennosti za mnozhestvennyye ubiystva // Vestnik Tyumenskogo gos. universiteta. — 2006. — № 1. — S. 127–132.
16. Moskalenko V. D. Meditsinskie posledstviya alkogolizma i narkomanii // Narkologiya. — 2007. — № 7. — S. 52–57.
17. Popov A. N. Ubiystva pri otyagchayushchikh obstoyatel'stvakh. — SPb.: Yuridicheskoy tsentr-Press, 2003. — 896 s.
18. Religiovedenie: ucheb. posobie i uchebnyy slovar-minimum po religiovedeniyu / pod red. prof. I. N. Yablokova. — M.: Gardariki, 2000. — 536 s.
19. OON: Rossiya zanimaet pervoe mesto v mire po potrebleniyu geroina // Sayt «Rossiyskoy gazety». — URL: <https://rg.ru/2009/10/22/heroin-anons.html> (data obrashcheniya: 05.05.2023).
20. Skripnik A. P. Moral'noe zlo v istorii etiki i kultury. — M.: Politizdat, 1992. — 351 s.
21. Smertnaya kazn: za i protiv: sbornik / sost. O. F. Shishov, T. S. Parfenova; pod red. S. G. Kelinoy. — M.: Yurid. lit., 1989. — 525 s.
22. Splavskaya N. V. K voprosu ob effektivnosti deystviya rossiyskogo uголовного zakonodatel'stva // Gosudarstvo i pravo v XXI veke. — 2017. — № 1. — S. 40–44.
23. Ter-Akopov A. A. Nravstvennost i pravo: sbornik izbrannykh nauchnykh statey prof. A. A. Ter-Akopova // Rossiyskiy voenno-pravovoy sbornik. — 2005. — № 6.
24. Tsepelev V. F. Tvorcheskoe nasledie M. D. Shargorodskogo v kontekste uголовной политики // Rossiyskoe uголовное право: traditsii, sovremennost', budushchee: materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchenoy pamyati prof. M. D. Shargorodskogo. — SPb.: Izd. dom SPb. gos. un-ta, 2005. — S. 40–43.
25. Yakubov A. E. Problemy uголовного zakonotvorchestva: nuzhen li novyy uголовnyy kodeks? // Vestnik MGU. Seriya 11, Pravo. — 2015. — № 4. — S. 73–85.

Уголовно-процессуальный статус следственной группы

Аннотация. Статья посвящена уголовно-процессуальной природе следственной группы. На основе признаков следственной группе производится ее разграничение с иными формами коллективного осуществления предварительного расследования: следственно-оперативной (дежурной, целевой, специализированной, совместной) и криминалистической группой. Особое внимание уделяется основаниям создания, субъектному составу следственной группы, требованиям ознакомления участников уголовного судопроизводства с данным составом. Обосновывается идея о том, что в уголовно-процессуальном законе должны быть закреплены нормы, регулирующие статус руководителя следственной группы, вопросы его взаимодействия с руководителем следственного органа, со следователями — членами следственной группы. Отмечается, что действующие правовые положения ограничивают процессуальную самостоятельность следователя как участника рассматриваемой группы по сравнению с единоличной формой производства предварительного следствия. Изучение практики Конституционного Суда РФ, а также апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции позволило сформулировать некоторые предложения по совершенствованию законодательной регламентации функционирования следственной группы.

Ключевые слова: следственная группа; уголовно-процессуальная природа; следственно-оперативная группа; следователь; руководитель следственной группы; руководитель следственного органа; предварительное следствие; объявление о составе следственной группы; сложность дела; объявление состава; создание; функционирование.

Для цитирования: Кулев А. Г. Уголовно-процессуальный статус следственной группы // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 12. — С. 137–150. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.137-150.

Criminal Procedural Status of the Investigation Team

Aleksandr G. Kulev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor,
Department of Criminal Procedure and Criminology, P.G. Demidov Yaroslavl State University
ul. Sovetskaya, d. 14, Yaroslavl, Russia, 150003
kulev1984@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the criminal procedural nature of the investigation team. Based on the characteristics inherent in the investigation team, it is differentiated from other forms of collective implementation of the preliminary investigation: crime scene investigation team (duty, target, specialized, joint) and forensic

© Кулев А. Г., 2023

* Кулев Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова
Советская ул., д. 14, г. Ярославль, Россия, 150003
kulev1984@mail.ru

teams. Particular attention is given to the grounds for creation, the parties involved in the investigation team, and the requirements for familiarizing participants in criminal proceedings with this team. The idea is substantiated that the criminal procedural law should establish norms regulating the status of the head of the investigation team, issues of their interaction with the head of the investigative body, with investigators — members of the investigation team. It is noted that the current legal provisions limit the procedural independence of the investigator as a member of the group in question compared to the individual form of preliminary investigation. The study of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as appellate and cassation courts of general jurisdiction, made it possible to formulate some proposals for improving the legislative regulation of the functioning of the investigative team.

Keywords: investigation team; criminal procedural nature; crime scene investigation team; investigator; head of the investigation team; head of the investigative body; preliminary investigation; announcement of the parties involved in the investigation team; complexity of the case; announcement of the parties; creation; functioning.

Cite as: Kulev AG. Criminal Procedural Status of the Investigation Team. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(12):137-150. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.137-150.

Следственная группа является одной из форм совместного осуществления предварительного расследования по уголовному делу. Впервые в отечественном законодательстве на кодифицированном уровне следственная группа получила закрепление в ч. 3 ст. 129 УПК РСФСР 1961 г., которая провозглашала, что в случае сложности дела или его большого объема предварительное следствие может быть поручено нескольким следователям. В последующем коллективный метод расследования не просто оправдал себя, а доказал свою жизненную необходимость. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174 посвятил регламентации следственной группы отдельную статью (ст. 163), где, в отличие от прежнего кодекса, используется соответствующий термин. Однако УПК РФ не содержит легальной дефиниции следственной группы, некоторые положения ее нормативного регулирования вызывают теоретические дискуссии и правоприменительные сложности, другие становятся объектом рассмотрения Конституционного Суда РФ на предмет их соответствия Конституции РФ. Все вышесказанное обуславливает необходимость исследования и попытку решения данных актуальных проблем.

Прежде чем предложить определение следственной группы, необходимо проанализировать признаки, ограничивающие ее от иных форм коллективного расследования уголовных дел. В первую очередь следственную группу необходимо отличать от следственно-оперативной группы. Некоторые авторы склонны смешивать эти различные по своей правовой природе понятия¹. Дело в том, что следственная группа по своей сущности является процессуальной (закреплена и регламентирована в УПК РФ). Следственно-оперативная группа законом не предусмотрена, она создается и функционирует на ведомственном уровне. Определенный диссонанс при дифференциации названных групп вносит сам законодатель. Согласно ч. 2 ст. 163 УПК РФ к работе следственной группы могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. На основе данной нормы отдельные специалисты приходят к выводу, что УПК РФ закрепляет деятельность следственно-оперативных групп². Полагаем, что вряд ли имеются основания для подобного вывода. В той же части 2 ст. 163 УПК РФ говорится, что в постановлении должны быть перечислены все следователи, которым поручено производство предварительного следствия, в том числе указывается, какой

¹ Хамгоков М. М. Производство предварительного следствия следственной группой : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 8–9.

² Кучкина В. Г. Сравнительный анализ следственных и следственно-оперативных групп // Российский следователь. 2011. № 24. С. 2.

следователь назначается руководителем следственной группы. Поэтому только следователи и руководитель являются членами следственной группы, оперативные работники лишь *привлекаются* к работе данной группы и не обладают процессуальными полномочиями (за исключением случаев дачи следователем поручения о производстве отдельных следственных или процессуальных действий). Часть 7 ст. 164 УПК РФ позволяет следователю привлечь к участию в следственном действии оперативного сотрудника, но факт его привлечения не означает, что данный сотрудник становится субъектом производства следственного действия. В этой связи мы поддерживаем позицию авторов, которые проводят четкую демаркационную линию между процессуальной следственной группой и ведомственной следственно-оперативной группой, выделяя их конкретные разграничительные критерии³.

Встречаются и точки зрения, примыкающие к нашей позиции, но их представители перспективной видят регламентацию следственно-оперативных групп непосредственно в нормах уголовно-процессуального закона⁴. У нас имеются как минимум две причины, не позволяющие солидаризироваться с указанным предложением. Во-первых, реализация этого предложения сотрет грань между различными по природе группами, внесет путаницу в уголовно-процессуальное регулирование. В каком порядке будут создаваться эти группы, что будет служить фактическим и юридическим основанием их создания, чем будет различаться состав, полномочия членов? Во-вторых, какую практическую пользу принесет включение следственно-оперативных групп в уголовно-процессуальную орбиту? Из этимологии слова «следственно-оперативная» следует, что в ее состав, помимо следователей,

будут включаться сотрудники оперативных подразделений. Но статус последних от этого не изменится. Они не будут иметь самостоятельных полномочий для производства следственных действий. Вопросы их более тесного сотрудничества со следователями так и останутся на уровне организационных, а не процессуальных забот первых, поскольку следователи не имеют процессуально-распорядительных полномочий в отношении оперативных работников, даже проходя службу в одном ведомстве с ними. В этой связи нам импонирует умозаключение одного из ведущих специалистов в области исследования проблем следственных групп последнего времени А. А. Тарасова: «Законодателем справедливо отвергнута попытка определения новой процессуальной формы “следственно-оперативная группа”, поскольку никаких особых процессуальных отношений, не укладывающихся в рамки привычных “поручений” и “требований” следователя, в следственно-оперативной группе не возникает. Термин “привлечены” отражает, с одной стороны, полезное постоянство состава оперативных работников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность по конкретному уголовному делу, а с другой стороны, исключает опасное смешение следственной и оперативно-розыскной деятельности»⁵.

Тем не менее проблемы разграничения следственной и следственно-оперативной групп требуют своего более глубокого исследования. Так, Инструкция по организации взаимодействия подразделений и служб органов внутренних дел в расследовании и раскрытии преступлений, утвержденная приказом МВД России от 20.06.1996 № 334, выделяла несколько видов следственно-оперативных групп: 1) дежурную, 2) целевую (временную), 3) специализирован-

³ Захарова О. В. Коллективные формы расследования: от принятия решения до рекомендаций // Российский следователь. 2011. № 9. С. 3.

⁴ Можяева И. П. О правовом обеспечении деятельности следственно-оперативных групп // Российский следователь. 2011. № 16. С. 35; Улимаев Р. Ю. Следственно-оперативные группы: правовой статус, организация и деятельность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 9.

⁵ Тарасов А. А. Следственная группа по новому УПК России // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. М., 2002. С. 151.

ную (постоянно действующую), 4) совместную (бригаду)⁶. Следует отметить, что данная Инструкция утратила свою силу. В настоящее время действует другая, аналогичная ей инструкция, утвержденная приказом МВД России от 29.04.2015 № 495. Однако ознакомиться и сослаться на нее у нас нет возможности, поскольку она носит ограниченный характер — для служебного пользования.

Итак, дежурная следственно-оперативная группа призвана обеспечить немедленное реагирование на сообщение о преступлениях, производство неотложных следственных действий (по терминологии УПК РСФСР 1961 г.) и оперативно-розыскных мероприятий «по горячим следам». Она формируется в составе следователя, сотрудников оперативных и экспертно-криминалистических подразделений, кинолога, участкового уполномоченного (при необходимости). Данная группа создается согласно графику дежурств соответствующих сотрудников приказом начальника органа внутренних дел по согласованию с руководителем соответствующего следственного органа (если требуется). В основном такая группа выезжает на осмотр места происшествия и возглавляется следователем, то есть функционирует на стадии возбуждения уголовного дела. Следственная же группа создается с момента начала предварительного следствия (одновременно с возбуждением уголовного дела) либо в момент осуществления предварительного следствия (отдельным постановлением руководителя следственного органа). Однако встречаются предложения, обосновывающие необходимость создания следственной группы на стадии возбуждения уголовного дела⁷, что входит в противоречие с действующей редакцией ч. 1 ст. 163 УПК РФ. По этой же причине вряд ли обоснованным является мнение о том, что следственная группа создается не только

для расследования преступления, но и для его раскрытия⁸.

Целевая (временная) группа создается для расследования и раскрытия преступлений по конкретному уголовному делу. Данную группу необходимо отличать от следственной. Обе они создаются для расследования конкретного уголовного дела. Но следует помнить, что следственная группа имеет процессуальную природу: создается руководителем следственного органа, в ее состав входят следователи, руководит ими руководитель следственной группы. Целевая группа имеет ведомственную природу: создается приказом начальника органа дознания или совместным приказом начальника органа дознания и начальника следственного отдела того или иного органа (впрочем, сочетание может быть различным). Например, нам встретился совместный приказ руководителя следственного отдела следственного управления Следственного комитета РФ по субъекту РФ и начальника ОМВД по району субъекта РФ о создании совместного штаба по раскрытию преступления. Основанием такого приказа явилась цель оперативного раскрытия и установления всех обстоятельств совершения преступлений по уголовному делу. В состав штаба были включены: представители СК РФ (руководитель и заместитель руководителя следственного отдела, старший следователь — руководитель штаба от СК), представители ОМВД (начальник ОМВД, заместитель начальника отдела уголовного розыска ОМВД — руководитель штаба от ОМВД и оперуполномоченный ОМВД).

Постоянно действующая следственно-оперативная группа создается для расследования и раскрытия определенной категории преступлений. Данная группа отличается от предыдущей временным периодом. Однако она также носит ведомственный (межведомственный)

⁶ Приказ МВД России от 20.06.1996 № 334 «Об утверждении Инструкции по организации взаимодействия подразделений и служб органов внутренних дел в расследовании и раскрытии преступлений» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Савенко Г. М. Следственные группы в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 13.

⁸ Цоколов И. А. Процессуальные и криминалистические особенности расследования преступлений следственной и следственно-оперативной группой : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 9.

характер. В свое время автору удалось воочию наблюдать за созданием и функционированием такой группы в одном из субъектов РФ. Создавалась постоянно действующая следственно-оперативная группа (называлась, правда, она постоянно действующая *следственная группа*, что могло вызвать терминологическую путаницу) в рамках прокуратуры субъекта и возглавлялась прокурором города. В ее состав были включены следователи из районных прокуратур, освобожденные от прежней нагрузки, а также оперативные сотрудники уголовного розыска УВД по субъекту РФ. Был издан соответствующий совместный приказ. Основанием создания группы послужил приказ Генеральной прокуратуры РФ о том, что каждый следователь прокуратуры должен ежемесячно направлять в суд минимум два уголовных дела предметной подследственности.

Совместная следственно-оперативная группа (бригада) создается для расследования и раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе совершенных организованными преступными группами, либо для расследования сложного уголовного дела с большим объемом работы. Думается, что подобная коллективная организация следственной работы может сочетать в себе признаки как целевой, так и специализированной группы, оставаясь при этом сугубо ведомственной (межведомственной).

К иной форме коллективного расследования уголовных дел относятся следственно-оперативные группы, создаваемые исходя из криминалистических характеристик расследуемых преступлений. Например, в методических рекомендациях, подготовленных Главным управлением криминалистики СК при прокуратуре РФ, посвященных особенностям расследования серийных преступлений (на примере убийств), предлагается в рамках следственно-оперативной группы создавать следующие подгруппы: 1) по отработке связей потерпевших; 2) по отработке связей подозреваемых; 3) по отработке территорий — мест совершения преступлений; 4) по информационно-аналитическому обеспечению. Полагаем, что данные разновидности следственно-оперативной группы не обладают процессуальной природой, а поэтому находятся за рамками нашего внимания.

Не входят в круг нашего исследования также вопросы группы дознавателей (ст. 223.2 УПК РФ). Во-первых, проблемы, возникающие в связи с созданием и функционированием этой уже процессуальной группы, аналогичны соответствующим проблемам следственной группы; во-вторых, появившаяся в 2010 г. возможность создания такой группы вряд ли вписывается в концепцию дознания как упрощенной формы предварительного расследования. В случае сложности уголовного дела, расследуемого дознавателем, у прокурора имеется полномочие передать его для производства предварительного следствия (ч. 4 ст. 150 УПК РФ). Конечно, подобные передачи не должны носить системного характера, а должны быть разовыми.

Исходя из вышеизложенного, сформулируем признаки следственной группы:

- 1) это формирование (коллектив) — родовой признак;
- 2) основания, порядок создания и функционирования регламентируются исключительно уголовно-процессуальным законом;
- 3) создается руководителем следственного органа одновременно с решением о возбуждении уголовного дела, о чем выносится соответствующее постановление либо отдельное постановление о производстве предварительного следствия следственной группой;
- 4) в состав группы входят следователи, а должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, ее членами не являются;
- 5) возглавляет деятельность руководитель следственной группы, назначаемый руководителем следственного органа;
- 6) цель создания — производство предварительного следствия по конкретному уголовному делу, представляющего сложность (то есть группа создается в стадии предварительного расследования).

Отметим, что выделение данных признаков среди ученых и практиков вызывает известные дискуссии. Некоторые специалисты предлагают дополнить перечень обозначенных признаков некоторыми другими, о чем будет сказано ниже. Итак, не претендуя на истину в последней

инстанции, формулируем собственную дефиницию следственной группы.

Следственная группа — это регламентированное уголовно-процессуальным законом формирование следователей, создаваемое на основании постановления руководителя следственного органа, возглавляемое назначаемым им руководителем, для производства предварительного следствия по конкретному сложному уголовному делу.

По нашему мнению, ни ведомственные организационные аспекты, ни криминалистические характеристики (при всей их безусловной важности) не должны входить в круг существенных признаков следственной группы, закрепленной в УПК РФ.

Отдельные авторы выделяют и иные признаки следственной группы. Так, М. М. Шамсутдинов полагает, что она создается для расследования тяжких и особо тяжких преступлений, которые представляют особую общественную опасность⁹. Возникает вопрос: как поступать в случае, если в форме дознания расследуется преступление средней тяжести, которое является сложным? Видится два решения: 1) создать группу дознавателей (ст. 223.2 УПК РФ), однако это не решит проблему ограниченных сроков данной формы предварительного расследования, кроме того, сама идея введения в УПК РФ возможности коллективного дознания, как уже отмечалось, вряд ли выглядит обоснованной; 2) прокурор, руководствуясь частью 4 ст. 150 УПК РФ, может передать уголовное дело для производства предварительного следствия, а руководитель следственного органа, получив данное уголовное дело, может принять решение о создании следственной группы. Таким образом, считаем, что не имеется оснований ограничивать возможность создания следственной группы категориями преступлений.

Признак особой общественной опасности преступления также, на наш взгляд, не является определяющим при создании следственной группы. Термин «общественная опасность» является материально-правовым, а не процессуальным, частично он отражается в тех же категориях преступлений. Что касается «особой общественной опасности», то предлагаемый признак характеризует более социально-правовую природу преступления, нежели юридическую. Кроме того, утверждается, что следственная группа должна создаваться для расследования преступления, обладающего социальной и политической значимостью¹⁰. Считаем, что криминологические аспекты совершенного деяния не должны предопределять коллективную форму предварительного следствия. Реализация подобных идей будет нарушать принцип равенства граждан перед законом: для расследования нашумевшего благодаря средствам массовой информации уголовного дела будут задействованы все правоохранительные силы, а «обычные» дела отойдут на второй план.

Остановимся на процессуальных проблемах создания следственной группы. Основанием создания следственной группы, как указано в ч. 1 ст. 163 УПК РФ, является сложность или большой объем уголовного дела. Среди ученых не наблюдается единства в понимании названных терминов и их соотношении между собой.

В. Г. Зафесов полагает, что на практике уголовное дело нередко сочетает в себе оба признака: и сложность, и большой объем. Общим для названных признаков автор считает многоэпизодность уголовного дела¹¹. И. С. Смирнова приходит к выводу, что сложное уголовное дело обладает специфическими признаками: 1) содержательным (многопредметность дела); 2) структурным (совокупность простых уголовных дел)¹². Другие исследователи ратуют за

⁹ Шамсутдинов М. М. Производство предварительного следствия следственной группой (процессуальные, управленческие, и тактико-психологические аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005. С. 8.

¹⁰ Хамгоков М. М. Указ. соч. С. 9.

¹¹ Зафесов В. Г. Проблемы расследования многоэпизодных уголовных дел групповым методом: процессуальные и тактические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 11–12.

¹² Смирнова И. С. Досудебное производство по сложному уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 8.

необходимость разграничения «сложных» и «трудных» дел. При этом при отнесении дела к «трудному» предлагается учитывать личную профессиональную подготовленность лица, осуществляющего уголовное преследование¹³. Полагаем, что подобная неоднозначность используемой терминологии создает проблемы в уяснении сущности оснований создания следственной группы. Кроме того, с точки зрения русского языка понятие «сложный» означает: 1) состоящий из нескольких частей, многообразный по составу частей и связей между ними; 2) трудный, запутанный¹⁴. Исходя из этого, мы склонны считать рассматриваемые понятия тождественными.

Мы солидарны с позицией Ю. А. Цветкова, который пишет, что большой объем уголовного дела в чисто практической плоскости целесообразно рассматривать как один из признаков сложности. При характеристике сложности уголовного дела необходимо отталкиваться от положений ст. 6.1 УПК РФ, предлагающей при определении разумного срока уголовного судопроизводства учитывать, помимо прочего, правовую и фактическую сложность уголовного дела¹⁵. Фактическая сложность может заключаться в многоэпизодности дела, наличии большого числа подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей, проживании их в различных регионах и т.п. Правовая сложность может быть вызвана наличием в уголовном деле специальных субъектов, обладающих особым статусом в уголовном процессе (гл. 52 УПК РФ), осуществлением международно-правового сотрудничества. Таким образом, *основанием создания следственной группы должна являться сложность уголовного дела, рассматриваемая сквозь призму ее правовых и (или) фактических аспектов.*

Мы склонны поддержать позицию законодателя, отраженную в ч. 1 ст. 163 УПК РФ, о том, что при наличии оснований производство предварительного следствия по уголовному делу *может быть* поручено следственной группе. То есть вопрос о том, является ли дело сложным, требует ли оно коллективной формы расследования, должен решаться в каждом конкретном случае по усмотрению руководителя следственного органа. Полагаем, он при принятии решения, безусловно, обязан учитывать фактическую обстановку в следственном отделе: штатную укомплектованность следователей, возможность освобождения будущих членов следственной группы от других дел, находящихся в производстве. В этой связи мы не склонны разделить мнение о том, что создание следственной группы должно быть обязанностью руководителя следственного органа¹⁶.

Согласно ч. 1 и 2 ст. 163 УПК РФ решение о создании следственной группы отражается в постановлении о возбуждении уголовного дела (в этом случае уголовное дело возбуждает сам руководитель следственного органа) либо в отдельном постановлении о производстве предварительного следствия следственной группой. В состав следственной группы включаются следователи, один из которых назначается руководителем следственной группы. Исходя из буквального толкования уголовно-процессуального закона все указанные следователи должны являться работниками одного следственного ведомства, поскольку решение о создании группы принимает один руководитель следственного органа. Таким образом, с позиции УПК РФ недопустимо создание межведомственных следственных групп. Что касается вопроса о включении в состав группы следователей структурных подразделений следственного органа разных

¹³ Терехов А. Ю., Латыпов В. С., Гимазетдинова И. Н. Осуществление досудебного производства в условиях сложности и большого объема уголовного дела. М., 2022. С. 19.

¹⁴ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 1997. С. 731.

¹⁵ Цветков Ю. А. «Особо важные дела»: уголовно-процессуальный смысл // Уголовное судопроизводство. 2022. № 3. С. 20–21.

¹⁶ Зафесов В. Г. Указ. соч. С. 12.

уровней, то закон не дает прямого ответа на вопрос. Думается, что подобная разноуровневая следственная группа вполне имеет право на существование, но с одним уточнением: решение о ее создании должен принимать руководитель того следственного органа, под началом которого несет службу более высокий по уровню отдела (управления) следователь.

В практической сфере возникла проблема, связанная с возможностью включения в состав следственной группы следователя-криминалиста. Кассационный суд, рассмотрев соответствующую жалобу, не нашел оснований для признания недопустимым доказательством протокола следственного эксперимента, фиксацию хода проведения которого осуществлял следователь-криминалист¹⁷. По нашему мнению, стоит согласиться с подобной позицией. Следователь-криминалист не перестает быть следователем, а поэтому на него в полной мере распространяются положения ч. 5 ст. 163 УПК РФ как на члена следственной группы.

В литературе высказываются суждения о возможности «привлечения в состав следственной группы» эксперта¹⁸. Позволим себе высказать некоторые замечания. Во-первых, стоит вести речь не о привлечении в состав, а о привлечении эксперта к работе следственной группы, так как он не может быть включен в ее состав. Во-вторых, в каком значении автор употребляет термин «эксперт»? Если в процессуальном, то деятельность эксперта регламентируется нормами гл. 27 УПК РФ, и упоминать об этом участнике уголовного судопроизводства применительно к деятельности следственной группы не имеет смысла. Если же он привлекается к работе группы в качестве специалиста (занимая должность эксперта в соответствующем учреждении),

то использование термина «эксперт» вряд ли удачно.

Деятельность следственной группы возглавляет ее руководитель, назначаемый из числа следователей руководителем следственного органа. В соответствии с ч. 3 ст. 163 УПК РФ именно руководитель следственной группы принимает уголовное дело к своему производству. Остальные следователи — члены следственной группы дело к своему производству не принимают, их правосубъектность в деле подтверждается в соответствующем постановлении о производстве предварительного следствия следственной группы, где они все указываются¹⁹.

Встречаются ситуации, когда после назначения следователя руководителем следственной группы он принимает дело к своему производству в порядке ч. 2 ст. 156 УПК РФ, не ссылаясь на ч. 3 ст. 163 УПК РФ, что дает поводы для соответствующих жалоб. Суды, рассматривающие подобные жалобы, полагают, что существенным нарушением уголовно-процессуального закона подобные упущения не являются и не свидетельствуют о том, что уголовное дело принималось к производству лишь в качестве следователя, а не руководителя следственной группы²⁰. При этом нельзя смешивать процессуальный статус — руководитель следственного органа и должность — следователь. Уголовное дело к производству в таких случаях фактически принимается руководителем следственного органа, что соответствует ч. 3 и 4 ст. 163 УПК РФ²¹.

Часть 3 ст. 129 УПК РСФСР 1961 г. закрепляла положение о том, что после создания следственной группы подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу и гражданскому ответчику при разъяснении права на отвод объявляется весь состав следователей. УПК РФ

¹⁷ Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11.10.2022 по делу № 77-2807/2022 (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁸ Лубягин М. С. Проблемы реализации права подозреваемого, обвиняемого на ознакомление с составом следственно-оперативной группы как нарушение процессуального права на защиту в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 2. С. 71.

¹⁹ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26.05.2022 № г. по делу № 77-1446/2022.

²⁰ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 11.03.2021 по делу № 77-1312/2021.

²¹ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 11.04.2022 по делу № 77-1525/2022.

в первоначальной редакции содержал положение, согласно которому состав следственной группы объявляется только подозреваемому и обвиняемому. Данное сужение круга участников уголовного судопроизводства, имевших право на ознакомление с составом следственной группы, вызвало справедливые вопросы к законодателю²². В 2006 г. Конституционный Суд РФ указал, что в случае производства предварительного следствия следственной группой потерпевший должен быть как минимум информирован о том, кто и с какими полномочиями входит в состав следственной группы. Кроме того, было отмечено, что часть 2 ст. 163 УПК РФ не может истолковываться как исключающая право других лиц, выступающих как на стороне обвинения, так и на стороне защиты, знать состав следственной группы и при наличии к тому оснований заявлять отводы входящим в нее лицам²³. И только в 2013 г. законодатель внес изменения в ч. 2 ст. 163 УПК РФ, легально наделив потерпевшего правом знать состав следственной группы²⁴. При этом законодатель по каким-то причинам оставил за рамками данной нормы гражданского истца и ответчика. В этой связи мы предлагаем закрепить в УПК РФ положение о том, что состав следственной группы должен объявляться подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, защитнику, гражданскому истцу и гражданскому ответчику, а также их представителям.

Возникает вопрос: кто и в каком порядке должен объявлять участникам процесса состав

следственной группы? УПК РФ содержит лишь аморфное указание на то, что «состав следственной группы объявляется». Логично предположить, что объявлять состав группы должен руководитель следственного органа, поскольку именно он принимает решение о ее создании, изменении состава. Некоторые суды полагают, что закон предписывает *руководителю следственной группы* организовать ознакомление лиц с составом группы²⁵. Однако организовать ознакомление и ознакомить — вещи разные. Полагаем, что объявить состав следственной группы, разъяснив одновременно право на отводы, может руководитель следственного органа, руководитель следственной группы либо следователь — член группы. Принципиальной разницы, думается, здесь нет. Важно другое: объявление состава следственной группы должно быть осуществлено в разумные сроки с момента ее создания либо изменения состава. Отсутствие в УПК РФ подобных сроков представляется недостатком уголовно-процессуального регулирования и отражается на эффективности реализации права на защиту и доступ к правосудию²⁶. В этой связи заслуживает нашей поддержки идея внедрения в уголовно-процессуальный закон конкретных сроков для объявления состава следственной группы²⁷.

Не решенным в законе является вопрос о том, необходимо ли ознакомление участников процесса с составом следственной группы, если юридически их фигуры возникли после создания группы. Полагаем, что данную обя-

²² Тарасов А. А. «Бригадное расследование» в контексте общих проблем следственного аппарата в современной России // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 1 (55). С. 138.

²³ Определение Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 № 300-О «По жалобе гражданина Андреева Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктами 1, 5, 11, 12 и 20 части второй статьи 42, частью второй статьи 163, частью восьмой статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

²⁴ Федеральный закон от 28.12.2013 № 42-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» // СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6997.

²⁵ Апелляционное определение Московского городского суда от 13.09.2021 по делу № 10-17114/2021.

²⁶ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27.12.2021 по делу № 7У-15444/2021.

²⁷ Кащак А. В. Ознакомление участников уголовного судопроизводства с составом следственной группы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 153.

занность следует закрепить в УПК РФ. Выполнять эту обязанность должен, на наш взгляд, член следственной группы, процессуальными действиями которого иницируется появление в уголовном деле того или иного участника (например, следователь, вынесший постановление о признании лица потерпевшим, осуществивший задержание в порядке ст. 91 УПК РФ, руководитель следственной группы, принявший решение о привлечении лица в качестве обвиняемого).

Объявление состава следственной группы и разъяснение права на отводы ее членам, в том числе руководителю следственной группы, происходит путем предъявления постановления о возбуждении уголовного дела (если в нем решается вопрос о создании следственной группы) либо постановления о производстве предварительного следствия следственной группой, где в соответствующих строках подписываются ознакомившиеся лица.

Согласно ч. 2 ст. 163 УПК РФ к работе следственной группы могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Возникает вопрос: имеют ли право подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и другие участники уголовного судопроизводства на ознакомление со сведениями о данных оперативных работников? Зачастую им отказывают в подобном ознакомлении. Конституционный Суд РФ, рассматривая соответствующую жалобу, определил, что отказ в сообщении сведений о привлеченных к работе следственной группы должностных лицах органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, не

нарушает каких-либо конституционных прав, поскольку данные лица не наделены правом принимать решения по уголовному делу, связанные с производством следственных и иных процессуальных действий²⁸. Таким образом, отсутствие в гл. 9 УПК РФ положений, предусматривающих отвод таких должностных лиц, не может рассматриваться как нарушение конституционных прав²⁹. С вышеизложенным трудно не согласиться. Действительно, оперативные работники, привлекаемые к участию в работе следственной группы, не включаются в ее состав. Однако по поручению следователя (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ) данные работники могут осуществлять отдельные следственные действия. В этом случае ему (им) вполне может быть заявлен отвод в порядке ст. 67 УПК РФ при наличии соответствующих на то оснований.

Перейдем к рассмотрению уголовно-процессуальной природы функционирования следственной группы. Как отмечалось, следственная группа может быть создана в ходе предварительного следствия соответствующим постановлением руководителя следственного органа. До этого момента уголовное дело находится в производстве одного следователя, который затем был назначен руководителем созданной следственной группы. Должен ли он в этом случае выносить новое постановление о принятии уголовного дела к своему производству? Как полагают некоторые исследователи, практика отвечает на данный вопрос утвердительно³⁰. Другие авторы считают, что необходимость в принятии дела к производству отсутствует, так как руководитель следственного органа не отстранял его от расследования, и его процессу-

²⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 27.05.2010 № 627-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Кармановой Ирины Николаевны и Комягина Михаила Михайловича на нарушение их конституционных прав статьями 38, 40 и часть второй статьи 163 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

²⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 22.04.2010 № 460-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Быковцева Валерия Геннадьевича на нарушение его конституционных прав частями второй и пятой статьи 163, частью первой статьи 152 и главой 9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

³⁰ *Зотов А. Ю.* Должностные лица органов предварительного следствия как субъекты уголовно-процессуальной деятельности. М., 2021. С. 128.

альное положение не меняется³¹. Полагаем, что решение изложенной проблемы должно зависеть от ответа на вопрос: создание и функционирование следственной группы имеет процессуальную или организационную природу? Мы считаем — процессуальную. При ее создании появляется новый субъект предварительного следствия, возникает новый участник уголовно-процессуальных правоотношений — руководитель следственного органа, правосубъектность которого должна проистекать из соответствующего юридического факта — принятие дела к своему производству.

Вынесение постановления о принятии уголовного дела к производству должно иметь место и при замене руководителя следственной группы в период ее функционирования. При этом соответствующим участникам уголовного судопроизводства должен быть объявлен новый состав группы. Объявление нового состава группы должно происходить и в ситуации изменения состава следователей — членов следственной группы. Реализация данных предложений на законодательном уровне придаст прозрачность уголовно-процессуального регулирования деятельности следственной группы.

Согласно ч. 3 ст. 163 УПК РФ руководитель следственной группы, помимо принятия уголовного дела к своему производству, организует работу следственной группы, руководит действиями иных следователей, составляет итоговые акты предварительного следствия. Слова «организует», «руководит» в данном контексте несут недостаточно определенный характер. Кроме того, у руководителя следственного органа не имеется полномочий по отмене незаконных и (или) необоснованных постановлений следователя. По смыслу действующего законодательства он может лишь инициировать такую отмену перед руководителем следственного органа, что

вряд ли выглядит оптимальным с точки зрения эффективности работы следственной группы. Поэтому стоит согласиться с утверждением о том, что в УПК РФ вопросы взаимодействия участников следственной группы не получили должного правового регулирования³².

Часть 4 ст. 163 УПК РФ закрепляет перечень процессуальных полномочий, которые относятся к компетенции руководителя следственной группы. Если руководителем следственной группы является руководитель следственного органа (назначаемый вышестоящим руководителем следственного органа), то возбуждать ходатайство о продлении срока предварительного следствия (п. 5 ч. 4 ст. 163 УПК РФ) он должен перед данным вышестоящим руководителем. В судебной практике отмечается, что следователь — член следственной группы имеет право производить любые следственные и процессуальные действия по уголовному делу, за исключением указанных в ч. 4 ст. 163 УПК РФ³³. Таким образом, процессуальная самостоятельность следователя как члена следственной группы заметно снижается по сравнению с единоличной формой осуществления предварительного расследования.

Исходя из п. 7 ч. 4 ст. 163 УПК РФ только руководитель следственной группы полномочен возбуждать перед судом ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога, запрета определенных действий³⁴. Очевидно, это касается и ходатайства о продлении указанных мер пресечения. Неоднозначно в практической сфере решается вопрос о том, кто должен обосновывать в суде возбужденное ходатайство: сам руководитель следственной группы или по его усмотрению любой из следователей. Полагаем, что по общему правилу такое ходатайство должно обосновывать лицо, его возбудившее.

³¹ Попов И. А. Следственная группа как одна из форм коллективного метода расследования преступлений: современное состояние и перспективы развития // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 3. С. 121.

³² Гордеев А. Ю., Хорьяков С. Н. Процессуальные особенности производства предварительного следствия следственной группой // Наука. Теория. Практика. 2020. № 3. С. 21.

³³ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12.05.2022 по делу № 77-812/2020.

³⁴ Апелляционное определение Московского городского суда от 01.03.2022 по делу № 10-3913/2022.

В исключительных случаях (болезнь руководителя, командировка или иная уважительная причина) ходатайство может обосновывать следователь по письменному поручению руководителя следственной группы, что требуется отразить в УПК РФ.

С учетом вышеизложенного считаем перспективным закрепить в ст. 5 УПК РФ определение такого участника уголовного судопроизводства, как руководитель следственной группы, а в положениях новой статьи 39.1 УПК РФ — разрешить спорные вопросы о взаимодействии руководителя следственной группы с руководителем следственного органа, а также со следователями — членами следственной группы. Конкретные предложения в области конструирования указанных норм являются предметом отдельного исследования.

В процессе предварительного следствия необходимость функционирования следственной группой может быть утрачена. Например, при частичном прекращении уголовного дела, выделении его в отдельное производство, изменении объема обвинения. В таких случаях руководитель следственного органа вправе передать уголовное дело для дальнейшего расследования от следственной группы другому следователю, и такое мотивированное решение не нарушает права участников уголовного судопроизводства³⁵. По сути, здесь речь идет о расформировании следственной группы. Следователь, которому передано уголовное дело для дальнейшего производства предварительного следствия, должен вынести постановление о принятии его к своему производству (ч. 2 ст. 156 УПК РФ).

Сформулируем основные выводы, к которым мы пришли в ходе настоящей работы:

1. Следственная группа — это регламентированное уголовно-процессуальным законом формирование следователей, создаваемое на основании постановления руководителя следственного органа, возглавляемое назначаемым им руководителем, для производства предвари-

тельного следствия по конкретному сложному уголовному делу.

2. В данной дефиниции находят отражение признаки следственной группы, отличающие ее от следственно-оперативной группы, разновидностей последней, от коллективных форм осуществления предварительного следствия, основанных на криминалистических данных. Таким образом, мы постулируем, что следственная группа обладает уголовно-процессуальной природой.

3. Основанием создания следственной группы должна являться сложность уголовного дела, рассматриваемая сквозь призму ее правовых и (или) фактических аспектов.

4. При наличии основания следственная группа может создаваться руководителем следственного органа. То есть создание группы должно оставаться дискрецией данного руководителя, а не облекаться в его обязанность.

5. Деятельность следственной группы возглавляет руководитель следственной группы, который принимает дело к своему производству. В состав следственной группы включаются следователи одного следственного ведомства. Членом следственной группы может быть также следователь-криминалист. Специалист и должностные лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, в члены группы не включаются, они привлекаются к участию в ее работе. Поэтому подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, защитнику, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, их представителям может быть объявлен только состав следственной группы.

6. Объявление состава следственной группы должно осуществляться в любой момент ее создания (при возбуждении уголовного дела либо в ходе производства предварительного следствия), а также при любом изменении ее состава.

7. Считаем необходимым закрепить в ст. 5 УПК РФ определение такого участника уголовного судопроизводства, как руководитель след-

³⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 № 2024-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зубарева Владимира Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части первой статьи 39, частью второй статьи 49, частями второй, третьей и четвертой статьи 163 и частью пятой статьи 259 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

следственной группы, а в положениях новой статьи 39.1 УПК РФ — разрешить спорные вопросы, касающиеся взаимодействия руководителя следственной группы с руководителем следственного органа, а также со следователями — членами следственной группы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гордеев А. Ю., Хорьяков С. Н. Процессуальные особенности производства предварительного следствия следственной группой // Наука. Теория. Практика. — 2020. — № 3. — С. 19–27.
2. Зафесов В. Г. Проблемы расследования многоэпизодных уголовных дел групповым методом: процессуальные и тактические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2004. — 25 с.
3. Захарова О. В. Коллективные формы расследования: от принятия решения до рекомендаций // Российский следователь. — 2011. — № 9. — С. 3–7.
4. Зотов А. Ю. Должностные лица органов предварительного следствия как субъекты уголовно-процессуальной деятельности. — М., 2021. — 184 с.
5. Кащак А. В. Ознакомление участников уголовного судопроизводства с составом следственной группы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 3 (102). — С. 145–154.
6. Кучкина В. Г. Сравнительный анализ следственных и следственно-оперативных групп // Российский следователь. — 2011. — № 24. — С. 2–5.
7. Лубягин М. С. Проблемы реализации права подозреваемого, обвиняемого на ознакомление с составом следственно-оперативной группы как нарушение процессуального права на защиту в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2022. — № 2. — С. 68–78.
8. Можаева И. П. О правовом обеспечении деятельности следственно-оперативных групп // Российский следователь. — 2011. — № 16. — С. 33–35.
9. Попов А. И. Следственная группа как одна из форм коллективного метода расследования преступлений: современное состояние и перспективы развития // Вестник Московского университета МВД России. — 2013. — № 3. — С. 119–124.
10. Савенко Г. М. Следственные группы в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007. — 27 с.
11. Смирнова И. С. Досудебное производство по сложному уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2013. — 24 с.
12. Тарасов А. А. «Бригадное расследование» в контексте общих проблем следственного аппарата современной России // Правовое государство: теория и практика. — 2019. — № 1 (55). — С. 135–139.
13. Тарасов А. А. Следственная группа по новому УПК России // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. — М., 2002. — С. 149–152.
14. Терехов А. Ю., Латыпов В. С., Гимазетдинова И. Н. Осуществление досудебного производства в условиях сложности и большого объема уголовного дела. — М., 2022. — 168 с.
15. Улимаев Р. Ю. Следственно-оперативные группы: правовой статус, организация и деятельность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2001. — 24 с.
16. Хамгоков М. М. Производство предварительного следствия следственной группой : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2009. — 27 с.
17. Цветков Ю. А. «Особо важные дела»: уголовно-процессуальный смысл // Уголовное судопроизводство. — 2022. — № 3. — С. 18–27.
18. Цоколов И. А. Процессуальные и криминалистические особенности расследования преступлений следственной и следственно-оперативной группой : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2001. — 30 с.

19. Шамсутдинов М. М. Производство предварительного следствия следственной группой (процессуальные, управленческие и тактико-психологические аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ижевск, 2005. — 27 с.

Материал поступил в редакцию 1 мая 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gordeev A. Yu., Khoryakov S. N. Protsessualnye osobennosti proizvodstva predvaritelnogo sledstviya sledstvennoy gruppy // Nauka. Teoriya. Praktika. — 2020. — № 3. — S. 19–27.
2. Zafesov V. G. Problemy rassledovaniya mnogoepizodnykh ugovolnykh del gruppovym metodom: protsessualnye i takticheskie aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Krasnodar, 2004. — 25 s.
3. Zakharova O. V. Kollektivnye formy rassledovaniya: ot prinyatiya resheniya do rekomendatsiy // Rossiyskiy sledovatel. — 2011. — № 9. — S. 3–7.
4. Zotov A. Yu. Dolzhnostnye litsa organov predvaritelnogo sledstviya kak subekty ugovolno-protsessualnoy deyatel'nosti. — M., 2021. — 184 s.
5. Kashchak A. V. Oznakomlenie uchastnikov ugovolnogo sudoproizvodstva s sostavom sledstvennoy gruppy // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. — 2022. — № 3 (102). — S. 145–154.
6. Kuchkina V. G. Sravnitel'nyy analiz sledstvennykh i sledstvenno-operativnykh grupp // Rossiyskiy sledovatel. — 2011. — № 24. — S. 2–5.
7. Lubyagin M. S. Problemy realizatsii prava podozrevaemogo, obvinyaemogo na oznakomlenie s sostavom sledstvenno-operativnoy gruppy kak narushenie protsessualnogo prava na zashchitu v ugovolnom sudoproizvodstve // Sibirskie ugovolno-protsessualnye i kriminalisticheskie chteniya. — 2022. — № 2. — S. 68–78.
8. Mozhaeva I. P. O pravovom obespechenii deyatel'nosti sledstvenno-operativnykh grupp // Rossiyskiy sledovatel. — 2011. — № 16. — S. 33–35.
9. Popov A. I. Sledstvennaya gruppya kak odna iz form kollektivnogo metoda rassledovaniya prestupleniy: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2013. — № 3. — S. 119–124.
10. Savenko G. M. Sledstvennye gruppy v ugovolnom protsesse: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2007. — 27 s.
11. Smirnova I. S. Dosudebnoe proizvodstvo po slozhnomu ugovolnomu delu: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Chelyabinsk, 2013. — 24 s.
12. Tarasov A. A. «Brigadnoe rassledovanie» v kontekste obshchikh problem sledstvennogo apparata sovremennoy Rossii // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2019. — № 1 (55). — S. 135–139.
13. Tarasov A. A. Sledstvennaya gruppya po novomu UPK Rossii // Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy prinyatiyu novogo Ugovolno-protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii. — M., 2002. — S. 149–152.
14. Terekhov A. Yu., Latypov V. S., Gimazetdinova I. N. Osushchestvlenie dosudebnogo proizvodstva v usloviyakh slozhnosti i bolshogo obema ugovolnogo dela. — M., 2022. — 168 s.
15. Ulimaev R. Yu. Sledstvenno-operativnye gruppy: pravovoy status, organizatsiya i deyatel'nost: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2001. — 24 s.
16. Khamgokov M. M. Proizvodstvo predvaritelnogo sledstviya sledstvennoy gruppy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Krasnodar, 2009. — 27 s.
17. Tsvetkov Yu. A. «Osobo vazhnye dela»: ugovolno-protsessualnyy smysl // Ugovolnoe sudoproizvodstvo. — 2022. — № 3. — S. 18–27.
18. Tsokolov I. A. Protsessualnye i kriminalisticheskie osobennosti rassledovaniya prestupleniy sledstvennoy i sledstvenno-operativnoy gruppy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2001. — 30 s.
19. Shamsutdinov M. M. Proizvodstvo predvaritelnogo sledstviya sledstvennoy gruppy (protsessualnye, upravlencheskie i taktiko-psikhologicheskie aspekty): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Izhevsk, 2005. — 27 s.

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.151-161

И. С. Александров*

Судебный контроль как самостоятельная функция судебной власти и его место в досудебном производстве по уголовным делам

Аннотация. Статья посвящена вопросам судебного контроля в современном российском досудебном производстве по уголовным делам.

Рассмотрено понятие судебной власти, в том числе в контексте развития научных представлений о ее природе; с опорой на сформированные представления об этом понятии и целях судебной власти обоснован тезис о том, что судебный контроль представляет собой самостоятельную функцию судебной власти.

Далее проанализированы особенности субъектного состава споров, разрешаемых посредством судебного контроля, их предмета и на этой основе предложено авторское понимание содержания судебного контроля в досудебном производстве по уголовным делам.

В завершение рассмотрен вопрос о месте судебного контроля в досудебном производстве по уголовным делам через призму структуры уголовного судопроизводства. Предложена классификация судебно-контрольных производств, которые могут существовать в указанной стадии процесса, в зависимости от их предмета. Констатируется необходимость дальнейших исследований, обусловленная недостаточностью и противоречивостью регулирования полномочий суда при осуществлении судебного контроля.

Ключевые слова: судебный контроль; судебная власть; понятие судебной власти; функции судебной власти; функция судебного контроля; судебный контроль в досудебном производстве; судебный контроль на стадии предварительного расследования; содержание судебного контроля; место судебного контроля; предмет судебного контроля.

Для цитирования: Александров И. С. Судебный контроль как самостоятельная функция судебной власти и его место в досудебном производстве по уголовным делам // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 12. — С. 151–161. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.151-161.

© Александров И. С., 2023

* Александров Иван Сергеевич, аспирант кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), адвокат Московской коллегии адвокатов «Аронов и партнеры»

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ia@aronovlaw.ru

Judicial Control as an Independent Function of the Judiciary and its Place in Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases

Ivan S. Aleksandrov, Postgraduate Student, Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Lawyer, Aronov and Partners Moscow Bar Association
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
ia@aronovlaw.ru

Abstract. The paper is devoted to the issues of judicial control in modern Russian pre-trial proceedings in criminal cases.

The concept of judicial power is considered, including in the context of the development of scientific ideas about its nature. Based on the developed ideas about this concept and the goals of the judiciary, the author substantiates the thesis that judicial control is an independent function of the judiciary.

Next, the features of the parties to disputes resolved through judicial control, their subject are analyzed, and on this basis, the author's perception of the content of judicial control in pre-trial proceedings in criminal cases is proposed.

In conclusion, the issue of the place of judicial control in pre-trial proceedings in criminal cases is considered through the prism of the structure of criminal proceedings. A classification of judicial control proceedings that may exist at the specified stage of the process, depending on their subject, is proposed. The need for further research is stated, due to the insufficiency and inconsistency of regulation of the powers of the court in the exercise of judicial control.

Keywords: judicial control; judicial branch; concept of judicial power; functions of the judiciary; judicial control function; judicial control in pre-trial proceedings; judicial control at the preliminary investigation stage; content of judicial control; place of judicial control; subject to judicial control.

Cite as: Aleksandrov IS. Judicial Control as an Independent Function of the Judiciary and its Place in Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(12):151-161. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.151-161.

Постановка проблемы

Принятие Конституции Российской Федерации 1993 г. и последовавшая затем судебная реформа привели к существенному изменению взглядов на назначение уголовного судопроизводства. Закрепление в новом УПК РФ необходимости защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод в качестве принципа уголовного судопроизводства потребовало введения в уголовный процесс новых институтов, способных реально обеспечить этот аспект его назначения.

Одним из важнейших таких институтов стал судебный контроль. Его востребованность на практике не вызывает сомнений: так, число рассмотренных судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ в период с 2010 по 2019 г., как указывает Т. Е. Сушина, увеличивалось ежегодно в среднем на 5 %¹ и в 2019 г. составило 119 776. Не претерпело оно существенных изменений и в дальнейшем: в 2020 г. судами рассмотрено 106 755 таких жалоб, в 2021 г. — 113 147, в 2022 г. — 111 497².

Хотя судебный контроль во множестве форм существует в уголовном судопроизводстве более 20 лет, в литературе встречаются различные

¹ Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / Е. К. Антонович, Т. Ю. Вилкова, Л. М. Володина [и др.] ; отв. ред. Л. Н. Масленникова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, Инфра-М, 2022. § 1 гл. 6.

² Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019–2022 гг. Отчеты по форме № 1 // URL: <http://cdep.ru/?id=7>.

точки зрения как по вопросу о его необходимости вообще, так и по вопросу о том, какой круг действий и решений должностных лиц должен им охватываться. Некоторые авторы, в особенности на ранних этапах развития законодательства о судебном контроле, выступили его противниками, указывая, что введение в уголовный процесс судебно-контрольных процедур снизит оперативность расследования³, в некоторых из этих процедур суды окажутся лишним звеном в механизме принятия решений⁴ и т.д. Другие полагают, что судебный контроль должен охватывать любые действия (бездействие) и решения должностных лиц⁵, в обоснование ссылаясь на ст. 46 Конституции РФ, которой предусмотрено, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, а решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд. Третий (промежуточный между двумя вышеприведенными) подход состоит в том, что судебному контролю подлежат не все, а лишь некоторые решения и действия (бездействие) должностных лиц⁶.

Таким образом, в науке до сих пор не сложилось единой точки зрения относительно правовой природы и места судебного контроля в уголовном процессе. Отсутствие этого представления приводит, с одной стороны, к не всегда продуманным реформам законодательства, а с другой — к снижению эффективности правоприменительной деятельности и увеличению числа судебных ошибок при реализации соответствующих полномочий. Поскольку судебный

контроль представляет собой проявление судебной власти, уяснение его правовой природы и места в досудебном производстве по уголовным делам невозможно без рассмотрения понятия и функций судебной власти с учетом современных реалий развития общества и государства.

Понятие и функции судебной власти на современном этапе развития общества и государства

Уже в дореволюционный период вопрос о понятии судебной власти интересовал уголовно-процессуальную науку. Так, И. Я. Фойницкий указывал, что судебная власть «образует систему подчиненных закону органов, призванных к применению закона в порядке судебного производства»⁷. В. К. Случевский, не давая строгого определения судебной власти, тоже рассматривал это понятие в судоустройственном аспекте: «Задачи правосудия осуществляются не непосредственно тем лицом или установлением, которому принадлежит в государстве верховная власть; они достигаются целюю системою созданных законодательною властью судов, в качестве органов власти судебной, и действующих при этом всегда именем верховной власти»⁸; «осуществляющаяся таким образом в деятельности целой системы судов судебная власть обладает определенными признаками и свойствами, через посредство которых достигаются ею поставленные законодательною властью цели»⁹. Аналогичным образом С. В. Познышев указывал, что «объединяясь с двумя другими ветвями этой власти — с властью законодатель-

³ Быков В. М. Судебный контроль за предварительным следствием // Уголовный процесс. 2007. № 1. С. 35–38. См. также: Бойков А. Д. Третья власть в России. М., 1997.

⁴ Кальницкий В. В. «Санкционирование» и проверка судом законности следственных действий в ходе досудебного производства не эффективны // Уголовное право. 2004. № 1.

⁵ См., например: Миргородская Э. Р. К вопросу об определении предмета судебного контроля при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ // Российский судья. 2021. № 3. С. 50–53.

⁶ Шалумов М. Судебный контроль и прокурорский надзор: не междоусобица, а взаимодействие // Российская юстиция. 2001. № 4.

⁷ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1. С. 158.

⁸ Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство. Судопроизводство. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1891–1892. С. 87.

⁹ Случевский В. К. Указ. соч. С. 90.

ной и исполнительной — в понятии единой верховной власти, судебная власть должна быть осуществляема отдельными органами, не несущими функций административных или законодательных»¹⁰. В институциональном аспекте рассматривал судебную власть и Н. Н. Розин¹¹.

В советский период ученые стали обращать внимание на то, что судебная власть не статична, а находит свое выражение в определенной деятельности. Например, М. А. Чельцов отмечал, что «слово “суд” имеет два значения. Первое относится к органу, наделенному функцией отправления правосудия. В этом смысле мы говорим о советском суде вообще или о народном суде, о суде областном, о Военной коллегии Верховного суда Союза ССР как об отдельных судах советской системы. Но слово “суд” означает также и судебную деятельность, судопроизводство»¹². Такой подход сегодня принято именовать функциональным. Важно отметить, что и М. А. Чельцов, и другие исследователи советского периода рассматривали именно понятия суда (а также правосудия), но не судебной власти. Это неудивительно: в условиях отрицания принципа разделения властей анализировать одну из ее ветвей логически невозможно.

Таким образом, попытки дать определение собственно судебной власти были предприняты уже в постсоветский период. Первоначально они были основаны на совмещении институционального и функционального подходов. Например, В. А. Лазарева в монографии 1999 г. «Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе» пришла к следующему выводу: «Исходя из современных представлений о правосудии как о разрешении социально-политических конфликтов в обществе и о суде как органе, осуществляющем в специфической процессуаль-

ной форме функцию социально-политического арбитража, судебную власть можно определить и как исключительное полномочие суда по разрешению социальных конфликтов правового характера»¹³. Однако такой подход, как отмечает Л. А. Воскобитова, позволяет выделить лишь внешнюю сторону характеристики судебной власти и фиксирует очевидные для восприятия признаки (кто осуществляет судебную власть; в чем состоит ее осуществление; как она осуществляется) и не позволяет понять, «почему эта деятельность судов является властью; чем обусловлена ее властная природа, может ли судебная власть рассматриваться как одна из ветвей государственной власти. Остаются неясными и ее соотношение с законодательной и исполнительной ветвями государственной власти, и ее отличие от этих ветвей власти»¹⁴. Л. А. Воскобитова выделяет основополагающие элементы, из которых проистекает сущность судебной власти и ее природа: судебная власть является разновидностью власти как таковой, следовательно, ей присущи общие характеристики и черты, определяющие сущность самой власти; судебная власть — атрибут государства; судебная власть обладает особой арбитражной природой¹⁵.

Л. А. Воскобитова сформулировала следующее определение: «Судебная власть — это реализуемые посредством судопроизводства особые государственно-властные отношения между судом и иными субъектами права, возникающие в процессе рассмотрения и разрешения правовых споров и иных вопросов, отнесенных к компетенции суда, с целью защиты и восстановления нарушенного права, определения мер ответственности виновного или ограждения от ответственности невиновного для обеспечения

¹⁰ Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М. : Изд. Г. А. Лемана, 1913. С. 87–88.

¹¹ Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство : пособие к лекциям. Томск, 1913. С. 68–86.

¹² Чельцов М. А. Уголовный процесс. М. : Юридическое изд-во Минюста СССР, 1948. С. 9.

¹³ Лазарева В. А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара : Самарский университет, 1999. С. 9.

¹⁴ Воскобитова Л. А. Теоретические основы судебной власти : учебник. М. : Норма, 2018. С. 30.

¹⁵ Воскобитова Л. А. Указ. соч. С. 31.

верховенства права и самоограничения государства и ветвей его власти рамками права»¹⁶.

В этом определении судебная власть рассмотрена не в рамках институционального или функционального аспекта либо их совокупности, а в качестве особого рода отношения между судом и другими субъектами права. Однако главное его достоинство, как представляется, состоит в другом. В нем указано на две промежуточные и две конечные цели судебной власти: а) защита и восстановление нарушенного права, определение меры ответственности виновного или ограждение от ответственности невиновного и б) обеспечение верховенства права и самоограничение государства и ветвей его власти рамками права.

В развитие предложенного Л. А. Воскобитовой подхода необходимо указать на соотношение промежуточных и конечных целей судебной власти. Защита и восстановление нарушенного права, равно как и определение меры ответственности виновного или ограждение от ответственности невиновного, — предмет приложения усилий суда при производстве по каждому конкретному делу (материалу). Достижение этих промежуточных целей в каждом отдельном случае позволяет обеспечить достижение и двух конечных целей. Напротив, если в каком-то случае нарушенное право не получило защиты (не было восстановлено), виновность или невиновность были констатированы ошибочно либо оказалась неверно определена мера ответственности виновного, то говорить об обеспечении верховенства права и самоограничения государства правом преждевременно. Таким образом, соотношение промежуточных и конечных целей судебной власти можно определить как соотношение соответственно средства и цели.

Поскольку до 1993 г. перед судом никаких подобных целей не ставилось, он выполнял единственную функцию — рассмотрение и раз-

решение гражданских и уголовных дел, или правосудия¹⁷. Потребность в достижении последней из перечисленных целей — самоограничения государства правом — изначально вытекала из необходимости перехода к правовому демократическому государству с рыночной экономикой, а также реабилитации теории разделения властей как основы конституционного строительства. Между тем преимущества самоограничения государства правом обусловлены отнюдь не только идеалами демократии или свободного хозяйствования. Прежде всего оно необходимо для решения государственных же задач: недопущения сосредоточения слишком большой власти в одних руках и перекоса в деятельности органов государственной власти. Вполне очевидно, что цель самоограничения государства правом может быть поставлена только перед судебной властью — ее саму ограничивать не в чем и незачем, ведь без законодательной и в особенности исполнительной власти она функционировать не может. Кроме того, только судебная власть по своей природе может судить о праве, то есть окончательно применять требования закона к конкретной жизненной ситуации. Тем самым на современном этапе развития общества и государства суд приобретает новую, особую функцию — обеспечения самоограничения государства правом, или судебного контроля. Таким образом, с появлением цели самоограничения государства правом суд начинает выполнять две самостоятельные функции — разрешения дел по существу и судебного контроля.

Содержание функции судебного контроля в досудебном производстве по уголовным делам

Поскольку судебный контроль является самостоятельной функцией судебной власти, его содержание обусловлено одной из промежу-

¹⁶ Воскобитова Л. А. Указ. соч. С. 36.

¹⁷ В указанный период под правосудием понималось исключительно рассмотрение и разрешение судом уголовного дела по существу (см., например: *Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса* : в 2 т. М., 1968. Т. 1. С. 14). В дальнейшем в науке возникла дискуссия о содержании понятия «правосудие». Сама по себе эта дискуссия не входит в предмет настоящего исследования, однако необходимо отметить, что по названному вопросу в науке сложилось множество точек зрения.

точных (защита и восстановление нарушенного права) и конечными целями последней. Отсюда же следует и основной критерий отграничения функции разрешения уголовного дела по существу от функции судебного контроля: в первом случае суд разрешает материально-правовой (уголовно-правовой) спор между государством, выдвинувшим и поддержавшим обвинение в совершении преступления в отношении конкретного лица, и этим лицом. Осуществляя судебный контроль, суд всегда имеет дело с наличным или потенциально возможным спором о правильности применения уголовно-процессуального права.

Здесь следует отметить, что субъектный состав такого спора во всех случаях включает властного участника уголовного судопроизводства с одной стороны и невластного — с другой. Спор между двумя властными участниками процесса, например между следователем и его руководителем по вопросу о квалификации, не может быть отнесен к предмету судебного контроля, поскольку, во-первых, такой спор носит ведомственный характер и разрешается в рамках соответствующих ведомственных процедур, в том числе закрепленных в УПК РФ. Во-вторых, в этом случае суд будет вынужден напрямую вмешаться в текущую деятельность органов уголовной юстиции и непосредственно влиять на ход расследования уголовного дела, что недопустимо. Не может быть предметом судебного контроля и спор двух невластных участников уголовного процесса, поскольку они не являются субъектами применения уго-

ловно-процессуального права. Следовательно, под защитой и восстановлением нарушенного права применительно к судебному контролю необходимо понимать исключительно защиту и восстановление нарушенных прав *невластных* участников уголовного судопроизводства от неправомερных действий или решений представителей власти.

Защита и восстановление нарушенного права как содержание судебного контроля обусловлены не только вышеописанными представлениями о его правовой природе, но и положениями Конституции РФ. Статьей 46 Конституции РФ предусмотрено, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, а решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд. Статьей 52 Конституции РФ установлено, что права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Поскольку в значительном числе случаев защита и восстановление нарушенного права одновременно с разрешением уголовного дела по существу невозможны или бессмысленны, для реализации приведенных конституционных положений необходимы особые, оперативные процедуры, реализуемые как раз в рамках судебного контроля. Защита и восстановление нарушенного права как содержание судебного

На правосудие как на любую деятельность суда, осуществляемую в процессуальной форме, указано в следующих работах: *Михайловская И. Б.* Судебная власть. М., 2003. С. 23 ; *Лебедев В. М.* Судебная власть на защите конституционного права граждан на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998 ; *Дикарев И. С.* Правосудие и судебный контроль в уголовном процессе // Государство и право. 2008. № 2. С. 45–51.

В частности, на то, что судебный контроль в уголовном судопроизводстве осуществляется в форме правосудия, указано в следующих работах: *Петрухин И. Л.* Судебная власть: контроль за расследованием преступлений. М., 2008. С. 131–132 ; *Лазарева В. А.* Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе. Самара, 2000. С. 53.

Напротив, не включают судебный контроль в понятие правосудия авторы в следующих работах: *Кальницкий В. В.* Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства : избранные труды. Омск, 2016. С. 65–70 ; *Правоохранительные органы : учебник / под ред. Ю. К. Орлова.* М., 2010. С. 46 ; *Берова Д. М.* Функции суда в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2010. № 5. С. 176–184.

контроля не являются самоцелью. Защищая и восстанавливая нарушенные права невластных участников уголовного судопроизводства, судебная власть решает и сугубо процессуальную задачу — обеспечивает (в пределах предмета судебно-контрольной деятельности) законность производства по уголовному делу, возвращая органы уголовной юстиции (их должностных лиц) в ее рамки в необходимых случаях.

Кроме того, осуществляя судебный контроль, судебная власть решает важнейшую задачу толкования уголовно-процессуального закона и преодоления имеющихся в нем пробелов, тем самым показывая иным участникам судопроизводства, как должен разрешаться тот или иной значимый вопрос не только в соответствии с буквой закона, но и в соответствии с его смыслом и духом. Тем самым судебная власть, защищая и восстанавливая нарушенные права невластных участников уголовного процесса, обеспечивает не только верховенство закона, но и верховенство права, а равно и самоограничение государства не только законом, но и правом.

Таким образом, с учетом приведенного выше понятия судебной власти можно заключить, что содержание функции судебного контроля составляет деятельность суда по защите прав и свобод невластных участников уголовного судопроизводства путем разрешения реально существующих или потенциально возможных конфликтов между такими участниками с одной стороны и властными участниками — с другой по поводу применения уголовно-процессуального права с целью обеспечения верховенства права, а равно самоограничения государства правом. В рамках досудебного производства содержание судебного контроля ограничено задачами этой стадии: суд контролирует только те решения и действия (бездействие), которые могут быть приняты (совершены) при возбуждении уголовного дела и в ходе предварительного расследования.

Место судебного контроля в досудебном производстве по уголовным делам

Приступая к рассмотрению вопроса о месте судебного контроля в досудебном производстве по уголовным делам, необходимо отметить, что исследователи по-разному подходят к описанию места одних правовых институтов в системе других, близких к ним. Например, А. С. Червоткин, начиная работу о месте промежуточных судебных производств в системе российского уголовного процесса¹⁸ (к числу которых он относит и судебно-контрольные производства), анализирует взгляды на понятие дифференциации процессуальной формы, а затем рассматривает интересующий его вопрос именно через призму этого понятия. Аналогичным образом поступает и А. В. Солодилов¹⁹. Следовательно, один из возможных подходов к определению места судебного контроля в досудебном производстве по уголовным делам состоит в том, чтобы определить его применительно к *структуре* уголовного процесса.

На протяжении длительного времени структуру уголовного процесса не было принято рассматривать иначе, чем через систему его стадий. Однако в конце XX в. Ю. К. Якимович заметил, что производство по уголовному делу неоднородно, а уголовный процесс представляет собой совокупность различных производств, различающихся по задачам и предмету. Он предложил выделять основные (то есть имеющие в виду разрешение основного вопроса уголовного дела) производства, дополнительные производства, существующие для изменения или прекращения ранее установленного уголовно-правового отношения, а также особые производства. К последним, за отсутствием в УПК РСФСР полноценного судебного контроля, он относил производства о применении мер принудительного характера и указывал, что эти производства не направлены ни на разрешение основного вопроса уголовного дела, ни на

¹⁸ Червоткин А. С. Место промежуточных судебных производств в системе российского уголовного процесса // Российский судья. 2012. № 7. С. 5–9.

¹⁹ Солодилов А. В. Место судебного контроля в системе уголовных судопроизводств // Вестник Томского государственного университета. 1999. № 267. С. 108–113.

изменение уголовно-правового отношения; ими устанавливается лишь наличие такого отношения, но не его содержание, а целью этих производств является решение вопроса о применении к лицу вышеуказанных мер²⁰.

В дальнейшем, с принятием действующего УПК РФ, стало ясно, что структура уголовного процесса неоднородна, ее составляет множество различных производств, в том числе судебно-контрольных. Оригинальный взгляд на структуру уголовного судопроизводства (деятельности по осуществлению уголовного правосудия) предложил С. В. Бурмагин. В рамках этой структуры он выделил судебные действия и судебные решения (первичные структурные элементы), судебные процедуры (вторичные элементы) и судебные производства (конечные элементы). Он также предложил классифицировать деятельность суда по осуществлению уголовного правосудия по предметному признаку и выделил четыре вида такой деятельности: судебный контроль досудебного производства по уголовному делу; рассмотрение и разрешение уголовных дел; рассмотрение вопросов, связанных с исполнением приговора и иных судебных решений; рассмотрение вопросов реабилитации и возмещения вреда, причиненного незаконной процессуальной деятельностью органов уголовной юстиции. Далее С. В. Бурмагин указал, что «в качестве отдельных типовых судебных производств в современном российском уголовном процессе можно выделить: основное производство по уголовному делу и производные от него судебно-контрольное, судебно-исполнительное и судебно-реабилитационное производства, которые через конкретизацию их предмета дифференцируются на виды и подвиды, каждое из которых предназначено для рассмотрения соответствующего ему типового судебного дела, разрешаемого в порядке уголовного судопроизводства»²¹.

Таким образом, по мнению С. В. Бурмагина, судебный контроль досудебного производства по уголовному делу (осуществляемый в пределах соответствующей стадии) является самостоятельным видом деятельности по осуществлению уголовного судопроизводства и существует в самостоятельной уголовно-процессуальной форме (судебно-контрольного производства), занимая обособленное место в структуре уголовного процесса. Другой подход к определению места судебного контроля в досудебном производстве по уголовным делам состоит в том, чтобы выявить его соотношение с двумя наиболее близкими к нему институтами: ведомственным контролем и прокурорским надзором. Между тем рассмотрение этого вопроса требует самостоятельного исследования, в связи с чем он не анализируется в настоящей работе.

Принимая во внимание предмет судебного контроля в досудебном производстве и обусловленные им особенности процедуры его осуществления с позиций защиты или восстановления прав невластных субъектов процесса, полагаем целесообразным различать еще и следующие содержательные характеристики судебного контроля. Судебно-контрольные производства, возникающие на досудебных стадиях, по нашему мнению, сегодня могут быть подразделены на семь групп (ч. 2 ст. 29 УПК РФ):

- 1) производства о применении (продлении) мер пресечения;
- 2) производства о применении (продлении) иных мер уголовно-процессуального принуждения;
- 3) производства о даче согласия на проведение следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, а также производства по вопросу о законности следственного действия, произведенного неотложно (также именуемые в литературе «санкционирующими» производствами²²);

²⁰ Якимович Ю. К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. Томск : Изд-во ТГУ, 1991 ; *Он же*. Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. Томск : Изд-во ТГУ, 1994.

²¹ Бурмагин С. В. Концептуальные основы единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2022. С. 18–22.

²² Например: Кальницкий В. В. «Санкционирование» и проверка судом законности следственных действий в ходе досудебного производства не эффективны.

4) производства о даче согласия на совершение отдельных процессуальных действий (реализация, утилизация, передача безвозмездно или уничтожение вещественных доказательств);

5) производства по ходатайствам о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования;

6) производства по жалобам на решения, действия (бездействие) должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство (в порядке ст. 125, 125.1 УПК РФ);

7) производства по ходатайствам об установлении определенного срока ознакомления с материалами уголовного дела.

Каждое из этих производств имеет собственные предмет и отдельные задачи. Однако их

объединяют и общие задачи, вытекающие из содержания функции судебного контроля: а) обеспечение законности досудебного производства по уголовному делу; б) достижение баланса публичных и частных интересов в указанной стадии в тех случаях, когда имеется столкновение равно охраняемых уголовно-процессуальных ценностей; в) охрана общеправовых ценностей общества и государства. Однако недостаточность и в ряде случаев противоречивость процессуального регулирования полномочий суда при осуществлении перечисленных видов судебного контроля в досудебном производстве требует дальнейшего углубленного исследования, регулирования и правоприменительной практики в целях поиска наиболее эффективной модели.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / Е. К. Антонович, Т. Ю. Вилкова, Л. М. Володина [и др.] ; отв. ред. Л. Н. Масленникова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, Инфра-М, 2022. — 448 с.
2. Борова Д. М. Функции суда в уголовном судопроизводстве // Общество и право. — 2010. — № 5. — С. 176–184.
3. Бойков А. Д. Третья власть в России. — М., 1997.
4. Бурмагин С. В. Концептуальные основы единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Волгоград, 2022.
5. Быков В. М. Судебный контроль за предварительным следствием // Уголовный процесс. — 2007. — № 1. — С. 35–38.
6. Воскобитова Л. А. Теоретические основы судебной власти : учебник. — М. : Норма, 2018.
7. Дикарев И. С. Правосудие и судебный контроль в уголовном процессе // Государство и право. — 2008. — № 2. — С. 45–51.
8. Кальницкий В. В. «Санкционирование» и проверка судом законности следственных действий в ходе досудебного производства не эффективны // Уголовное право. — 2004. — № 1.
9. Кальницкий В. В. Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства : избранные труды. — Омск, 2016.
10. Лазарева В. А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. — Самара : Самарский университет, 1999.
11. Лазарева В. А. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе. — Самара, 2000.
12. Лебедев В. М. Судебная власть на защите конституционного права граждан на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1998.
13. Миргородская Э. Р. К вопросу об определении предмета судебного контроля при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ // Российский судья. — 2021. — № 3. — С. 50–53.
14. Михайловская И. Б. Судебная власть. — М., 2003.
15. Петрухин И. Л. Судебная власть: контроль за расследованием преступлений. — М., 2008.
16. Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. — М. : Изд. Г. А. Лемана, 1913.
17. Правоохранительные органы : учебник / под ред. Ю. К. Орлова. — М., 2010.

18. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. — Томск, 1913.
19. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство. Судопроизводство. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1891–1892.
20. Солодилов А. В. Место судебного контроля в системе уголовных судопроизводств // Вестник Томского государственного университета. — 1999. — № 267. — С. 108–113.
21. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. Т. 1. — М., 1968.
22. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. — СПб., 1996. — Т. 1.
23. Чельцов М. А. Уголовный процесс. — М. : Юридическое изд-во Минюста СССР, 1948.
24. Червоткин А. С. Место промежуточных судебных производств в системе российского уголовного процесса // Российский судья. — 2012. — № 7. — С. 5–9.
25. Шалумов М. Судебный контроль и прокурорский надзор: не междуусобица, а взаимодействие // Российская юстиция. — 2001. — № 4.
26. Якимович Ю. К. Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. — Томск : Изд-во ТГУ, 1994.
27. Якимович Ю. К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. — Томск : Изд-во ТГУ, 1991.

Материал поступил в редакцию 11 мая 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Dokazyvanie i prinyatie resheniy v sostyazatel'nom ugolovnom sudoproizvodstve: monografiya / E. K. Antonovich, T. Yu. Vilkova, L. M. Volodina [i dr.]; otv. red. L. N. Maslennikova. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma, Infra-M, 2022. — 448 s.
2. Berova D. M. Funktsii suda v ugolovnom sudoproizvodstve // Obshchestvo i pravo. — 2010. — № 5. — S. 176–184.
3. Boykov A. D. Tretya vlast v Rossii. — M., 1997.
4. Burmagin S. V. Kontseptualnye osnovy edinstva ugolovnogo pravosudiya i differentsirovannosti sudebnykh proizvodstv: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — Volgograd, 2022.
5. Bykov V. M. Sudebnyy kontrol za predvaritel'nyy sledstviem // Ugolovnyy protsess. — 2007. — № 1. — S. 35–38.
6. Voskobitova L. A. Teoreticheskie osnovy sudebnoy vlasti: uchebnik. — M.: Norma, 2018.
7. Dikarev I. S. Pravosudie i sudebnyy kontrol v ugolovnom protsesse // Gosudarstvo i pravo. — 2008. — № 2. — S. 45–51.
8. Kalnitskiy V. V. «Sanktsionirovanie» i proverka sudom zakonnosti sledstvennykh deystviy v khode dosudebnogo proizvodstva ne effektivny // Ugolovnoe pravo. — 2004. — № 1.
9. Kalnitskiy V. V. Voprosy teorii i praktiki ugolovnogo sudoproizvodstva: izbrannye trudy. — Omsk, 2016.
10. Lazareva V. A. Sudebnaya vlast i ee realizatsiya v ugolovnom protsesse. — Samara: Samarskiy universitet, 1999.
11. Lazareva V. A. Teoriya i praktika sudebnoy zashchity v ugolovnom protsesse. — Samara, 2000.
12. Lebedev V. M. Sudebnaya vlast na zashchite konstitutsionnogo prava grazhdan na svobodu i lichnyuyu neprikosnovennost v ugolovnom protsesse: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 1998.
13. Mirgorodskaya E. R. K voprosu ob opredelenii predmeta sudebnogo kontrolya pri rassmotrenii zhalob v poryadke staty 125 UPK RF // Rossiyskiy sudya. — 2021. — № 3. — S. 50–53.
14. Mikhaylovskaya I. B. Sudebnaya vlast. — M., 2003.
15. Petrukhin I. L. Sudebnaya vlast: kontrol za rassledovaniem prestupleniy. — M., 2008.
16. Poznyshev S. V. Elementarnyy uchebnik russkogo ugolovnogo protsessa. — M.: Izd. G. A. Lemana, 1913.

17. Pravookhranitelnye organy: uchebnik / pod red. Yu. K. Orlova. — M., 2010.
18. Rozin N. N. Ugolovnoe sudoproizvodstvo: posobie k lektsiyam. — Tomsk, 1913.
19. Sluchevskiy V. K. Uchebnik russkogo ugolovnogogo protsesssa. Sudoustroystvo. Sudoproizvodstvo. — SPb.: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1891–1892.
20. Solodilov A. V. Mesto sudebnogo kontrolya v sisteme ugolovnykh sudoproizvodstv // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. — 1999. — № 267. — S. 108–113.
21. Strogovich M. S. Kurs sovetskogo ugolovnogogo protsesssa: v 2 t. T. 1. — M., 1968.
22. Foynitskiy I. Ya. Kurs ugolovnogogo sudoproizvodstva. — SPb., 1996. — T. 1.
23. Cheltsov M. A. Ugolovnyy protsess. — M.: Yuridicheskoe izd-vo Minyusta SSSR, 1948.
24. Chervotkin A. S. Mesto promezhutochnykh sudebnykh proizvodstv v sisteme rossiyskogo ugolovnogogo protsesssa // Rossiyskiy sudya. — 2012. — № 7. — S. 5–9.
25. Shalumov M. Sudebnyy kontrol i prokurorskiy nadzor: ne mezhdousobitsa, a vzaimodeystvie // Rossiyskaya yustitsiya. — 2001. — № 4.
26. Yakimovich Yu. K. Dopolnitelnye i osobyie proizvodstva v ugolovnom protsesse Rossii. — Tomsk: Izd-vo TGU, 1994.
27. Yakimovich Yu. K. Struktura sovetskogo ugolovnogogo protsesssa: sistema stadiy i sistema proizvodstv. Osnovnye i dopolnitelnye proizvodstva. — Tomsk: Izd-vo TGU, 1991.

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.162-177

Ю. Е. Пудовочкин*,
М. М. Бабаев**

Историческая криминология как методологический подход к изучению проблем преступности

Аннотация. Принцип историзма как базовое методологическое требование диалектики не получил в отечественной криминологии самостоятельной теоретической интерпретации. Его эманацией в современной англоязычной криминологии можно считать историческую криминологию, утвердившуюся в последние десятилетия в качестве авторитетного методологического подхода к изучению преступности и связанных с ней проблем. На основе нескольких авторитетных публикаций, прежде всего монографии Д. Черчилля, Г. Йоменса и И. Ченнинга «Историческая криминология», представляется возможным описать основные характеристики этого подхода. В соответствии с ним историческая криминология может мыслиться не как предметная область криминологических исследований и не как криминологическая школа, но как совокупность требований к изучению всех компонентов предмета криминологии. В их основе два базовых теоретических концепта: «историческое время» и «историческое мышление». Основные характеристики исторического времени — изменения, насыщенность событиями, текучесть, напряженность и воплощенность — задают соответствующие правила проведения криминологических исследований, среди которых: изучение криминологически значимых тенденций в долгосрочной перспективе; внимание к конкретным криминальным и социальным событиям не только как к точке, изменяющей тенденции, но и как к самостоятельной темпоральной единице; использование принципа сложности для объяснения преступности. В процессе реализации этих требований необходимо учитывать, что исследуемое криминологами настоящее — это многослойный социальный феномен, сочетающий в себе не только фиксируемые события и факты сегодняшнего дня, но также сохраняющиеся отголоски прошлого и предвосхищения будущего. Именно признание единства прошлого, настоящего и будущего выступает принципом адекватного исторического мышления в криминологии.

Ключевые слова: принцип историзма в криминологии; исторический метод в криминологии; сравнительный метод в криминологии; историческое время; историческое мышление; историческая криминология;

© Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М., 2023

* Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
11081975@list.ru

** Бабаев Михаил Матвеевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
Поварская ул., д. 25, стр. 1, г. Москва, Россия, 121069
babaevmm@yandex.ru

междисциплинарность криминологии; методология криминологии; зарубежные криминологические исследования; история криминологической науки.

Для цитирования: Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Историческая криминология как методологический подход к изучению проблем преступности // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 12. — С. 162–177. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.162-177.

Historical Criminology as a Methodological Approach to the Study of Crime Problems

Yuriy E. Pudovochkin, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Criminal Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
11081975@list.ru

Mikhail M. Babaev, Dr. Sci. (Law), Professor, Chief Researcher of the All-Russian Research Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Povarskaya ul., d. 25, str. 1, Moscow, Russia, 121069
babaevmm@yandex.ru

Abstract. The principle of historicism as a basic methodological requirement of dialectics has not received an independent theoretical interpretation in domestic criminology. Historical criminology can be considered its emanation in modern English-language criminology, which has established itself in recent decades as an authoritative methodological approach to the study of crime and related problems. Based on several authoritative publications, primarily the monograph “Historical Criminology” by D. Churchill, G. Yeomans and I. Channing, it seems possible to describe the main characteristics of this approach. In accordance with it, historical criminology can be thought of not as a subject area of criminological research and not as a criminological school, but as a set of requirements for the study of all components of the subject of criminology. They are based on two basic theoretical concepts: “historical time” and “historical thinking”. The main characteristics of historical time — change, eventfulness, fluidity, tension and embodiment — set the appropriate rules for conducting criminological research, including: the study of criminologically significant trends in the long term; attention to specific criminal and social events not only as a point that changes trends, but also as an independent temporal unit; using the complexity principle to explain crime. In the process of implementing these requirements, it is necessary to take into account that the present studied by criminologists is a multi-layered social phenomenon that combines not only recorded events and facts of today, but also persistent echoes of the past and anticipations of the future. It is the recognition of the unity of the past, present and future that serves as the principle of adequate historical thinking in criminology.

Keywords: principle of historicism in criminology; historical method in criminology; comparative method in criminology; historical time; historical thinking; historical criminology; interdisciplinarity of criminology; methodology of criminology; foreign criminological research; history of criminological science.

Cite as: Pudovochkin YuE, Babaev MM. Historical Criminology as a Methodological Approach to the Study of Crime Problems. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(12):162-177. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.162-177.

Введение

В развитии общественных наук с последней четверти прошлого столетия можно вполне отчетливо фиксировать взаимонаправленные

процессы междисциплинарного сближения криминологии и истории, которые начались едва ли не одновременно и в криминологии, активно приступившей к внедрению исторических методов в собственные исследования, и в истории,

которая уверенно включила преступность в предмет своих исследовательских интересов. Плотность и интенсивность этих процессов, их самостоятельное осмысление и теоретическая оценка позволяют специалистам констатировать утверждение в современной криминологии особого исследовательского подхода, предполагающего изучение преступности и связанных с ней проблем в качестве исторического явления, подхода, требующего исторического мышления в криминологическом познании. Имя ему — «историческая криминология».

Нельзя сказать, что отечественная криминология на всем протяжении своего непростого существования игнорировала исторические методы. В советский период развития криминологии, ставший по своим достижениям «золотым веком» ее истории, методология диалектического материализма имплицитно предполагала и открыто требовала проведения исследований с учетом и на основе принципа историзма. Между тем конкретизация методологических требований принципа историзма для целей криминологической науки, насыщение его общих установок специальным криминологически значимым содержанием, «перевод» гносеологической программы на прикладной исследовательский уровень криминологии остались, по большому счету, неразработанными вопросами.

На этом фоне активная теоретическая интерпретация исторической криминологии способна восполнить недостающее звено в методологическом аппарате современной криминологической науки.

Цели и методы исследования

Настоящая публикация являет собой реферативный обзор нескольких теоретических работ по исторической криминологии, опубликованных в англоязычной печати в последние годы. Среди них особое место занимает коллективная монография «Историческая криминология», подготовленная ведущими специалистами в данной

области: Дэвидом Черчиллем, адъюнкт-профессором уголовного правосудия юридического факультета Университета Лидса, Генри Йоменсом, профессором криминологии Университета Лидса, и Иэном Ченнингом, преподавателем криминологии и уголовного правосудия Плимутского университета. В публикациях этих и некоторых иных специалистов раскрывается статус исторической криминологии, принципы проведения исторических исследований в криминологии, их предметное наполнение и перспективы развития. Представляется, что знакомство с новейшими достижениями зарубежных коллег в области исторической криминологии может внести свой позитивный вклад в совершенствование методологических основ российской криминологии и стимулировать обсуждение основных направлений реализации принципа историзма в теоретических и прикладных криминологических исследованиях.

Научоведческий статус исторической криминологии

Как отмечает в одной из статей Д. Черчилль¹, для некоторых значение исторической криминологии может показаться довольно очевидным. Многие, несомненно, предположили бы, что этот термин относится к работам по криминологии, сосредоточенным на прошлом или связанным с ним. Однако такому определению, по его мнению, следует решительно противостоять. Привязка исторической криминологии исключительно к изучению прошлого вызывает ряд трудностей.

Во-первых, нет четкой разделительной линии между прошлым и настоящим. Достаточно сказать, что большинство работ по криминологии основываются на данных, собранных до их написания, и поэтому в некотором смысле являются работами о «прошлом» и лишь предположительно — о «настоящем» или «будущем».

Во-вторых, многие исторические исследования в криминологии направлены главным образом не на понимание прошлого как тако-

¹ Churchill D. What is «Historical Criminology»? Thinking Historically about Crime and Justice // BSC Newsletter. 2018. № 82. P. 8–11.

вого, а на использование следов прошлого для понимания и критики нынешней ситуации. Они являют собой исследования, оформленные не как «истории прошлого», а как «истории настоящего».

В-третьих, прошлое вполне возможно изучать внеисторически, например пренебрегая установлением исторического контекста конкретного эпизода или объясняя прошлые события ссылками на последующие события.

По этим причинам замена «исторического изучения преступности» «изучением прошлого преступности» является бесперспективной отправной точкой для развития исторической криминологии. Изучением собственно «прошлого преступности» по большей части призвана заниматься история, но не криминология, у исторической криминологии — иное предназначение.

Многообразие подходов к организации историко-криминологических исследований позволило Д. Черчиллю с соавторами сформулировать несколько концепций исторической криминологии, каждая из которых представляет собой попытку преодолеть или иным образом устранить трудности в междисциплинарном понимании между историей и криминологией².

1. Для некоторых специалистов суть исторической криминологии заключается в присвоении криминологией методологических приемов и подходов, обычно связанных с исторической дисциплиной, в отождествлении исторической криминологии с архивными исследованиями. «Историческая криминология, — пишет Пол Кнеппер, — опирается на первичные источники, документы и материалы, относящиеся к определенному, представляющему интерес периоду времени»³.

2. Другие, напротив, стремятся не принимать методологические предположения историков, а скорее отбрасывать их в сторону, сосредотачивая внимание на вопросах генеалогии преступлений и наказаний. Такие исследователи утверждали, что исторические изыскания следует использовать не столько для понимания прошлого, сколько для проблематизации, критики и переоценки современного порядка. В то время как традиционная история стремится вовлекать исследования прошлых времен для понимания прошлого, генеалогия начинается с современных институтов или практик и движется в направлении исследования спорных и условных линий их исторического происхождения. Как объясняет Дэвид Гарланд, «генеалогический анализ прослеживает, как современные практики и институты возникли в результате специфической борьбы, конфликтов, союзов и силовых упражнений, многие из которых в наши дни забыты»⁴.

3. Третья группа исследователей в области исторической криминологии не требует фундаментального переосмысления базовых научных подходов, сложившихся в истории или криминологии, будь то понимание темпоральности, целей исследования или его методологии. Как утверждают Пол Бликли и Томас Кехо, следует говорить о более скромной концепции исторической криминологии как спектра подходов, охватывающих господствующую социологическую криминологию с одной стороны и традиционную историю уголовного правосудия — с другой⁵. Историческая криминология, с их точки зрения, не предполагает принятия особой линии в вопросах темпоральности или методологии, но допускает сознательное при-

² Далее приводится обзор, представленный в работе: *Channing I., Churchill D., Yeomans H. Renewing Historical Criminology: Scope, Significance, and Future Directions // Annual Review of Criminology. 2023. Vol. 6. P. 339–361.*

³ *Knepper P. Historical Criminology // Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice / G. Bruinsma, D. Weisburd (eds). New York : Springer, 2014. P. 2081–2087.*

⁴ *Garland D. What is a «history of the present»? On Foucault's genealogies and their critical preconditions // Punishment & Society. 2014. Vol. 16. № 4. P. 372.*

⁵ *Bleakley P., Kehoe T. J. Historical Criminology as a Field for Interdisciplinary Research and Trans-disciplinary Discourse // History & Crime (Emerald Advances in Historical Criminology) / T. J. Kehoe, J. E. Pfeifer (eds). Bingley : Emerald Publishing Limited, 2021. P. 125–141.*

нятие определенной степени разнообразия и эклектики в ответе на вопросы о связи истории и преступности.

4. Наконец, отдельные исследователи указывают на историческую криминологию как на интеллектуальное пространство, в котором критически пересматриваются основные презумпции как истории, так и криминологии. В частности, они сосредотачивают внимание на том, как переосмысление связи между прошлым и настоящим может предложить альтернативный путь к междисциплинарному пониманию преступности. Если разные подходы к пониманию прошлого и его использованию — это то, что фундаментально разделяет историю и криминологию, то более тесная интеграция могла бы произойти за счет переработки общепринятого понимания прошлого и настоящего. Пол Лоуренс в связи с этим рассуждает о том, как «данные из прошлого и о нем — история — могут служить для объяснения настоящего и руководством к действию в настоящем»⁶.

Представленный обзор ясно показывает полифонию в подходах к пониманию исторической криминологии. Как видим, не существует устоявшегося взгляда на то, как должна быть задумана и реализована историческая криминология. Потому от современных исследователей требуется интегративный анализ исторической криминологии как базового подхода в криминологии, состоящего из различных исследовательских традиций и подходов, которые проявляют уважение к историческому времени.

Определяя собственное отношение к проблеме науковедческого статуса исторической криминологии, Д. Черчилль, Г. Йоменс и И. Ченнинг заявляют: было бы ошибкой определение исторической криминологии в соответствии с конкретным предметом («прошлым») или методом (историко-контекстуальных, историко-документальных исследований). Такой подход

может соответствовать претензиям исторической криминологии на дисциплинарную автономию, но вряд ли является идеальной отправной точкой⁷.

Историческая криминология не похожа на иные предметные направления криминологической науки (такие как, например, изучение профилактической деятельности, или виктимология); у нее нет собственной тематической области. Ее также нельзя рассматривать как отдельную школу криминологической мысли.

Любой аспект преступности, девиантности, вреда, уголовного правосудия и т.д. может быть изучен исторически. А потому историческую криминологию лучше всего рассматривать не как криминологию прошлого и не как присвоение исторических методов криминологическими исследованиями, но как исследование преступности, уголовного правосудия и связанных с ними вопросов, проводимое с учетом исторического времени. Историческая криминология, таким образом, — это способ исследования, подход, а не специализация, направление, а не субдисциплина.

Историческое время

Историческая криминология предполагает изучение криминологических явлений не просто с учетом фактора времени, а с учетом исторического времени. Серьезное отношение к историческому времени ориентирует историческую криминологию на понимание настоящего в той же мере, что и прошлого⁸.

Д. Черчилль, Х. Йоманс и И. Ченнинг в коллективной монографии раскрывают пять качеств, которые считаются центральными для понимания исторического времени: изменение, насыщенность событиями, течение, напряженность и воплощение⁹.

⁶ *Lawrence P. Historical criminology and the explanatory power of the past // Criminology & Criminal Justice. 2019. Vol. 19. № 4. P. 493–511.*

⁷ *Churchill D., Yeomans H., Channing I. Historical criminology. New York : Routledge, 2022. P. 23.*

⁸ *Knepper P., Scicluna S. Historical criminology and the imprisonment of women in 19th-century Malta // Theoretical Criminology. 2010. Vol. 14. № 4. P. 408.*

⁹ *Churchill D., Yeomans H., Channing I. Historical criminology. P. 25–48.*

1. *Изменения.* Историческое мышление применимо только к изменяющимся объектам. Вместе с тем характер изменения изменяющихся объектов может быть различным. Один вид изменений — «количественный» — относится к долговечным объектам, тем, что, претерпевая многочисленные изменения в том или ином конкретном отношении(-ях), всё же сохраняются и могут быть распознаны благодаря неизменному набору присущих им свойств. Другой вид изменений — «качественный» — означает трансформацию объектов, изменение их природы. Скорость обоих видов изменений применительно к различным объектам может быть весьма различной. Всё это заставляет нас осознать, что мы и наши социальные практики существуем во времени. И будучи разоблаченными как преходящие, они часто кажутся созревшими для реформ.

2. *Насыщенное событиями время.* Изменения открывают пороговые значения различий между «более ранним» и «более поздним». Однако историческое мышление предполагает нечто большее, чем сравнение последовательно меняющихся состояний объектов; оно требует внимания к тому, как происходят перемены, к непрерывности изменений во времени. Цепь непрерывности проявляет себя в конкретных событиях. Как правило, криминологи оценивают событие не само по себе, а с точки зрения тех последствий, которые оно вызовет. Здесь важны два варианта последствий. С одной стороны, это изменение политических ситуаций и институциональных структур под влиянием событий (в том числе и незначительных). С другой — это обеспечение постоянства, поскольку постоянство проистекает не из отсутствия событий, а из непрерывной серии повторяющихся рутинных событий, которые воспроизводят существующие структуры.

3. *Время потока.* Не довольствуясь пониманием события как границы между прошлым и будущим, мы должны исследовать возникновение и развитие самого события; не удовлетворяясь переходом от одной ситуации к другой, мы должны искать импульс и траекторию развития любых событий. Событийный ряд формирует процесс. В то время как события являются

уникальными, неповторимыми деталями, процессы четко обозначены по типу. И хотя каждый процесс может быть насыщен разными событиями, приводить к разным результатам и приобретать разные значения в разных исторических условиях, идентичность самого процесса остается одинаковой. Отсюда — историческое мышление требует внимания не просто к факту наличия того или иного события (например, совершения преступления или принятия закона), но к процессам, которые характеризуют само событие (процесс совершения преступления), а также к процессам, которые формируются событийной последовательностью (процесс криминализации).

4. *Напряженное время.* Время не есть просто последовательная смена прошлого, настоящего и будущего. Напряженный взгляд на время предполагает, что события одновременно относятся и к прошлому, и к настоящему, и к будущему; с течением времени события приближаются из будущего, на мгновение становятся настоящим, а затем отступают все дальше в прошлое. Это становится более очевидным, как только мы переходим к сложному времени — «прошедшее настоящее», «настоящее будущее», «будущее в прошлом» и т.д. Такие термины побуждают нас рассматривать «прошлое» не просто как нечто родственное «более раннему», но как нечто, что присутствует в настоящем и существует в будущем. Это ставит вопрос хронологического расположения форм временных отношений. С одной стороны, прошлое — это нечто ушедшее, оставленное позади, «не подлежащее возврату». Однако в нем также содержатся условия, которые привели к возникновению настоящего — почва, из которой мы выросли. Прошлое, таким образом, означает как потерю, так и наследие, как уход, так и преемственность, как разъединенность, так и накопление. Как и «прошлое», «будущее» также предполагает отличие от настоящего, непохожесть. Но будущее связано с потенциальностью, оно открыто и подвижно, в отличие от неподвижного прошлого. Мы склонны думать, что можем действовать в настоящем, чтобы формировать будущее таким образом, каким мы не можем формировать прошлое, и вынуждены корректировать нынешние

действия в соответствии с будущими целями. Настоящее же — это, пожалуй, самое заманчивое из временных отношений. Настоящее — это время принятия решения; оно предполагает выбор тактики поведения (адаптация, принятие или сопротивление). Настоящее — это «наше» время, тогда как прошлое и будущее принадлежат «другим». Таким образом, историческое мышление показывает, как хронологическое расположение событий может повлиять на наши временные связи с ними. Например, составной термин «настоящее прошлое», обозначающий то из прошлого, что является для нас настоящим, указывает нам на то, как прошлое вспоминается, воспроизводится и переосмысливается и какие запасы прошлого знания и опыта мы мобилизуем для осмысления новых событий.

5. *Воплощенное время.* Движение исторического времени неотделимо от динамики тех объектов — индивидов, групп, институтов, социальных сил и т.д., которые его воплощают. Эти объекты исторически специфичны — они суть порождение своего времени, но не могут стоять в стороне от времени. Такие явления, как грамотность или насилие XIV в., окрашиваются значимым контекстом своего времени и существенно отличаются от аналогичных явлений дня сегодняшнего, что затрудняет их линейное сравнение и исследование сквозь века. К тому же изменение этих явлений в разных странах имеет отличительные хронологические сдвиги, что препятствует «горизонтальному сравнению» грамотности или насилия в одно и то же время в разных странах. В итоге у нас одновременно могут сосуществовать «старые» и «новые» отношения между насилием и грамотностью. Единая нить сменяющих друг друга эпох уступает место ткани множественных, накладывающихся друг на друга времен существования объектов. Это возвращает нас к «слоям» исторического времени и опровергает предположение о том, что сосуществующие объекты являются ровесниками — что хронологически одновременные объекты исторически объединены. Мы живем в «плотном» настоящем, включающем множество «временных режимов», каждый из которых воплощен в определенных политических и экономических формациях.

Значение исторического времени и исторического мышления для криминологии

Взаимодействие с историческим временем проявляется в научной озабоченности переменами, насыщенностью событиями, потоком, напряжением и воплощением. Это влечет за собой использование этих аналитических соображений на протяжении всего исследовательского процесса. В этом смысле историческую криминологию можно рассматривать как эпистемологическую точку зрения, способ познания мира. Но ее также можно рассматривать как онтологическую позицию. Это онтология исторических событий, переживаемых отдельными людьми и группами; конфигураций действующих лиц, сетей и структур, эволюционирующих во времени; совместно присутствующих действующих лиц и организаций; социальных отношений и институтов, которые постоянно воспроизводятся или реформируются; исторического наследия и личных или коллективных воспоминаний, смысл и значимость которых постоянно меняются в ответ на те или иные события. Таким образом, историческая криминология посвящена тому, как мы познаем мир, в котором живем, а также природе существования в этом мире.

Отсюда:

— во-первых, заниматься исторической криминологией не означает заниматься историей. Нам не нужно становиться историками. Всесторонняя историческая криминология требует применения исторического мышления, которое раздвигает границы традиционных исторических исследований, включая, например, процессуальные подходы и исследования будущего;

— во-вторых, историческая криминология не отдает предпочтение прошлому. Осмысление различных событий прошлого непосредственно входит в сферу ее компетенции, но то же самое относится и к пониманию наличных проблем преступности и правосудия, а также к историческим размышлениям о возможном будущем;

— в-третьих, историческая криминология не предполагает каких-либо особых методов. Методы архивных исследований наиболее близки теории исторического мышления, но то же самое относится и к анализу статистических

закономерностей, этнографии, сценарным методам и др.;

— в-четвертых, историческая криминология не предполагает какой-либо определенной формы письма. Повествование — это общепринятая форма описания истории, но существуют и другие жанры или стили, включая «лирическую социологию», утопию и биографию, которые также могут наглядно отображать историческое время;

— в-пятых, историческая криминология не предполагает никаких обязательств по отношению к какой-либо конкретной криминологической концепции, кроме верности историческому времени.

Используя понятия времени и воплощения, историческая криминология расширяет взгляд на настоящее. Вместо плоского, однородного настоящего она предлагает более пересеченный и разнообразный ландшафт с затемненными глубинами сохранившегося прошлого и парящими вершинами воображаемого будущего. Нас не интересует «прошлое» и «будущее» как таковое, но нас интересует связь с прошлым и будущими в том виде, в каком они фигурируют в настоящем и влияют на него.

Как утверждает Д. Черчилль, наиболее плодотворный способ реализовать задачи исторической криминологии — научиться исторически мыслить о преступности и правосудии¹⁰. Мыслить исторически — это мыслить во времени и сквозь время. Это может повлечь за собой несколько важных следствий:

— Во-первых, приведет к более пристальному вниманию к вопросам периодизации. Например, что считается «современным» (и что «историческим») в криминологических исследованиях? Как эти понятия варьируются в зависимости от различных тем исследований или различных национальных контекстов? Каким аспектам преступности и правосудия отдается предпочтение в рамках этой периодизации, а какие отодвигаются на второй план?

— Во-вторых, потребует изучения того, как течение времени влияет на оценку имеющихся

результатов исследований. Насколько полезны данные из разных периодов времени для оценки текущих проблем преступности и правосудия? Всегда ли актуальны новейшие данные? Что подразумевают ответы на вопросы о том, чего мы ожидаем от преступности и правосудия в будущем?

— В-третьих, способствует привлечению внимания к «прошлому в настоящем» — тому, как отношение к прошлому формирует сегодняшние проблемы в сфере преступности и правосудия. Как различные понимания истории опосредуют конфликты в условиях правосудия переходного периода? По-разному ли жертвы, органы уголовного правосудия и другие рассматривают «историческое» качество недавних преступлений?

— В-четвертых, ставит прямые вопросы о будущем преступности и правосудия. Как менялись представления о городском порядке с течением времени? Как различные институты и группы формулируют будущее преступности, безопасности и правосудия? Как современные органы безопасности и уголовного правосудия пытаются управлять будущим?

Даже этот краткий список вопросов ясно показывает, что историческая криминология могла бы охватить гораздо больше, чем обычные исследования «прошлого» преступности и правосудия.

Временные единицы криминологического анализа

Отталкиваясь от понятия исторического времени и принципов исторического мышления в криминологии, Д. Черчилль, Х. Йоманс и И. Ченнинг в рамках разрабатываемой ими концепции предлагают пять временных единиц для проведения криминологических исследований: тенденция, жизненный путь, событие, повторение и наследование¹¹.

1. *Тенденции*. Это временная единица, которая связывает текущий уровень чего-либо с уровнем того же самого в более ранние момен-

¹⁰ Churchill D. Op. cit. P. 8–11.

¹¹ Churchill D., Yeomans H., Channing I. Historical criminology. P. 58–73.

ты времени. Тенденции в уровне преступности, виктимизации, численности сотрудников полиции и вынесении приговоров — это лишь некоторые из тенденций, которые регулярно выявляются в криминологических исследованиях. Такие тенденции говорят нам кое-что о потоке событий — их направлении, скорости, траектории — и позволяют исследователям оценить степень изменений и преемственности во времени. Однако использование тенденций может привести к тому, что анализ будет иметь лишь «короткий срок годности». Большинство исследований уровня преступности основаны на ежегодных данных о преступлениях, зарегистрированных за 12 месяцев. Эти ежегодные агрегированные данные информативны, но не дают никаких указаний на какие-либо среднегодовые колебания уровня преступности между точками начала и окончания периода наблюдения, они скрывают еженедельные, ежемесячные или сезонные колебания уровня правонарушений. Они сродни своего рода мини-объединению, и это затушевывает некоторую детализацию движения преступности. Следовательно, такими исследованиями может быть трудно охватить весь спектр временной динамики, которая здесь работает. Кроме того, надо учитывать, что у факторов, влияющих на тенденции, была своя история и одна тенденция обуславливается в том числе и предшествующими. Например, снижение преступности в последнее время может быть результатом быстрого воздействия краткосрочных изменений (включая распространение средств безопасности), а также медленно вызревающего долгосрочного влияния других изменений (упадок феодальных обществ, формирование современных государств и т.д.). Такие сложные, многослойные и нелинейные социальные процессы трудно — а скорее, и невозможно — охватить в рамках временной единицы, состоящей из линейных изменений в пределах конкретных переменных.

2. *Жизненный путь.* Эта временная единица предлагает целостную криминологическую концепцию жизни индивида, включающую последовательность событий, действий и переживаний, характеризующих индивида на протяжении

времени. Следует преодолевать узкий, в значительной степени линейный взгляд на время, который умаляет нашу способность понимать, что жизнь отдельных людей — это не простое движение человека по одной траектории, а меняющийся, разнообразный и многомерный опыт, разыгрываемый в рамках многослойного развертывания времени.

3. *Событие.* Насыщенность исторического времени, конечно, проявляется в конкретных событиях. События — это то, что происходит. Иногда они оказывают преобразующее воздействие на общество, но в равной степени могут и воспроизводить существующие социальные механизмы. Криминологи традиционно сосредоточены на исследованиях событий как единичных исторических происшествий. Но событие само по себе представляет временную единицу — в том смысле, что у него есть начало, середина и конец. Эта темпоральность каждого отдельного события редко анализируется непосредственно в криминологии, в том числе с точки зрения определения начальной и конечной точек события.

4. *Повторение.* Эта временная единица позволяет отказаться от линейного представления о социальных изменениях и историческом времени и вместо этого предполагает циклическую временность, определяемую повторением определенных событий. Повторения могут быть преднамеренными или непреднамеренно возникающими; интервалы между ними могут различаться по продолжительности. Но «повторение» не означает повторного появления точно такого же явления, иное противоречит учету исторической специфики и случайности. Подобный взгляд рискует затушевать изменения, отвлекая внимание от различий между повторяющимися историческими событиями, и это может увеличить вероятность анахронизма, побуждая ученых объединять прошлые и настоящие события, которые лучше анализировать по отдельности. Таким образом, повторение характеризуется не механистическим вращением исторического колеса, а «последовательным произнесением рифмующихся слов». Заполнение промежутков между повторениями также улучшает временной охват и может с пользой

подчеркнуть зависимость повторений от определенных формирующих событий.

5. *Наследование.* Эта временная единица постулирует, что некоторые черты настоящего не были сформированы текущими социальными действиями, а существуют как наследие более ранних периодов. Выявляя факторы, обеспечивающие преемственность, изучение наследственности может помочь ускорить социальные изменения. Поддерживая объяснения настоящего, историческая криминология может информировать о том, как можно было бы создать лучшее будущее. При этом мы можем сосредоточить внимание как на трансформирующих исторических изменениях, которые провоцируют наследование, так и на последующих процессах, которые (повторно) порождают их.

Методологические приемы исторической криминологии

Выявленные исследованием единицы темпорального криминологического анализа позволяют высказать соображения относительно методологических приемов и средств, способствующих их адекватному изучению¹².

1. *Рассмотрение ситуации в перспективе.* Даже при изучении по-настоящему нового явления по мере его раскрытия полезно рассмотреть предшествующие факторы, средства сравнения или альтернативы из прошлого. Учет таких соображений должен помочь исторически контекстуализировать текущее явление, представить текущую ситуацию в более широком масштабе времени. При этом непрерывный характер времени предполагает необходимость постановки вопроса о продолжительности «долгосрочной перспективы». Конечно, ответ на вопрос о временных рамках исследования должен варьироваться в зависимости от того, что изучается. Например, алкоголь употреблялся в Европе на протяжении веков, поэтому исследования употребления алкоголя, его последствий и регулирования в этом регионе могут разумно восходить к Средневековью. В то же время техно-

логические изменения имеют более короткую историю, а потому исследования киберпреступности могут быть оправданы при сосредоточении внимания на последних трех десятилетиях. В каждом конкретном случае суждения должны формироваться на основе исторического характера объекта исследования и доступных источников данных.

2. *Поиск последовательностей.* Любая попытка причинно-следственного объяснения преступности основывается на предпосылке, что причина должна предшествовать следствию. Исследователи могут усилить эту общую заботу о последовательности путем поиска соответствующих исторических событий или происшествий на основе количественных или качественных данных. Но какими бы они ни были, соответствующие события необходимо идентифицировать в рамках исторических данных и расположить в хронологическом порядке. Только когда они расположены последовательно, исследователи могут начать оценивать взаимосвязи между этими происшествиями. Причем поиск последовательностей будет приносить большую пользу, если он будет продолжен в долгосрочной перспективе. Это позволяет исследователям выйти за рамки простых оценок тех или иных тенденций, предоставляя значительно расширенные возможности для изучения причинно-следственных связей.

3. *Заполнение пробелов.* Анализ последовательностей может препятствовать проблеме «разрыва». Например, использование еженедельной статистики преступности позволило бы заполнить некоторые пробелы во временной структуре преступлений, которые замалчиваются в годовой статистике преступности, но это все равно скрывало бы колебания на ежедневном уровне или ниже. Проведение последовательного анализа постоянно происходящих событий, во всех их нюансах и сложности, вероятно, невозможно. Но тем не менее полезно признать потенциальный пробел во многих криминологических исследованиях и поразмыслить над тем, какие методы наиболее близки к улавливанию существенного движения исторического времени.

¹² Churchill D., Yeomans H., Channing I. Historical criminology. P. 75–87.

4. *Использование сложности.* Возникший на основе нелинейной математики «поворот к усложнению» распространился в социальных науках. Последствия сложности для криминологии весьма разнообразны. В самом общем виде они предполагают отказ от линейных объяснений преступности. Тенденции обозначают период стабильности или последовательного движения в определенном направлении. В этом движении имеются события — поворотные точки, которые прерывают траектории. Они представляют собой нестабильности, которые могут привести к новой траектории или к дальнейшей нестабильности. События могут стать поворотными точками на микро- или макросоциальном уровне. Где бы они ни были обнаружены, они эффективно выявляют траектории социальных или личностных изменений, которые носят разнонаправленный, а не однонаправленный характер. Поворотных моментов может быть множество, что создает «зазубренные» траектории во времени и нелинейную направленность социальных изменений. Любой исторический момент, включая настоящее, в итоге должен рассматриваться как оживленный одновременным развертыванием множества временных процессов разной продолжительности. Принятие этого тезиса требует от криминологов более глубокого изучения прошлого. Отход от узкого, линейного взгляда на время расширяет временной фокус за пределы последних десятилетий и позволяет исследовать причинно-следственные связи или объяснительные возможности более ранних периодов времени. Таким образом, нелинейная перспектива необходима в силу того факта, что социальные процессы могут разворачиваться с неодинаковой скоростью в течение очень длительных периодов.

Единство прошлого, настоящего и будущего как основной тезис исторической криминологии

Историческое время как основной концепт исторической криминологии требует особого понимания текущего момента. Настоящее — это

плотный, многослойный феномен, сочетающий в себе не только нечто чувственно наблюдаемое «сегодня», но также отголоски прошлого и предвосхищения будущего. Единство прошлого, настоящего и будущего — ключ к историческому мышлению в криминологии.

Д. Черчилль, Х. Йоманс и И. Ченнинг уделяют особое внимание проявлениям прошлого в настоящем и будущего в настоящем.

А. Прошлое в настоящем

Ответ на вопрос о том, как прошлое отражается в настоящем на индивидуальном и коллективном уровне, выдвигает на первый план различия между двумя «нынешними прошлыми». С одной стороны, это вспоминаемое прошлое, память об истории. С другой стороны, это непосредственное прошлое травм и преследований, которое повторяется или задерживается и неотделимо от жизни настоящего¹³.

1. Память и история

Мы относимся к прошлому посредством памяти. На индивидуальном уровне — перенося прошлые события и ситуации в настоящее посредством актов воспоминания. На коллективном уровне — опосредуя прошлые события передаваемыми через поколения текстами, артефактами и изображениями. При этом, в отличие от индивидуальной памяти, коллективная память всегда множественна, т.к. образы прошлого варьируются в зависимости не только от социальных групп, но и от социального контекста воспоминаний. Вместе с тем и индивидуальная, и коллективная память имеют общие черты. Во-первых, память всегда избирательна: прошлое никогда не вспоминается целиком, и поэтому воспоминание протекает в тандеме с забвением. Во-вторых, память — это, безусловно, работа настоящего. Воспоминание относится не к прошлому как таковому (прошлому во всей его «прошлости»), но к прошлому, ставшему настоящим. И в-третьих, мы не просто вспоминаем то, что «находится под рукой»; мы вызываем к воспоминаниям не потому, что они имели место недавно, а потому, что они имеют отношение к нашим текущим заботам и целям. Следовательно, память — это прошлое не про-

¹³ Churchill D., Yeomans H., Channing I. Historical criminology. P. 120–133.

сто настоящего, но и для настоящего; прошлое, соответствующее требованиям настоящего.

2. Травма, навязчивые идеи и присутствие прошлого

Травма — это печать прошлого, которая непосредственно присутствует в настоящем. Ученые стали рассматривать травму как коллективный опыт, в котором проявляется наша социальная идентичность. Индивидуально или коллективно травмирующие переживания (особенно из «трудного» прошлого, отмеченного насилием, конфликтом, войной или бедностью) не являются воспоминаниями, поскольку нет ощущения дистанции, отделяющей такое прошлое от настоящего. Скорее, прошлое и настоящее протекают параллельно: прошлое повторяется, заново переживается в настоящем. Травма, таким образом, нарушает течение времени от прошлого через настоящее к будущему. Это дает основу для понимания резонансов и отзвуков массовых уголовных дел и преступлений спустя долгое время после того, как они произошли.

3. Исправление прошлого

Присутствующее в настоящем прошлое (как память, так и травмы) является потенциальным источником разногласий и конфликтов. Отсюда — стремление исправить прошлое, переосмыслить его, переоценить, а порой и отвергнуть. Однако мы взаимодействуем с прошлым в соответствии с потребностями настоящего; и правильность наших нынешних целей также зависит от того, какие обязанности мы несем по отношению к свидетелям прошлого (выжившим и умершим). Поэтому «исправление прошлого» может означать его починку, исцеление, но точно так же это «исправление» может быть и мошенничеством, притворством в защиту чьих-то корыстных интересов.

4. Что может историческая криминология, исследуя прошлое в настоящем?

Историческая криминология может предложить полезные поправки к полуправде и заблуждениям, которые циркулируют в политических дебатах о преступности и уголовном правосудии¹⁴. Такие дебаты часто ссылаются на

историю, изображая современную преступность как более серьезную, более широко распространенную или более тревожную, чем преступность прежних времен. Дискурсы правого толка стереотипно противопоставляют наше беспокойное настоящее воображаемому прошлому стабильности и безопасности — «золотому веку», который можно воссоздать через возвращение к определенным «традиционным» ценностям. Однако исторический опыт тех, кто пережил определенные «золотые века», не всегда был таким счастливым и мирным, как можно себе представить. Способность подвергать сомнению доминирующие предположения и преобладающие мифы, а также борьба с политической дезинформацией означают, что историческая криминология может выполнять важнейшие функции «демократического подсобного рабочего», которые признаются центральными в общественной роли криминологии. Огромное значение может придаваться тому, чтобы отдельные люди и общества либо что-то помнили, либо забывали. Историческая криминология (в этом отношении политическая по своей сути) тщательно анализирует обращения к прошлому в публичном дискурсе, переосмысливает актуальные проблемы и поддерживает или усиливает культурную память об исторической несправедливости. Она связана с политикой памяти и политической динамикой власти, которые влияют на то, что мы помним, как мы это помним и что мы забываем. Поэтому, как и криминология в целом, историческая криминология не может избежать своего политического характера, даже если она не привязана к какой-либо конкретной политической повестке дня.

Б. Будущее в настоящем

Как прошлое проявляется в различных формах в настоящем, точно так же проявляется и будущее. Первое будущее — это будущее, измененное посредством реформ, второе будущее — это будущее преэминентности, создаваемое стратегиями безопасности. Наряду с этим, существует «отсутствующее будущее» — будущее, лишённое надежды или обещаний¹⁵.

¹⁴ Churchill D., Yeomans H., Channing I. Historical criminology. P. 162–164.

¹⁵ Churchill D., Yeomans H., Channing I. Historical criminology. P. 133–142.

1. Будущее как горизонт

Несмотря на неудачную карьеру «реформаторов» во многих секторах современного уголовного судопроизводства, реформистские схемы по-прежнему указывают на новые возможности, которые, по-видимому, находятся в пределах досягаемости и которые должны быть реализованы путем сознательных и обдуманых действий. С такой точки зрения будущее зависит от нас самих: мы можем вырваться из мертвой хватки истории, избежать смирительной рубашки нашего наследия и сокрушить историческую предначертанность силой действия. При этом реформа обращается к пустому, «открытому» будущему — горизонту, на который мы проецируем наши желания о лучшем мире. Метафора горизонта говорит как о чувстве будущего обещания, так и о неуверенности в его исполнении. Горизонт реформ — это «будущее, которое не может начаться, оно отдалается, если мы пытаемся приблизиться к нему». И всё же реформатор мечтает достичь чего-то, что кажется в принципе возможным; эта точка на горизонте находится в пределах видимости и поэтому в пределах досягаемости. В отличие от реформаторов, формирующих достижимое будущее, убежденные утописты представляют будущее как совершенно другой мир в пространстве или во времени. Хотя утопическое будущее обязательно каким-то образом связано с настоящим, оно выходит за рамки исторического опыта и, следовательно, воспринимаемых границ исторических возможностей. Утописты не указывают на цели, которые должны быть достигнуты; скорее они предлагают постоянный стимул к действию.

2. Сохранение будущего

Реформа предполагает, что настоящее является точкой переключения между тем, что мы наследуем, и тем, что мы выбираем. Иногда, однако, мы взаимодействуем с будущим не для того, чтобы произвести изменения, а для того, чтобы прошлое и будущее обеспечивали непрерывность, чтобы облегчить прохождение настоящего перед лицом неопределенности. Концепт «безопасность» служит основным обо-

значением для таких способов предвидения и реализации будущего. Методы обеспечения безопасности направлены на то, чтобы снизить риск, справиться с неопределенностью, гарантировать, что вредные потенциальные возможности не реализуются. Последние десятилетия наводят на мысль о различии — каким бы размытым и неполным оно ни было на практике — между управлением риском и управлением неопределенностью. Управление рисками предполагает перенос знания о прошлом в будущее, формируя рационализированное будущее, тогда как управление неопределенностью проистекает из предположения, что будущие риски превышают наш опыт и формируют воображаемое, как правило, «кошмарное» будущее. К сожалению, криминологи уделяют мало внимания кошмарным перспективам, которые преследуют архитекторов безопасности, и редко подвергают критическому анализу правдоподобие такого будущего.

3. Никакого будущего

Иногда будущее — это не местность, лежащая перед нами, а ее полное отсутствие; пустота, отбрасывающая тень на настоящее. Наиболее широко и сильно чувство утраченного будущего находит выражение в перспективе глобальной экологической катастрофы. Лишая наши проекты прочного наследия, перспективы отсутствующего будущего угрожают лишить нынешнюю деятельность большей части ее смысла, который частично вытекает из идеи открытого будущего. Следовательно, будущее начинает приобретать качества, обычно ассоциируемые с прошлым: оно предполагает ощущение неизменности, фактичности и утраты; оно может преследовать нас точно так же, как мы можем оплакивать его.

4. Что может историческая криминология, исследуя будущее в настоящем?

Историческую криминологию следует рассматривать не как чисто ретроспективное предприятие, а как нечто в равной степени связанное с настоящим и будущим¹⁶. Вмешательство в будущее — это именно то, чем занимается большая часть современной криминологии.

¹⁶ Churchill D., Yeomans H., Channing I. Historical criminology. P. 164–165.

Однако историческая криминология делает это специфическим образом, работая над выявлением многочисленных и разнообразных способов, которыми прошлое переплетается с настоящим, и устанавливая эти совпадения как потенциальные возможности для вмешательства в будущее. Поиск прошлого в настоящем, перспективы в ретроспективе — всё это специфические атрибуты исторической криминологии. Наконец, историческая криминология придерживается определенного взгляда на будущее во множественном числе. Это не означает, что любое будущее возможно. Учитывая сложности и непредвиденные обстоятельства исторических изменений и преемственности, мы не можем построить мир в точности таким, каким хотели бы его видеть. Но существует множество возможных вариантов будущего, содержащихся в пределах любого исторического момента. Некоторые из них будут хронологически отдалены, а другие будут ближе к настоящему. Некоторые из них могут сосуществовать друг с другом, в то время как другие являются взаимоисключающими. Некоторым из них почти предопределено осуществиться, в то время как у других есть лишь малая толика шансов на это. Некоторые из них чрезвычайно похожи на настоящее, а другие сильно отличаются от него. И большинство из них будут как положительными, так и отрицательными с точки зрения их воздействия на различных социальных субъектов. В рамках определенных параметров отдельные лица, группы и другие социальные субъекты могут попытаться сформировать свое предпочтительное будущее.

Содержательные последствия развития исторической криминологии

Исторические перспективы в криминологических исследованиях, утверждает Д. Черчилль и соавторы, могут способствовать развитию четырех импульсов, или ключевых мотивов, которые движут криминологами. Это критический импульс, реформирующий импульс, искупительный импульс и общественный импульс¹⁷.

1. Критический импульс. Здоровая наука — это наука, в которой институциональный аппарат дисциплины или предметной области не препятствует интеллектуальному любопытству, в результате которого устоявшиеся формы знания подвергаются постоянному сомнению, подтверждению или пересмотру, заменяются или объединяются с другими устоявшимися или зарождающимися знаниями. Этот критический импульс эффективно срабатывает и поддерживается благодаря взаимодействию с историческим временем. История знакомит нас с головокружительным набором различий, начиная от тонких нюансов и заканчивая резкими контрверсами нашего времени. Многие исторические исследования имеют тенденцию дезинформировать настоящее, отбрасывая любые ощущения того, что существующие социальные механизмы являются нормальными или неизбежными. В равной степени исторические исследования могут выявлять сходство через «удивительную преемственность», поскольку современное поведение, ценности, практики и институты имеют долгую историческую родословную или поразительное прошлое. Таким образом, историческое исследование способно скорректировать представление о том, что наше время уникально.

2. Импульс к реформированию. Конечно, криминологи коллективно стремятся не просто познать мир, но и изменить его. Следовательно, криминология культивирует «реформаторский импульс», который побуждает ученых вовлекаться в мир практических дел и быть принятым в нем всерьез. Участие криминологов в политике уголовного правосудия — это чреватое опасностями и потенциально компрометирующее предприятие. Тем не менее при отбрасывании цели обоснования реформ существует опасность того, что криминология превратится в частное предприятие, в котором ученые общаются в основном друг с другом. Серьезное отношение к историческим различиям означает признание того, что нельзя просто перенести политику или практику из других времен в нынешние контексты. История не повторяется в

¹⁷ Channing I., Churchill D., Yeomans H. *Renewing Historical Criminology.*

точности. Тем не менее значимые сравнения во времени иногда могут помочь осмыслить текущие проблемы. Исторические рефлексии относительно политических реформ позволяют криминологам соединить прошлое и настоящее для того, чтобы внести свой вклад в формирование предпочтительного будущего для уголовного правосудия.

3. Искупительный импульс. В основе многих криминологических исследований — критическая озабоченность тем, чтобы бросить вызов обыденным представлениям «здорового смысла» о преступности и преступниках, чтобы очеловечивать правонарушителя и с сочувствием интерпретировать его поведение. Криминология побуждает исследователей придавать смысл поврежденным или загубленным жизням тех, кто серьезно пострадал от преступления или наказания. Этот искупительный импульс проявляется как в рамках изучения жизненного пути преступника, фокусируясь на восстановлении «хорошего» из жизни людей, которые по какой-либо причине стали «плохими», так и в рамках социальной истории преступности, обращаясь к анализу «человеческих масштабов» структурных преобразований в обществе. Он ориентирован на то, чтобы «очеловечить людей» в тех или иных исторических условиях.

4. Общественный импульс. Он побуждает нас взаимодействовать с общественной аудиторией для дальнейшего понимания преступности и уголовного правосудия. Во времена уголовного популизма аргументированное, критическое знание, основанное на эмпирических исследованиях, всегда, вероятно, будет маргинализированным по отношению к доминирующим медиадискурсам. Потому важная роль

исторической криминологии, в частности, проистекает из потребности в информированном и пронизательном комментарии к популярным представлениям о криминальном прошлом, в их силе формировать коллективные воспоминания и формировать культурную идентичность в настоящем.

Заключение

Обзор некоторых (далеко не всех) исследований, посвященных проблемам теории исторической криминологии, убедительно доказывает ценность восходящих к принципу историзма концептов исторического времени и исторического мышления для проведения криминологических изысканий, изучения феномена преступности и проблем противодействия ей. Он открывает перед исследователями широкие перспективы как в части применения исторического метода, требуя «длинных» криминологических наблюдений и их контекстуальной интерпретации, так и в части обозначения перспективных тематических направлений: память и преступность, социальные последствия прошлого преступности, преступность и моделирование будущего, социальные события и криминологические тренды и т.д. Развитие и реализация идей и принципов исторической криминологии призваны способствовать не только приращению и углублению криминологического знания, но и повышению социальной роли криминологической науки в поддержке исторической правды, обосновании реформ и преемственности общественного развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Bleakley P., Kehoe T. J.* Historical Criminology as a Field for Interdisciplinary Research and Trans-disciplinary Discourse // *History & Crime (Emerald Advances in Historical Criminology)* / T. J. Kehoe, J. E. Pfeifer (eds). — Bingley : Emerald Publishing Limited, 2021. — P. 125–141.
2. *Channing I., Churchill D., Yeomans H.* Renewing Historical Criminology: Scope, Significance, and Future Directions // *Annual Review of Criminology*. — 2023. — Vol. 6. — P. 339–361.
3. *Churchill D.* What is «Historical Criminology»? Thinking Historically about Crime and Justice // *BSC Newsletter*. — 2018. — № 82. — P. 8–11.

4. Churchill D., Yeomans H., Channing I. Historical criminology. — New York : Routledge, 2022. — 220 p.
5. Garland D. What is a «history of the present»? On Foucault's genealogies and their critical preconditions // Punishment & Society. — 2014. — Vol. 16. — № 4. — P. 365–384.
6. Knepper P., Scicluna S. Historical criminology and the imprisonment of women in 19th-century Malta // Theoretical Criminology. — 2010. — Vol. 14. — № 4. — P. 407–424.
7. Knepper P. Historical Criminology // Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice / G. Bruinsma, D. Weisburd (eds). — New York : Springer, 2014 — P. 2081–2087.
8. Lawrence P. Historical criminology and the explanatory power of the past // Criminology & Criminal Justice. — 2019. — Vol. 19. — № 4. — P. 493–511.

Материал поступил в редакцию 1 августа 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bleakley P., Kehoe T. J. Historical Criminology as a Field for Interdisciplinary Research and Trans-disciplinary Discourse // History & Crime (Emerald Advances in Historical Criminology) / T. J. Kehoe, J. E. Pfeifer (eds). — Bingley: Emerald Publishing Limited, 2021. — P. 125–141.
2. Channing I., Churchill D., Yeomans H. Renewing Historical Criminology: Scope, Significance, and Future Directions // Annual Review of Criminology. — 2023. — Vol. 6. — P. 339–361.
3. Churchill D. What is «Historical Criminology»? Thinking Historically about Crime and Justice // BSC Newsletter. — 2018. — № 82. — P. 8–11.
4. Churchill D., Yeomans H., Channing I. Historical criminology. — New York: Routledge, 2022. — 220 p.
5. Garland D. What is a «history of the present»? On Foucault's genealogies and their critical preconditions // Punishment & Society. — 2014. — Vol. 16. — № 4. — P. 365–384.
6. Knepper P., Scicluna S. Historical criminology and the imprisonment of women in 19th-century Malta // Theoretical Criminology. — 2010. — Vol. 14. — № 4. — P. 407–424.
7. Knepper P. Historical Criminology // Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice / G. Bruinsma, D. Weisburd (eds). — New York: Springer, 2014 — P. 2081–2087.
8. Lawrence P. Historical criminology and the explanatory power of the past // Criminology & Criminal Justice. — 2019. — Vol. 19. — № 4. — P. 493–511.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.178-186

К. Н. Макашева*

Глобальные климатические изменения и экологическая безопасность: сравнительно-правовой анализ опыта России и Казахстана

Аннотация. Актуальность статьи определяется необходимостью совершенствования правового регулирования климатической безопасности в России и Казахстане. Автором рассмотрены проблемы борьбы с климатическими изменениями. Задача обеспечения климатической безопасности становится всё более важной в свете изменения климата и его воздействия на окружающую среду и экономику рассматриваемых стран. Анализируются меры и программы, разрабатываемые Россией и Казахстаном, для снижения выбросов парниковых газов, повышения энергоэффективности, использования возобновляемых источников энергии и адаптации к изменению климата. Особое внимание уделяется сотрудничеству между двумя странами в области передачи технологий, обмену опытом и взаимной поддержке в достижении устойчивого развития и снижения уязвимости в свете глобальных климатических вызовов. Работа основана на данных и официальных публикациях, а также актах и программных документах, разработанных ЕАЭС для обеспечения климатической безопасности.

Ключевые слова: экологическая безопасность; охрана окружающей среды; Единое экономическое пространство; климатическая безопасность; ЕАЭС; право; актуальные проблемы; экологическое право; обеспечение экологической безопасности; национальная безопасность.

Для цитирования: Макашева К. Н. Глобальные климатические изменения и экологическая безопасность: сравнительно-правовой анализ опыта России и Казахстана // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 12. — С. 178–186. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.178-186.

© Макашева К. Н., 2023

* Макашева Карима Нурахметоллаевна, начальник отдела комплектования аттестационных дел соискателей ученых степеней Научно-исследовательского института, ассистент кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
kmakeasheva@msal.ru

Global Climate Change and Environmental Safety: Comparative Legal Analysis of the Experience of Russia and Kazakhstan

Karima N. Makasheva, Head of the Department for Compiling Certification Files for Academic Degrees Applicants, Research Institute, Assistant, Department of Environmental and Natural Resources Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
kmasukasheva@msal.ru

Abstract. The relevance of the paper is determined by the need to improve the legal regulation of climate safety in Russia and Kazakhstan. The author examines the problems of combating climate change. The task of ensuring climate security is becoming increasingly important in light of climate change and its impact on the environment and economy of the countries in question. Measures and programs developed by Russia and Kazakhstan to reduce greenhouse gas emissions, increase energy efficiency, use renewable energy sources and adapt to climate change are analyzed. Particular attention is given to cooperation between the two countries in the field of technology transfer, exchange of experience and mutual support in achieving sustainable development and reducing vulnerability in light of global climate challenges. The work is based on data and official publications, as well as acts and program documents developed by the EAEU to ensure climate security.

Keywords: environmental safety; environmental protection; Common Economic Space; climate security; EAEU; law; current issues; environmental law; ensuring environmental safety; National security.

Cite as: Makasheva KN. Global Climate Change and Environmental Safety: Comparative Legal Analysis of the Experience of Russia and Kazakhstan. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(12):178-186. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.178-186.

Чем актуальнее становится проблема глобальных изменений климата, чем осознаннее она воспринимается мировым сообществом как стратегический риск и вызов его устойчивому развитию, тем масштабнее международные усилия по консолидации действий по снижению остроты и масштабов этой проблемы¹.

О неизбежных климатических изменениях на протяжении многих лет говорят ведущие специалисты-экологи, политические лидеры, экоактивисты и ряд межправительственных организаций. Перед человечеством стоит вопрос прогнозирования масштабов бедствия, которые спровоцируют неостанавливающиеся климатические изменения. Если сама проблема не является новой, то последствия, с которыми придется столкнуться, на сегодняшний день можно назвать непредсказуемыми.

Американский математик и экономист Н. Таллеб ввел в обиход термин «черный лебедь»,

означающий событие, которое сложно предсказать или последствия которого трудно оценить. В контексте климатических изменений соответствующие события являются неожиданными и катастрофическими, имеющими серьезные последствия для окружающей среды и человечества.

Примерами «черных лебедей» при климатических изменениях могут быть:

— сильные и продолжительные засухи, наводнения, мощные штормы или грозы, которые способны привести к значительному материальному ущербу, потере жизни и проблемам с сельскохозяйственным производством;

— изменение механизмов циркуляции океанов и атмосферы, что приводит к наступлению ледникового периода или усилению парникового эффекта;

— распространение новых патогенных организмов и болезней изменения климата, чему способствует, в частности, повышение температуры;

¹ Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2017 год / под ред. С. Н. Бобылева и Л. М. Григорьева. М. : Аналитический центр при Правительстве РФ, 2017.

— повышение уровня моря, учащение количества и увеличение силы ураганов и землетрясений, изменение режима осадков и температуры.

Перечисленные «черные лебеди» изменения климата природного и техногенного характера с каждым годом становятся всё более выраженными и мощными, приобретая тревожные масштабы и налагая на человечество огромные экономические и иные издержки. Такая ситуация требует конкретных и адресных мер, если государства всерьез настроены на достижение целей обеспечения экологической безопасности, обозначенных в Докладе Конференции Организации Объединенных Наций (COP27)², действующей в качестве совещания сторон Парижского соглашения, состоявшейся в Шарм-эш-Шейхе в ноябре 2022 г. По итогам COP27 эксперты из разных стран пришли к консенсусу, что, несмотря на многолетнюю работу и подписанные соглашения, государства по-прежнему принимают недостаточно мер для решения климатического кризиса.

В последнем докладе Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) 2023 г. председатель Хёсунг Ли отметила следующее: «Выдвижение на первый план реализации эффективных и беспристрастных мер по борьбе с изменением климата не только сократит потери и ущерб для природы и людей, но и обеспечит более широкие выгоды»³. Принятие правильных мер может привести к ключевым трансформационным изменениям, необходимым для устойчивого развития и обеспечения экологической безопасности.

В последней декаде XX в. появилось исследование «Пределы направления к развитию» (The Limits to growth), где использовалась компью-

терная модель «Мир-3» (вариации последствий взаимодействия между человеческими системами и Землей)⁴, разработанная в 1990-х гг. Д. Форрестером («Мировая динамика» / World Dynamics)⁵.

Компьютерная модель «Мир-3» была использована для прогнозирования климатических изменений и оценки их воздействия на окружающую среду и общество. Вот некоторые из ключевых положений, выведенных с помощью этой модели:

1) изменение климата: главной причиной глобального потепления является повышение концентрации парниковых газов в атмосфере, особенно углекислого газа (CO₂); подтверждена корреляция между увеличением выбросов парниковых газов и повышением среднегодовой температуры на Земле;

2) повышение уровня моря: повышение температуры Земли приведет к таянию ледяных шапок и ледников, что, в свою очередь, приведет к повышению уровня моря. Это основная угроза для прибрежных областей и островных государств;

3) экстремальные погодные явления: увеличение частоты и интенсивности экстремальных погодных явлений, таких как сильные штормы, наводнения, засухи и тепловые волны. Подобные климатические колебания могут нанести значительный ущерб экосистемам, сельскому хозяйству и человеческому здоровью;

4) изменение распределения осадков: некоторые регионы могут столкнуться с увеличением количества осадков, в то время как другие будут испытывать засухи и недостаток воды;

5) воздействие изменения климата на экосистемы, включая снижение биологического разнообразия, вымирание видов и изменение границ распространения растений и животных;

² Решения четвертой сессии, принятые Конференцией сторон, действующей в качестве совещания сторон Парижского соглашения // URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cma2022_10_a01R.pdf (дата обращения: 01.07.2023).

³ Пресс-релиз по Од Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) // URL: https://www.ipcc.ch/report/ar6/syr/downloads/press/IPCC_AR6_SYR_PressRelease_ru.pdf (дата обращения: 01.07.2023).

⁴ Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рандерс Й., Беренс III У. В. Пределы роста. Отчет для проекта Римского клуба о затруднительном положении / пер. с англ.; предисл. Г. А. Ягодина. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 22.

⁵ Forrester J. W. World dynamics. Wright-Allen Press, 1971. P. 142.

б) потенциал смягчения и адаптации: ранняя реализация мер по снижению выбросов парниковых газов и адаптации к изменению климата могут помочь смягчить негативные последствия. «Мир-3» подчеркнула важность приспособления к переменам и разработку устойчивых стратегий.

Стоит отметить, что модели, такие как «Мир-3», постоянно развиваются и улучшаются, и новые исследования могут привести к важным выводам и прогнозам.

Однако приведенные выше прогнозы не учитывали сокращение ресурсов Земли. Исследование было продолжено под названием «Поверх пределов» («Beyond the Limits», 1992 г.)⁶ и приурочено к открытию Саммита Земли. В Докладе Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее»⁷ очень правильно названа глава 11 — «Мир, безопасность, развитие и окружающая среда», в которой подчеркивается прямое и не прямое влияние политической напряженности и военных конфликтов на климатические изменения. Использование различных вооружений способствует накоплению в атмосфере значительных объемов углекислого газа и других парниковых газов. Пожары, взрывы и разрушения во время боевых столкновений приводят к уничтожению лесов, растительности и природных резерватов, как следствие — снижается способность растений поглощать углекислый газ. В первую очередь во время военных действий разрушению подвержены энергетические инфраструктуры, такие как нефтепроводы, газопроводы и электростанции. Утечка нефти, выбросы газа и снижение производства энергии негативно влияют на климатические условия и устойчивость энергетической системы. Например, после утечки газа из «Северного потока — 1» и «Северного потока — 2» в 2022 г. некоторые экологи и ученые забили тревогу: экологиче-

ские проблемы затронут все близлежащие страны. По некоторым данным, объем утечки газа превысил 200 тыс. т, что приравнивается к 20-летней непрерывной езде около 5,5 млн легковых автомобилей⁸. Данная утечка стала источником значительных выбросов метана в атмосферу, а он имеет гораздо более высокий потенциал теплоты, чем углекислый газ, и его выбросы значительно способствуют глобальному потеплению. Экологи также подчеркивают риск негативного влияния утечки на мировой океан, деградацию рыбных ресурсов и здоровье обитателей морского дна, поскольку метан может провоцировать кислотификацию океана и изменение биологического разнообразия в морской среде. В целом вооруженные столкновения имеют серьезное влияние на уровень обеспечения государствами климатической безопасности. Поэтому урегулирование конфликтов и мирное разрешение споров являются важными факторами в борьбе с глобальными климатическими вызовами.

Климатическая безопасность и экологическая безопасность являются тесно связанными концепциями, которые относятся к сохранению и восстановлению окружающей среды и защите природных ресурсов для будущих поколений. Климатическая безопасность обеспечивается усилиями по предотвращению негативных изменений климата и минимизации их последствий для общества и экосистемы. Цель обеспечения климатической безопасности заключается в уменьшении выбросов парниковых газов через повышение энергетической эффективности, использование возобновляемых источников энергии и чистых технологий. Экологическая безопасность затрагивает общее состояние экологических систем и их способность поддерживать жизнь и биоразнообразие.

Климатическая безопасность напрямую влияет на экологическую безопасность, поскольку

⁶ См.: Meadows D. H., Randers J., Meadows D. L. *Beyond the Limits*. Chelsea Green Publishing, 1992.

⁷ Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее» // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N92/836/57/PDF/N9283657.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.07.2023).

⁸ Какovy экологические последствия подрыва «Северных потоков»? // URL: <http://rcc.ru/article/kakovy-ekologicheskie-posledstviya-podryva-quot-severnyh-potokovquot-95568> (дата обращения: 01.07.2023).

ку изменения климата могут вызывать ухудшение экосистем, сокращение биоразнообразия и ухудшение качества жизни человека. Однако экологическая безопасность также играет важную роль в регулировании климатической стабильности через сохранение лесов, водоносных бассейнов и других экосистем, которые влияют на климатические процессы. Решение климатических задач напрямую зависит от уровня обеспечения экологической безопасности и устойчивости развития мирового сообщества.

В научных кругах климатическая безопасность рассматривается как составная часть экологической безопасности⁹. Однако значительный массив теоретико-исследовательской базы проблем климатической безопасности задает тенденции выделения его в самостоятельную подотрасль права «Климатическое право»; такого мнения придерживаются ряд правоведов¹⁰.

Глобальная климатическая повестка в современных реалиях сосредоточилась на приоритетных темах, связанных с изменением климата, разработанных международным сообществом с целью снижения выбросов парниковых газов и смягчения последствий глобального потепления. Это ключевые проблемы, которые должны быть решены для достижения устойчивого развития планеты и сохранения жизни на Земле.

Первостепенное значение для решения проблем обеспечения климатической безопасности Российской Федерации имеет ее международное сотрудничество с ближайшими соседями, в частности Республикой Казахстан, а также различными международными организациями¹¹. Так, страны Содружества Независимых Государств, в частности Российская Федера-

ция и Республика Казахстан, выбрали для себя вектор по разработке мер устойчивого к климатическим изменениям развития. Это включает в себя адаптацию к изменениям климата и сокращение выбросов углекислого газа способами, которые обеспечивают более высокую выгоду, такими как доступ к низкоуглеродным технологиям, разработанным на основе чистой энергии, и принятие мер по более устойчивому использованию природных ресурсов. Для России и Казахстана важно разработать стратегии и меры для адаптации к изменению климата. Это может быть достигнуто через улучшение инфраструктуры, разработку систем раннего предупреждения и реагирования и обеспечение доступа к критическим ресурсам, таким как чистая вода и продовольствие.

Следует отметить, что действия Казахстана в области устойчивого развития, обеспечения климатической нейтральности опережают аналогичные российские практики. На Саммите климатических амбиций, организованном Генсеком ООН, в 2020 г. Казахстан пообещал стать климатически нейтральным до 2060 г. Стратегия достижения углеродной нейтральности Республики Казахстан до 2060 года¹² предусматривает переход к 2060 г. к углеродно нейтральному производству электроэнергии, а к 2030 г. — снижение выбросов парниковых газов на 15 %. Первую промежуточную цель по достижению выработки 3 % энергии из возобновляемых источников энергии к 2020 г. Казахстан уже выполнил (на возобновляемые источники энергии приходится 4 % выработанной электроэнергии). Объем финансирования этой программы — 666,5 млрд долл. США. В 2013 г. была принята

⁹ Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития ГА ООН // URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 01.07.2023).

¹⁰ Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Эколого-правовое обеспечение климатической безопасности Российской Федерации : монография. М. : Проспект, 2022. С. 49.

¹¹ Российская Федерация и Республика Казахстан являются важными игроками не только в Евразийском климатическом пространстве, но и в мировой повестке: они оказывают большое влияние на глобальный климат в силу масштабов территорий, богатейших запасов природных ресурсов и большого промышленного потенциала.

¹² Указ Президента Республики Казахстан от 02.02.2023 № 121 «Об утверждении Стратегии достижения углеродной нейтральности Республики Казахстан до 2060 года» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2300000121> (дата обращения: 01.07.2023).

Концепция по переходу Республики Казахстан к «зеленой экономике»¹³, согласно которой к 2050 г. структура генерирующих мощностей на 50 % должна состоять из источников энергии, альтернативных углю и нефти.

В целях успешной реализации глобальной климатической повестки странам — участникам Евразийского экономического союза необходимо выстроить свое международное сотрудничество, которое включало бы в себя обмен передовыми технологиями, проведение совместных экологических исследований и реализацию экопроектов. Важно также обеспечить прозрачность и отчетность по достижению заданных целей.

Остается открытым вопрос о возможности решения проблем правового регулирования предупреждения изменения климата и обеспечения экологической безопасности в рамках нормативных актов, принятых ЕАЭС. Вопросы имплементации международного права в национальное право поднимал в своих работах С. А. Боголюбов. Он отмечал, что эффективность международного права зависит от того, как страны реализуют его рекомендации, имплементируют в свое законодательство. Неразвитое или слабое национальное законодательство может приводить в ряде случаев к неадекватному выполнению соглашений или к их срыву, что приносит только отрицательный результат авторитету как закона, государства, так и правоприменения, в том числе соблюдения международного права¹⁴.

В 2021 г. было заявлено об экономическом сотрудничестве государств — членов ЕАЭС в рамках климатической повестки. Как приверженцы Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года¹⁵, государства — члены Союза выступают за «инклюзивное международное сотрудничество по вопросам борьбы с изменением климата и укрепление внешнеэкономических связей на основе принципов недискриминации, равноправия и уважения суверенитета, с целью обеспечения условий для экономического и экологического благополучия государств — членов ЕАЭС»¹⁶.

При разработке Стратегии развития ЕАЭС до 2025 года один из экспертов, Акимжан Арупов, директор Института мировой экономики и международных отношений, предлагал создание Экологического кодекса в рамках ЕАЭС. По его мнению, глобальная повестка требует актуализации экологических вопросов, которая могла бы реализоваться в инициативе по разработке кодифицированного документа, связанного с охраной окружающей среды. Еще одним предложением экспертов стала разработка общих экологических стандартов и технологий в целях углубления сотрудничества в сфере обеспечения экологической безопасности на территории евразийского пространства¹⁷.

Как отмечают К. В. Колесникова и Р. В. Нутрихин, совершенствование нормативной правовой базы Евразийского экономического союза может стать одним из факторов усиления интеграционных процессов на евразийском простран-

¹³ Указ Президента Республики Казахстан от 30.05.2013 № 577 «О Концепции по переходу Республики Казахстан к “зеленой экономике”» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000577> (дата обращения: 01.07.2023).

¹⁴ Экологическое право : учебник для вузов / С. А. Боголюбов [и др.] ; под ред. С. А. Боголюбова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. 304 с.

¹⁵ URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.07.2023).

¹⁶ Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года ООН // URL: <https://eec.eaeunion.org/news/zayavlenie-ob-ekonomicheskom-sotrudnichestve-gosudarstv-chlenov-%20evrazijskogo-ekonomicheskogo-soyuza-v-ramkah-klimaticheskoy-povestki/> (дата обращения: 01.07.2023).

¹⁷ Экологическое сотрудничество на евразийском пространстве // URL: <https://www.ritmeurasia.org/news-2020-10-13--ekologicheskoe-sotrudnichestvo-na-evrazijskom-prostranstve-obeschaet-byt-produktivnym-51377> (дата обращения: 01.07.2023).

стве, а это, в свою очередь, будет содействовать устойчивому экономическому росту стран — участниц ЕАЭС и преодолению экологических проблем, сдерживающих их продвижение по пути устойчивого развития¹⁸.

Для формирования правовых механизмов обеспечения экологической и климатической безопасности важен принятый в России в 2023 г. Национальный план мероприятий второго этапа адаптации к изменениям климата на период до 2025 года¹⁹. В документе, в частности, отмечается, что риски, связанные с изменениями климата, становятся всё более сложными для управления. Принятие адаптационных мер в ряде случаев приводит к повышению уровня уязвимости населения, природных экосистем и объектов экономики к изменению климата и другим негативным эффектам. При этом в ряде секторов экономики выявляются варианты адаптации, которые являются экономически эффективными при различных сценариях изменения климата. Это может быть рекомендовано для формирования нормативной базы климатической безопасности в рамках ЕАЭС.

Говоря о климатической и экологической безопасности, нельзя обойти вниманием ESG-стратегии, которые являются самой активной сферой институционального строительства в контексте климатической повестки и декарбонизации экономики. У России в связи с санкциями западных стран определенные проблемы с реализацией ESG-стратегии. Бюджет России на ESG-проекты сокращается, но это стандартная реакция на

турбулентность, чтобы адаптироваться и продолжить работать дальше. В данном случае сокращение бюджетов может быть также вынужденным из-за санкционных ограничений в доступе к технологиям, сертификатам и другим инициативам. На этом фоне некоторые компании стремятся собственными силами поддерживать ESG-практику без привлечения внешней помощи. Казахстан же, напротив, начав активную политику в области устойчивого развития в начале 2010 г., на сегодня обладает одним из наиболее развитых ESG-законодательств в СНГ. На июль 2022 г. рынок ESG-финансирования Казахстана оценивается в 250 млн долл.²⁰ В 2021 г. в Казахстане была утверждена таксономия «зеленых» проектов, которая представляет собой систему классификации категорий «зеленых» проектов, направленных на повышение эффективности использования природных ресурсов, снижение уровня негативного воздействия на окружающую среду, повышение энергоэффективности, энергосбережения, смягчение последствий изменения климата и адаптацию к изменению климата²¹. Одними из наиболее успешных зеленых проектов, реализованных в Казахстане, являются: ветровая электростанция в городе Ерейментау мощностью 45 МВт, произведшая более 500 млн кВт·ч электрической энергии²²; биоэлектростанция Kaz Green Energy в городе Жезказган²³, ранее в 2019 г. ТОО «Kaz Green Energy», вошедший в Kazakhmys Holding, ввел в эксплуатацию солнечную электростанцию в городе Кенгир мощностью 10 МВт²⁴.

¹⁸ Колесникова К. В., Нутрихин Р. В. О гармонизации законодательства Евразийского экономического союза в сфере природопользования // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 2. С. 134.

¹⁹ Распоряжение Правительства РФ от 11.03.2023 № 559-р «Об утверждении национального плана мероприятий второго этапа адаптации к изменениям климата на период до 2025 года».

²⁰ Пресс-релиз Форума зеленого роста // URL: <https://aifc.kz/ru/press-relizy/iv-forum-zelenogo-rosta.-novye-rubezhi-esg-povestki-i-ustoichivogo-finansirovaniya-v-kazahstane/> (дата обращения: 01.07.2023).

²¹ Постановление Правительства Республики Казахстан от 31.12.2021 № 996 «Об утверждении классификации (таксономии) “зеленых” проектов, подлежащих финансированию через “зеленые” облигации и “зеленые” кредиты».

²² Энергия ветра // URL: <https://agroinfo.kz/energiya-vetra-etrovaya-elektrostanciya-v-g-erejmentau-vyrabotala-bole-500-mln-kvtch-video/> (дата обращения: 01.07.2023).

²³ В Жезказгане из биогаза будут вырабатывать электроэнергию // URL: <https://kapital.kz/finance/100835/v-zhezkazgane-iz-biogaza-budut-vyrabatyvat-elektroenergiyu.html> (дата обращения: 01.07.2023).

²⁴ URL: <https://e-cis.info/news/567/85268/> (дата обращения: 01.07.2023).

Экологические вопросы (включая климатическую повестку) — это вопросы более долгосрочные, требующие больших финансовых затрат для бизнеса, новых технологий и инфраструктуры. Тем не менее это не означает, что обеспечение климатической безопасности отошло на второй план. Экономическое развитие компаний, социальное развитие и состояние окружающей среды взаимосвязаны; для реализации ESG-повестки важно, чтобы сохранялся баланс между тремя аспектами, потому что перекос в одном направлении может не привести к желаемому результату.

Есть еще один аргумент в пользу сохранения ESG-повестки. Российские компании начали работать на восточном направлении, а местные контрагенты серьезно продвинулись в плане запроса на устойчивость: многие страны азиатского региона имеют собственную ESG-повестку, активно внедряют практики «зеленого» финансирования.

Сегодня азиатские страны притягивают внимание компаний всего мира как перспективные для развития сотрудничества рынка. Азия переходит к новой технологической эре — это связано с развитием методов декарбонизации энергетики, практик «зеленого» бизнеса и устойчивых процессов в целом. Кроме того,

требования ряда фондовых бирж Азиатско-Тихоокеанского региона к ESG-аспектам и раскрытию нефинансовой информации более жесткие, чем на Западе.

Выводы

России, Казахстану и иным участникам ЕАЭС необходимо:

— усилить сотрудничество в области инноваций, технологий и переориентации своих экономик на более экологически устойчивые модели (в частности, следует организовать сотрудничество в области научных исследований и разработок, а также оказывать взаимную поддержку в различных запланированных инициативах);

— стимулировать развитие климатической безопасности в регионе путем поддержки и продвижения экологически чистых проектов и инициатив;

— разрабатывать меры и программы для адаптации к последствиям изменения климата, связанные с повышением устойчивости к природным катастрофам, более эффективным управлением водными ресурсами и снижением уязвимости региона к климатическим изменениям;

— осуществлять обмен опытом и передачу передовых технологий в области экологической безопасности и борьбы с изменением климата.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Экологическое право : учебник для вузов / С. А. Боголюбов [и др.] ; под ред. С. А. Боголюбова. — 7-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2023. — 304 с.
2. Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Эколого-правовое обеспечение климатической безопасности Российской Федерации : монография. — М. : Проспект, 2022. — 160 с.
3. Колесникова К. В., Нутрихин Р. В. О гармонизации законодательства Евразийского экономического союза в сфере природопользования // Гуманитарные и юридические исследования. — 2019. — № 2. — С. 129–134. — DOI: 10.37494/2409-1030-2019-2-129-134. — EDN CQAEFC.
4. Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рандерс Й., Беренс III У. В. Пределы роста. Отчет для проекта Римского клуба о затруднительном положении / пер. с англ.; предисл. Г. А. Ягодина. — М. : Изд-во МГУ, 1991. — 361 с.
5. Forrester J. W. World dynamics. — Wright-Allen Press, 1971. — 147 с.
6. Meadows D. H., Randers J., Meadows D. L. Beyond the Limits. — Chelsea Green Publishing, 1992.

Материал поступил в редакцию 1 июля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Ekologicheskoe pravo: uchebnik dlya vuzov / S. A. Bogolyubov [i dr.]; pod red. S. A. Bogolyubova. — 7-e izd., pererab. i dop. — M.: Yurayt, 2023. — 304 s.*
2. Zhavoronkova N. G., Shpakovskiy Yu. G. *Ekologo-pravovoe obespechenie klimaticheskoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: monografiya. — M.: Prospekt, 2022. — 160 s.*
3. Kolesnikova K. V., Nutrikhin R. V. *O garmonizatsii zakonodatelstva Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza v sfere prirodopolzovaniya // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. — 2019. — № 2. — S. 129–134. — DOI: 10.37494/2409-1030-2019-2-129-134. — EDN CQAEFC.*
4. Medouz D. Kh., Medouz D. L., Randers Y., Berens III U. V. *Predely rosta. Otchet dlya proekta Rimskogo kluba o zatrudnitelnom polozhenii / per. s angl.; predisl. G. A. Yagodina. — M.: Izd-vo MGU, 1991. — 361 s.*
5. Forrester J. W. *World dynamics. — Wright-Allen Press, 1971. — 147 s.*
6. Meadows D. H., Randers J., Meadows D. L. *Beyond the Limits. — Chelsea Green Publishing, 1992.*

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.



KUTAFIN LAW REVIEW

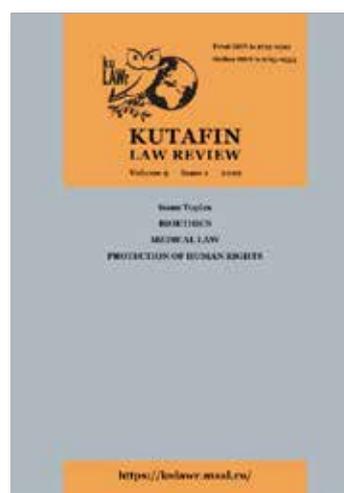
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!



Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 18 № 12 (157) декабрь 2023

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 194-1471



9 771994 147002